

**БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК
КАФЕДРА ПСИХОЛОГИИ**

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ПРИКЛАДНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ
ПСИХОЛОГИИ**

МАТЕРИАЛЫ

I Республиканской научно-практической конференции

Минск, 23 ноября 2016 г.

**Минск
Издательский центр БГУ
2016**

УДК 159.9:340(06)
ББК 88.573я431
С56

Редакционная коллегия:

доктор психологических наук профессор *И. А. Фурманов*
(ответственный редактор);
доктор психологических наук профессор *В. П. Вишневская*;
доктор психологических наук профессор *А. Н. Пастушеня*;
доктор психологических наук профессор *В. А. Янчук*;
кандидат психологических наук доцент *И. Е. Метлицкий*;
кандидат психологических наук доцент *В. П. Прилепин*;
старший преподаватель *М. С. Фабрикант*

Современные проблемы прикладной юридической психологии
С56 [Электронный ресурс] : материалы I Респ. науч.-практ. конф., Минск, 23 нояб. 2016 г. / редкол. : И. А. Фурманов (отв. ред.) [и др.]. — Электрон. дан. (17,1 Мб). — Минск : Изд. центр БГУ, 2016. — 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

ISBN 978-985-553-408-3.

В сборнике представлены материалы I Республиканской научно-практической конференции, посвященной современным проблемам в областях криминальной и судебной психологии, психологии виктимного поведения и криминальной агрессии, превентивной, постпенитенциарной психологии и судебно-психологической экспертизы.

Материалы предназначены для широкого круга специалистов: психологов, социологов, философов, педагогов и социальных работников.

УДК 159.9:340(06)
ББК88.573я431

ISBN 978-985-553-408-3

© БГУ, 2016

© Оформление. РУП «Издательский центр БГУ», 2016

Агейко О.В.

доцент кафедры психологии управления Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат психологических наук, доцент

СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ПРОФАЙЛИНГОВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПРИ ПОДГОТОВКЕ ЮРИСТОВ

Современный этап развития общества характеризуется существенными изменениями в политической, экономической и социальной сферах жизни, которые повлекли за собой значительное осложнение криминогенной обстановки в стране. В этих условиях противодействие преступности возможно только на основе качественного улучшения подготовки специалистов для правоохранительных органов. Усиление в современном мире террористической и экстремистской угрозы требует новых подходов к организации профессионального образования в системе МВД Беларуси, разработки интегративных дисциплин, обеспечивающих высокое качество профессиональной подготовки [1].

Как известно, главной целью современного профессионального образования в соответствии с требованиями государственных образовательных стандартов третьего поколения выступает формирование у обучаемых компетенций.

В современных условиях одним из наиболее значимых параметров функциональной грамотности для сотрудников органов внутренних дел является вдумчивое наблюдение и анализ окружающей обстановки, поведения людей, поиск подозрительных признаков и установление причинно-следственных связей. Это связано с внедрением принципиально иного концептуального подхода к организации профессиональной деятельности сотрудников милиции [1; 2].

Речь идет о смещении акцентов в сторону профилактики преступлений. Не подлежит сомнению, что при таких условиях принципиальное значение в проблеме организации сотрудниками милиции своей профессиональной деятельности придается искусности владения методами психологии в их

прикладном аспекте, когда основной акцент делается на процессах межличностного взаимодействия, на возможностях человеческого восприятия к считыванию внешней и внутренней информации. Современный взгляд на приобретение студентами опыта такого рода заключается в овладении концепцией профайлинга.

Такой опыт студенты юридического профиля смогли получить, обучаясь в Академии управления при Президенте Республики Беларусь.

Профайлинг – это технология предотвращения противоправных действий посредством выявления потенциально опасных лиц и ситуаций с использованием методов прикладной психологии [3].

Под технологией понимается комплекс организационных мер, операций и приемов, направленных на получение результата необходимого качества, посредством оптимальных (минимально возможных без ухудшения качества) затрат.

Технология профайлинга включает в себя комплекс таких мер, которые максимально ориентированы на эффективное распознавание потенциально опасных лиц и ситуаций и тем самым максимально ориентированы на профилактику преступлений разного рода. Возможность совершения человеком противоправных действий определяется при этом путем «непосредственного усмотрения» признаков, характерных для подготовки к совершению противоправного деяния. Сама же методика профайлинга активно используется уже более 20 лет в таких странах, как Израиль, США, Германия.

Одной из составляющих профайлинговой компетентности является изучение и интерпретация невербальных компонентов утаивания информации и тех эмоций, которые сопровождают данный процесс. Так, тенденция к повышению высоты голоса является одной из самых частых находок в психологических исследованиях обмана. Однако это характерно не для всех людей, у некоторых высота голоса во время лжи снижается. Кроме того, выделено еще несколько изменений речи, которые могут быть связаны с ложью, таких как замедление ответа, укорочение фраз, снижение темпа речи.

Однако большинство этих исследований основывается на лабораторных опытах, в которых риски, связанные с раскрытием лжи крайне низки. Обобщать эти данные и использовать эти выводы для реальной работы нужно с осторожностью. Среди невербальных признаков, ассоциированных с обманом, выделено повышение частоты появления жестов-манипуляторов и повышения частоты пожатия плечами. Некоторые исследователи также говорят о повышении частоты морганий глаза и расширении зрачков в ситуации стресса и нервного возбуждения [3].

Хотя человек может испытывать стресс вовремя лжи и, таким образом, повышение частоты морганий и расширение зрачков можно назвать признаками лжи, стресс и возбуждение он может испытывать, когда говорит правду. В этом случае описанные критерии могут привести к неправильным выводам.

Улыбка – один из наиболее часто изучаемых мимических признаков лжи. В некоторых исследованиях говорится о снижении количества улыбок во время лжи, в других о повышении. В 1988 Экман, Фризен и О'Салливан нашли, что типы улыбок в честных и лживых интервью различны. Частота улыбок, связанных с реально ощущаемыми позитивными эмоциями (улыбка Дюшенна), во время обмана ниже, а улыбок «утечки» (маскирующих негативные эмоции) выше. Частота различных жестов, движений рук, ног, головы, изменений позы может несколько снижаться в процессе обмана, но снижается незначительно. В связи с разными методиками измерения этих параметров в разных исследованиях трудно сделать общие выводы об этих критериях. Считается, что отсутствие контакта глазами один из признаков лжи, но в реальности исследования показывают, что уровень глазного контакта в ситуации обмана повышается [4]. Возможно, учитывая веру людей в то, что лжецы отводят взгляд, лжецы увеличивают время контакта глазами. Если это так, направление взгляда может быть обманчивым. Однако, следует подчеркнуть, что не один поведенческий критерий не является абсолютным в определении лжи, даже активность автономной нервной системы, измеренная полиграфом.

По мнению Е. Спирицы существуют два типа ошибок, которые противоположны по причине и последствиям:

- не поверив правде, верификатор может совершить ложно-позитивную ошибку, приняв за лжеца честного человека;
- поверив лжи – ложно-негативную.

Неважно, использует ли верификатор полиграф или интерпретирует поведение, в любом случае он уязвим для этих ошибок. Профайлеры учитывают многие психологические особенности террористов, адаптируя их к специфике своей деятельности. Дальнейшая работа в этом направлении, на наш взгляд, должна все больше двигаться в сторону слияния теоретических знаний и практических навыков, поскольку именно профайлинг является той областью антитеррористической деятельности, которая позволяет наиболее четко реализовать данный принцип. В этой связи следует также подчеркнуть, что система профайлинга может послужить хорошей информационной базой для превентивных мер по предупреждению терроризма [4].

Исходя из вышесказанного, хочется отметить о необходимости, важности и планомерности внедрения профайлинговой теории и практики в обучение, при обучении будущих юристов.

Литература

1. Байденко В. И. Выявление состава компетенций выпускников вузов как необходимый этап проектирования ГОС ВПО нового поколения / В.И. Байденко // М., 2006. – С. 11.
2. Разработка программ подготовки профессорско-преподавательского состава к проектированию образовательного процесса в контексте компетентностного подхода: монография / под ред. Г. А. Бордовского, Н. Ф. Радионовой, А.В. Тряпицына. СПб., 2010. – С. 5.

3. Институт НЛП – НЛП-Практик Профайлинг. Практическая психология [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://nlp-dhe.livejournal.com/24743.html> (дата обращения 18.05.2013).

4. Марьин М.И. Психологическое обеспечение антитеррористической деятельности / М.И. Марьин, Ю.Г Касперович. – М.: Изд. центр «Академия», 2007. – 208 с.

Адаськова С.Б.

старший психолог отдела психологического обеспечения исправительного учреждения «Исправительная колония №4» управления Департамента исполнения наказания по Гомельской области, магистр психологических наук

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ОСУЖДЕННЫХ ЖЕНЩИН НА ЭТАПЕ АДАПТАЦИИ К УСЛОВИЯМ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ

С момента прибытия в исправительное учреждение, осужденные женщины переживают сложный период адаптации к новой среде, социальному окружению, непривычным условиям труда и быта, специфическим требованиям режима отбывания наказания. Вступление в контакт с пенитенциарной системой сопровождается рядом психотравмирующих факторов: ограничение свободы, необходимость беспрекословного выполнения требований администрации, четкий распорядок дня и режим содержания, проживание в стесненных условиях, отсутствие личного пространства и возможности уединения, сложности в удовлетворении привычных потребностей, прекращение устоявшихся связей с обществом и семьей, оторванность от детей и родных [2].

Данные факторы оказывают сильнейшее воздействие на личность женщины, изменяя привычное поведение, способствуя возникновению комплекса специфических переживаний, которые развиваются в местах лишения свободы. Наиболее типичные из них: неопределенность, нетерпение, страх, опасение быть преданным близкими. Тоска и подавленность также сопровождают осужденных в местах лишения свободы. Социальная изоляция

усиливает угнетённое состояние, которое является результатом фрустрации, следствием краха жизненных целей и крушения надежд. У осужденных на длительный срок отбывания наказания, может появиться неверие в возможность снова обрести нормальную жизнь.

В специфических условиях содержания в исправительных учреждениях значительно возрастает тревожность, что препятствует формированию адаптационного поведения. Постоянное пребывание на виду у множества людей, необходимость в связи с этим контролировать каждое действие, сдерживать эмоции и чувства усиливает напряжение психики и нервной системы. Именно этим можно объяснить раздражительность, плаксивость, восприимчивость к влиянию ближайшего окружения, и, как следствие, возникновение проблемных ситуаций во взаимоотношениях [1].

Сложность адаптации осужденных женщин связана и с тем, что в условиях лишения свободы невозможно подобрать компенсацию привычным социальным ролям (матери, жены, хозяйки дома), именно поэтому женщины острее, чем мужчины, воспринимают факт изоляции от общества. У них чаще, чем у мужчин, происходят нервно-психические срывы, возникают состояния фрустрации, депрессии, обреченности. Потребности осужденных женщин специфичны, они больше, чем мужчины, ценят материальное благополучие и комфорт. С этим связано особенно болезненное переживание отсутствия привычной повседневной обстановки, предметов и средств ежедневного использования.

Процесс социальной адаптации протекает индивидуально для каждой осужденной. Во многом он зависит от личностных особенностей, убеждений, жизненных планов, сложившейся системы отношений личности осужденной, ее криминального опыта, категории совершенного преступления [1].

Психологическое сопровождение вновь прибывших осужденных направлено на активизацию психологических ресурсов, преодоление негативных состояний, успешную адаптацию к порядку и условиям отбывания наказания в исправительном учреждении [3]. Психологической службой

исправительного учреждения организуются и проводятся психологическая диагностика и индивидуальные познавательные-адаптирующие беседы в течение семи дней после прибытия осужденной, а также групповая коррекционная работа.

Психологическая диагностика направлена на определение психологических особенностей осужденных, прогноз поведения после распределения в отряд, определение суицидального риска, выявление стратегий поведения в конфликтных ситуациях. По результатам диагностики психолог дает рекомендации начальнику отряда по организации воспитательного воздействия в отношении осужденной, а также прогнозирует ее поведение в дальнейшем. При необходимости может принято решение о постановке осужденной на психологический учет для дальнейшего сопровождения и контроля за адаптацией.

Задачами первой индивидуальной беседы с осужденной помимо сбора анамнеза является установление контакта, его границ, определение компетенций психолога, формирование понимания того, чем психолог отличается от других сотрудников учреждения. Важно, чтобы помимо офицера осужденная видела перед собой человека, которому можно доверить свои переживания, свою историю. Поведение осужденной при первой встрече часто зависит от совершенного преступления, срока отбывания наказания, отношения к содеянному.

Женщины, осужденные за насильственные преступления, чаще всего испытывают чувство вины и стыда, которые отличаются огромной силой, затмевают все остальные переживания, блокируют энергию необходимую для преодоления трудностей, связанных с условиями и порядком отбывания наказания в исправительной колонии. При работе с данной категорией осужденных необходимо проявлять эмпатию, сопереживание, демонстрировать безоценочное принятие в любых ситуациях, что позволит легализовать чувства вины и стыда, снять их уникальность, обозначить нормальность подобных переживаний для текущей ситуации. В беседе с данной

категорией осужденных психологу необходимо создать такие условия, в которых осужденная смогла бы выйти за границы своих переживаний, подняться над собой и над ситуацией, посмотреть на себя со стороны.

Осужденные за корыстные преступления демонстрируют иные проявления при первой встрече. Внешне их положительное поведение не всегда свидетельствует о полном раскаянии и внутреннем осуждении. Часто они не признают вину, не согласны с приговором, оспаривают решение суда, уменьшают последствия содеянного, односложно отвечают на вопросы, неохотно рассказывают о преступлении. В подобных ситуациях психолог должен проявить заинтересованность, демонстрировать вежливое и тактичное обращение, необходимо исключить вопросы, которые предполагают односложные ответы. Можно использовать конфронтацию, вежливо и деликатно обозначив противоречивые эпизоды в рассказе осужденной. Это способствует отреагированию сдерживаемых чувств и установлению психологического контакта.

В ходе еженедельных групповых бесед психолог разъясняет, как можно получить психологическую помощь, попасть на консультацию, важно обозначить, какие вопросы входят в компетенцию психолога. Тематика групповых занятий направлена на сохранение и укрепление душевного равновесия, профилактику суицидальных проявлений, формирование способности конструктивно строить взаимоотношения с окружающими.

Таким образом, психологическое сопровождение осужденных женщин на этапе адаптации к условиям отбывания наказания способствует активизации внутренних ресурсов, формированию понятия о первичных навыках жизнедеятельности в условиях лишения свободы, формирует психологическую готовность осужденных женщин к условиям и порядку отбывания наказания.

Литература

1. Гончар, Ю.Г. Введение в исправительную психологию : учеб. пособие / Ю.Г. Гончар. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2005. – 211 с.

2. Петров, В.И. Организация и методика проведения школ профилактики психической дезадаптации в условиях пенитенциарного стресса : практическое пособие / В.И. Петров. – Минск.: Департамент исполнения наказаний МВД Республики Беларусь, 2004. – 132 с.
3. Женщины в местах лишения свободы: сборник материалов международной конференции, Гомель, 11-13 октября 2007 г. // Пенал Реформ Интернешнл. – М., 2008. – 238 с.

Amit Uri

Dr. Amit is an affiliate of the Object Relations Institute in New York City, New York, a psychology faculty member at Rutgers University in New Jersey, a senior clinician at a forensic unit on the eastern seaboard, a former chief psychologist at a New England (USA) forensic unit, and is a private practitioner. He is a diplomate of the American College of Forensic Examiners and a Certified Group Psychotherapist by the American Group Psychotherapy Association.

THE EFFICACY OF WEDDING COGNITIVE BEHAVIOR AND PSYCHOANALYTIC PSYCHOTHERAPIES IN GROUP PSYCHOTHERAPY FOR INCARCERATED MALE POPULATION

Introduction

An assemblage of men falling on the schizoid-paranoid spectrum (Klein, 1984) poses years-long challenge to therapists to keep them sufficiently curious about the process, motivate regular attendance and awake the nascent basic human tendency to unfold and self-enhance (Rogers, 1951). General analytic comments about the group's dysfunction alone will asphyxiate the inherent desire to unfold. Members will further regress within the schizoid-paranoid spectrum and are likely to flee as the fear of remembered annihilation would be recalled. Nonetheless, group processes' psychoanalytical maps drawn by Bion (1961), Turquet (1974), Lawrence et al. (1996) and others (Hopper, 1997; Weinberg, 2007) are not to be disregarded, but are to be visually presented, in a here-and-now language described and with an inclusion of known personal histories. The goal is to unearth the forces that promoted erroneous thinking that steered the men toward maladaptive behaviors and realize their present aliveness. To wed the two approaches is to reduce the likelihood for falsification of

change. A necessary condition is the therapist(s) ability to remain attuned to the process despite the border linish “attacks on linking” (Bion, 2013), and provide the space in which the members can consider the impact of the past-in-the-present.

Психотерапевтические группы пациентов шизоидно-параноидного спектра (Кляйн, 1984) годами вызывают у терапевтов трудности связанные с необходимостью поддерживать у таких пациентов достаточный уровень интереса к процессу, мотивировать регулярное посещение терапевтических сессий и активизировать зарождающуюся базовую человеческую склонность к самораскрытию и самореализации (Роджерс, 1951). Члены группы склонны регрессировать глубже в рамках шизоидно-параноидного спектра и с большой вероятностью прекращают участие в психотерапии вследствие конфронтации с воспоминаниями о страхе быть уничтоженными. Тем не менее, психоаналитические карты групповых процессов, изображенные Бионем (1961), Тюрке (1974), Лоуренсом с соавторами (1996) и другими (Хоппер, 1997; Вайнберг, 2007), следует не исключать из процесса, а наглядно демонстрировать их больным с описанием по принципу здесь-и-сейчас и с подключением имеющихся в распоряжении индивидуальных историй. Цель этого процесса – вывести на поверхность силы, которые способствовали ошибочному мышлению, направившему пациентов к дезадаптивным паттернам поведения, и осознать текущую активность этих сил. Интеграция этих двух подходов позволяет уменьшить вероятность ложных изменений. Необходимым условием для такого рода интеграции выступает готовность психотерапевта (психотерапевтов) отслеживать процесс, несмотря на пограничные «нападения на связи» (Бион, 2013), и предоставить свободное пространство, в котором члены группы способны рассматривать влияние прошлого-в-настоящем.

Population

Adult males committed to a forensic facility dedicated to treatment and assessment of their dangerousness. Dangerousness is attributed to a “mental abnormality” or “personality disorder” reflected in their criminal history and odious

sexual offenses in particular. Via a specific statute, the commitment follows exhausted criminal sentence.

Individually and as a whole, the men in this group organize themselves around early traumatogenic experiences and “chosen glories” (Weinberg, 2007) of undetected unlawful behaviors, outrageous sexual attempts to suppress dependency (Winnicott’s manic defense [1935]) and perspicaciously sidestepping institutional rules. This group of men is also infamously known for both resistance to treatment and its ability to use clinical lingo, and sound convincing to unaccustomed listeners. Of no less importance is the men’s belief they are victims of social unjust and political prisoners and must, therefore, unite against the dangerous system and its agents, correction officers and clinicians. The clinicians who have access to explicit and implicit primitive fantasies and carefully couched thoughts have the power, as the myth goes, to prolong their life-long miseries with a stroke of a pen.

Interventions

Groups meet for 90 minutes, some are psycho educational in format and others are psychotherapy groups. The latter convene thrice weekly and tend to begin with silence that creates discomfort often discharged with complaints. For example, I am tired of this hell hole,” or “When will I get the f---ing report,” or “Where is the form you told me you will bring me?” Or objections to the conditions of confinement, or criticism of the (free) medical/dental care and so on (*me-ness* [Lawrence et al., 1996]). An expressed grievance by one is often enough to create an agreeing choir of few while others either minimize the misery, or remain unresponsive, or rush to offer a solution and later wonder aloud why they were shunned by others (*massification/aggregation* [Hopper, 1997]). During “bitch time,” it is not unusual that a member or more will demand that the co-leaders “do something about it” (*dependency, fight-flight* [Bion, 1961]; *one-ness* [Turquet, 1974]). Here I may either point to parallel experiences such as with a grossly inattentive parent(s), or to the need to rationalize parental disregard, or to a flight into silence to avoid parental sadistic scapegoating, or to siblings’ rivalry, or to alliances within families and to whatever other experiences I am able to recall during the process. I tend to also invite the group

to consider evoked feelings and, once expressed, to note that the feelings may not be “strange,” but rather familiar given the reported personal histories and offense dynamics (e.g., what was said and done during offending).

At other times, written assignments given in psycho educational classes are presented in group therapy for input (*dependency* [Bion, 1961]). Family news are also reported on in order to receive advice on how to manage related problems, or describe a dispute with another resident or a correction officer. Feedback follow for it pays, so do the men believe, to offer them as it may look good on reports and eventually expedite release, as well as to discharge induced anxiety and appear sound thus refuting the belief they suffer from “mental abnormality” (a condition for civil commitment). The feedback tend to be deadening for they often amount to talking at others rather than encourage unearthing the etiology of corrupted thinking.

To abort intellectualization, I often step up to the board, draw caricatures using the intellectualizers’ names, echo what I heard using as many of the words uttered and ask, “Might you, X, have feelings about these [pointing to two or three caricatures] exchanges?” Or ask X, “Might there be another way to respond so that Y [pointing to the figure] could hear you?” Role-playing follows instantaneously.

A seemingly monotonous presentation affords for an examination of life’s experiences that culminated in indeterminate forced containment that may also help to free the human spirit.

Conclusion

Flawed cognitive processes and maladaptive behaviors are not questioned so as to not further thicken the self-protective shell. Instead, bridging between the men and engaging the visual and auditory senses are utilized and seem to provide a safe environment in which the self-protective shell tends to crack, albeit very slowly.

My contact with group members extends beyond the scheduled sessions for I pass by them on my way to and from the treatment area. I often stop to stand or sit by them at a table for four to just say hello and enquire about their families. With time, these brief stopovers help to create transitional *spaces* (Winnicott, 1953) as evidenced in shorter “bitch time” and work intensity once the course was set.

Contraindications

None are known.

REFERENCES

1. Bion, W. R. (1961). *Experiences in group and other papers*. London: Tavistock.
2. Bion, W.R. (2013). Attacks on Linking. *International Journal of Psychoanalysis*, Vol. 40 (1959), pp. 308–315.
3. Buber, M. (1958). *I and Thou*. Trans. R.G. Smith. New York: Charles Scribner's 1958.
4. Hopper, E. (1997). The fourth basic assumption. *Group Analysis*, 30, 439-470.
5. Klein, M. (1984). *Envy and gratitude and other works 1946-1963*. London: Hogarth.
6. Lawrence, W.G., Bain, A. and Gould, L.J. (1996). The fifth basic assumption. *Free Associations*: 6, 37, 28-55.
7. Weinberg, H. (2007). So what is the social unconscious anyway? *Group Analysis*, 40(1), 319-334.
8. Rogers, C. (1951). *Client-centered therapy: Its current practice, implications and theory*. London: Constable Turquet, P.M. (1974) Leadership: The individual and the group. In Gibbard, G.S. et al., eds. *The Large Group: Therapy and Dynamics*. San Francisco and London: Jossey Bass.
9. Winnicott, D.W., (1935): *The Manic Defence; Through Pediatrics To Psychoanalysis: Collected Papers*, 1958; New York: Basic Books, Inc.
10. Winnicott, D. W., (1953). Transitional objects and transitional phenomena. *International Journal of Psycho-Analysis*, 34, 89-97.

Астрейко Н.С.

аспирант кафедры психологии, Белорусского государственного университета

АГРЕССИЯ ВОДИТЕЛЯ НА ДОРОГЕ КАК ПРЕСТУПНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

В Республике Беларусь высшей ценностью является человек, его права и свободы, поэтому обеспечение безопасных условий жизни – один из приоритетов государственной политики. Концептуально действующие в стране

подходы к обеспечению безопасности дорожного движения соответствуют мировым стандартам и позволяют адекватно реагировать на изменения дорожно-транспортной обстановки. По данным Госавтоинспекция большая часть ДТП происходит по вине водителей. Значительное число аварий объясняется не столько нарушением водителями правил дорожного движения, сколько агрессивным поведением водителей на дороге.

Агрессивное поведение водителей – это стремление намеренно навредить или проучить других участников дорожного движения связанное со спором за первенство или превосходство в автомобильном потоке, не редко проявляется в виде попыток мести за нанесенное оскорбление [9]. Под *агрессивностью водителей* следует понимать устойчивую характеристику субъекта, отражающую его предрасположенность к поведению, целью которого является причинение вреда окружающему, агрессивное или неосторожное вождение, либо подобное аффективное состояние (гнев, злость).

В большинстве случаев агрессивность человека, как свойство его личности, лежит в основе преступного поведения. Такое поведение выражается в формах физической и/или вербальной агрессии по отношению к другим участникам дорожного движения (грубые жесты, бранные оскорбления, сознательное агрессивное управление автомобилем, ставящее под угрозу других участникам дорожного движения и т.п.) [3; 9; 10].

Ранее проведенные исследования позволили выявить, что стиль вождения автомобиля зависит от агрессивности водителя. С целью проверки данного предположения было проведено изучение взаимосвязи агрессивности и стиля вождения автомобиля среди белорусских водителей.

Для проведения исследования использовались следующие методики:

– многофакторный опросник стиля вождения О. Таубман-Бен-Ари в адаптации И.А. Фурманова и Н.С. Астрейко, состоящий из 8 шкал: диссоциативное, терпеливое, опасное, агрессивное, высокоскоростное, безаварийное, тревожное, осторожное поведение водителей [2; 10];

– шкала агрессивности А. Басса и М. Перри, состоит из 4 шкал: физическая агрессия, вербальная агрессия, гнев и враждебность [1].

В результате проведенного опроса корреляционный анализ выявил следующие взаимосвязей между показателями агрессивности и стилями вождения автомобиля вне зависимости от пола:

– Положительная взаимосвязь между физической агрессией и диссоциативным ($r = 0,34, p \leq 0,01$), опасным ($r = 0,28, p \leq 0,01$), агрессивным ($r = 0,37, p \leq 0,01$), высокоскоростным ($r = 0,25, p \leq 0,01$) стилями вождения и отрицательная взаимосвязь с терпеливым ($r = - 0,19, p \leq 0,05$) и осторожным ($r = - 0,23, p \leq 0,01$) стилями.

– Положительная взаимосвязь между вербальной агрессией и диссоциативным ($r = 0,33, p \leq 0,01$), опасным ($r = 0,25, p \leq 0,01$), агрессивным ($r = 0,33, p \leq 0,01$), высокоскоростным ($r = 0,21, p \leq 0,01$) стилями вождения и отрицательная взаимосвязь с терпеливым ($r = - 0,14, p \leq 0,01$) и осторожным ($r = - 0,24, p \leq 0,01$) стилями.

– Положительная взаимосвязь между гневом и диссоциативным ($r = 0,22, p \leq 0,01$), опасным ($r = 0,23, p \leq 0,01$), агрессивным ($r = 0,34, p \leq 0,01$), высокоскоростным ($r = 0,24, p \leq 0,01$) стилями вождения, также установлена отрицательная взаимосвязь с терпеливым ($r = - 0,18, p \leq 0,01$) стилем вождения.

– Положительная взаимосвязь между враждебностью и диссоциативным ($r = 0,17, p \leq 0,05$), опасным ($r = 0,18, p \leq 0,05$), агрессивным ($r = 0,19, p \leq 0,05$), высокоскоростным ($r = 0,21, p \leq 0,01$) стилями вождения и отрицательная взаимосвязь с терпеливым ($r = - 0,22, p \leq 0,05$) стилем.

Полученные результаты подтверждают ранее проведенные исследования агрессивного поведения водителей. Физическая и вербальная агрессия, враждебность одного водителя по отношению к другим участникам дорожного движения проявляется в открытой угрозе, криках и жестах, световых и звуковых сигналах. Данные формы агрессии возникают как сознательно, так и бессознательно к другим водителям [4].

Агрессивное вождение в настоящее время рассматривается как реакция на провокацию, которая создает аварийную ситуацию на дороге. Так ряд зарубежных исследователей ассоциируют агрессивное вождение с преступным поведением и эмоциональными состояниями, такими как гнев, которые мешают вниманию, восприятию, обработке информации и координации движений. Ученые утверждают, что водители с низкой самооценкой более склонны к агрессии и гневу на дороге [6].

Как было установлено ранее агрессивное поведение водителей на дороге способно принимать различные формы. Враждебность по отношению к другим участникам дорожного движения может варьировать по степени тяжести: словесное или физическое насилие (бесконтактное, контакт с транспортным средством, контакт с человеком), использование транспортного средства в качестве оружия, а также применение других видов оружия [7].

Таким образом, агрессивное вождение можно рассматривать как одну из форм насилия, а возможно даже как преступное поведение.

Литература

1. Фурманов, И.А. Агрессия и насилие: диагностика, профилактика, коррекция / И. А. Фурманов. – СПб : Речь, 2007. – 480 с.
2. Фурманов, И.А. Адаптация многофакторного опросника стиля вождения / И.А. Фурманов, Н.С. Астрейко // Философия и социальные науки. – 2016. – № 2. – С. 88-93.
3. Björklund, G.M. Driver irritation and aggressive behavior / G.M. Björklund // Accident Analysis and Prevention. – 2008. – № 40. – P. 1069-1077.
4. Brewer, A.M. Road rage: what, who, when, where and how? / A.M. Brewer // Transport Reviews. – 2000. – Vol. 20. – № 1. – P. 49-64.
5. Deffenbacher, J.L. The Driver's Angry Thoughts Questionnaire: A Measure of Angry Cognitions When Driving / J.L. Deffenbacher [et al.] // Cognitive Therapy and Research. – 2003. – Vol. 27. – № 4. – P. 383-402.

6. Edwards, B.D. The Validity of Narcissism and Driving Anger in Predicting Aggressive Driving in a Sample of Young Drivers / B.D. Edwards [et al.] // Human Performance. – 2013. - № 26. – P. 191-210.
7. Fong, G. Road rage: a psychiatric phenomenon? /G. Fong, D. Frost, S. Stansfeld // Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology. – 2001. – № 36. – P. 277-286.
8. Krahe, B. Predicting Aggressive Driving Behavior: The Role of Macho Personality, Age, and Power of Car / B. Khare, I. Fenske // Aggressive Behavior. – 2002. – Vol. 28. – P. 21-29.
9. Scott-Parker, B. Understanding the psychosocial factors influencing the risky behaviour of young drivers / B. Scott-Parker, B. Watson, M.J. King // Transportation Research Part F. – 2009. - № 12. – P. 470-482.
10. Taubman-Ben-Ari, O. The multidimensional driving style inventory – scale construct and validation / O. Taubman-Ben-Ari, M. Mikulincer, O. Gillath // Accident Analysis and Prevention. – 2004. – № 36. – P. 323-332.
11. Warner, H.W. Cross-cultural comparison of drivers' tendency to commit different aberrant driving behaviours / H.W. Warner [et al.] // Transportation Research Part F. – 2011. – № 14. – P. 390-399.

Бардова М.А

адъюнкт, Одесский государственный университет внутренних дел, майор полиции

Яковенко С.И.

доктор психологических наук, профессор Киевского института современной психологии и психотерапии

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОТБОРА И ПОДГОТОВКИ ПЕРЕГОВОРЩИКОВ ДЛЯ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПОЛИЦИИ

Психологические особенности ведения переговоров работниками полиции значительно отличаются от любых других переговоров своей специфичностью и аудиторией. Обобщение различных техник и способов ведения переговоров и взаимодействия людей в условиях осложнения общения, характерного для сферы юридической практики требуют анализа разных

отраслей психологии и научных исследований с юридической, социальной, общей психологии и психологии личности.

Особенности ведения переговоров с участниками преступных криминальных групп обычно связано: с выявлением скрываемых обстоятельств; классификацией преступников и преступных действий; выявлением мотива преступления и его раскрытие, либо предупреждение; изучение психологических особенностей личности преступника и составления его психологического портрета, процессом установления и развития контактов между различными категориями граждан, проведения вербовочных мероприятий и поддержания контакта с информаторами.

В процессе ведения переговоров как с преступниками, так и при осуществлении повседневных функциональных обязанностей, переговорщик использует основные принципы общения при налаживании психологического контакта, методы визуальной диагностики; анализ, распознавание и правильную интерпретацию невербализованных проявлений личности при установлении взаимопонимания в общении, так и при свочасном реакции на такие проявления; приемы психологического воздействия на объект правоохранительной деятельности с целью реализации необходимых мер [1].

Ведение переговоров тяжелая, напряженная работа, связанная с большими нервными перегрузками. Сегодня, в организации борьбы с преступностью, в том числе организованной, существует необходимость в введения должностей штатных переговорщиков в составе группы ведения кризисных переговоров.

Целесообразным считается тщательный отбор переговорщиков среди сотрудников правоохранительных органов, но также актуальным является привлечение специалистов-консультантов из разных сфер деятельности.

Для профессионального отбора специалистов-переговорщиков необходимо наличие четкой профессиограммы, то есть квалификационных характеристик специалиста-переговорщика, с описанием выполняемых ним задач и необходимых профессионально важных качеств.

В. Штерн разработал методику составления обобщенного психологического портрета конкретной личности – психограмму личности профессионала, которая в начале XX в. рассматривалась как набор профессионально важных качеств, основанная на структурно-функциональном анализе деятельности, некоторая модель наиболее важных психических функций обобщенного субъекта труда - успешного профессионала. Такого рода модель служит основой для подбора психодиагностических методик и прогнозирования с их помощью успешности будущих переговорщиков.

Обобщение теоретически данных и собственные исследования дают основание считать, что особое внимание при отборе кандидатов на должности переговорщиков следует уделить следующим психологическим качествам и практическим умениям:

- наблюдательность, которая позволит выбрать правильную тактику поведения;
- внимательность и умение фокусироваться на собеседнике и быстро понимать его приоритеты и ценности, которые могут влиять на принятие решений в переговорах;
- высокий уровень стрессоустойчивости и выдержки, которая позволяет не отвечать на провокации противника;
- здоровая агрессивность, позволяет отстаивать свои интересы;
- ответственность и мотивированность;
- высокий уровень интеллекта,
- скорость, гибкость, креативность и переключение мышления;
- хорошая память, общая эрудиция и развитая интуиция;
- значительный словарный запас, выразительная речь, навыки убеждения и внушения, ораторские навыки;
- умение вызывать доверие и симпатию;
- эмпатия, вежливость и тактичность;
- умением объективно оценивать информацию и прогнозировать динамику событий;

- умение давать точную уголовно-психологическую оценку оппонентам в противостоянии благодаря навыкам личной и ситуативной экспресс-диагностике;
- точное ощущение времени, умение выбирать оптимальную линию поведения и лучшую тактику взаимодействия.

Следует также отметить, что непредсказуемость и неповторимость переговоров с преступниками в кризисных ситуациях требуют от переговорщиков немалых знаний в области психологии личности, устойчивых коммуникативных навыков и гибкости в ходе ведения диалога, а также знаний по психиатрии и наркологии при переговорах с психически больными и неуравновешенными людьми (например, суициденты, которые готовят расширенное самоубийство), общей культуры – при общении с людьми другой культуры, например, с религиозными фанатиками или радикально настроенными националистами или сепаратистами.

Для успешных переговоров с преступниками необходима специальная подготовка, сочетающая в себе теорию и практику, проводимая в специально созданных учебных ситуациях, её основными методами должны быть тренинги и ролевой игры [2].

Тренинги способствуют развитию профессионально важных качеств, умений и их переход на уровень устойчивых навыков, повышению надежности персонала в сложных и экстремальных ситуациях профессиональной деятельности, а также создает условия для совершенствования личностных качеств, решение личных проблем и развития субъекта [3].

Следовательно, можно утверждать, что по специфике своей деятельности, любой полицейский имеет возможность может стать успешным переговорщиком, так как невозможно представить процесс коммуникации в профессиональной деятельности полицейского без проведения переговоров.

В переговорах с преступниками, можно говорить о способности достигать желаемого результата с наименьшим риском для здоровья и жизни людей, избегая непрофессиональных действий и ошибок со стороны полиции,

которые будут иметь негативные последствия как для самих сотрудников, так и для общества в целом.

Литература:

1. Андреев, Н.В. Психологическое обеспечение переговорной деятельности сотрудников ОВД в экстремальных ситуациях. / Н.В. Андреев. – М. : Юрлит, 1997. – 72 с.
2. Мороз, Л.І. Професійно-психологічний тренінг : підруч. / Л.І.Мороз, С.І. Яковенко. – К. : ПАЛІВОДА А. В., 2011. – 252 с.
3. Гарькавец, С А. Тактильно-кинестическая система человека и ее роль в межличностной коммуникации: [учебное пособие по психологии невербального общения] / С. А. Гарькавец. – Луганск : Изд-во «Ноулидж», 2012. – 184 с.

Вишневская В.П.

профессор специальной кафедры ГУО «Институт пограничной службы Республики Беларусь», доктор психологических наук, профессор

Сутович Е.И.

профессор кафедры идеологической работы ГУО «Институт пограничной службы Республики Беларусь», кандидат психологических наук, доцент

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К СОСТАВЛЕНИЮ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА ЛИЧНОСТИ

Проблемы, связанные с составлением психологического портрета личности, не являются принципиально новыми. Однако, они не потеряли свою актуальность и в настоящее время, в связи с возросшей практической востребованностью в высококвалифицированных специалистах в данной области.

В рамках рассмотрения обозначенной выше проблемы, в научной литературе представлено ряд подходов к составлению и практическому использованию психологического портрета личности. Например, анализируя исторические подходы к составлению социально-психологического портрета

личности, Н.М. Ракитянский указывал на то, что системные портретологические исследования в зарубежной психологии начали осуществляться в канун Второй мировой войны. Период формирования научных подходов к социально-психологическому портрету личности в СССР, согласно мнению автора, датируется 70-ми годами прошлого века. В результате существенного расхождения в подходах к составлению социально-психологического портрета личности в настоящий период времени, по мнению Н.М. Ракитянского, в западной и восточной культуре имеются специфические теоретико-методологические традиции [3].

Результаты проведенного нами социально-психологического исследования свидетельствуют о динамике интересов и взглядов ученых разных отраслей психологической науки на обозначенную проблему, а также неоднозначное их отношение к составлению и использованию на практике социально-психологического портрета личности (группы). Так, в 90-х годах у представителей психологической науки (В.В. Марченко, 1993; А.И. Анфиногенова, 1997, Т.А. Верняевой, 1997; Е.Л. Сучковой, 1999 и др.) отмечался возрастающий интерес к составлению социально-психологического портрета личности. В публикациях А.И. Анфиногенова психологический портрет личности излагается как предмет научного исследования.

В педагогической психологии вопросам портретирования посвящены публикации ряда авторов (А.А. Леонтьева, 1981; Р.В. Овчаровой, 1994; М.В. Кузнецовой, С.Г. Косаревой, 2007; О.Н. Недосеки, 2012 и др.).

В социальной психологии, психологии труда проводились научные исследования, направленные на изучение вопросов, касающихся составления социально-психологического портрета специалиста, в частности, лектора (А.А. Леонтьев, 1981), предпринимателя и руководителя коммерческого банка (В.В. Марченко, 1993), психолога (Т.А. Верняева, 1997), руководителя среднего звена (И.Н. Романько, 2007), воспитателя детского сада (О.Н. Недосека, 2012) и т.д. Целевое назначение социально-психологического портрета специалиста носило двойственный характер. С одной стороны, социально-психологический

портрет рассматривался как ориентир подготовки и/или профессионального становления представителя конкретной профессии, с другой – как основа для оценки и самооценки, определения направлений саморазвития субъекта труда.

Широкое освящение проблемы составления, практического использования социально-психологического портрета преступника представлено в публикациях по юридической и оперативной психологии (А.И. Анфиногенов, 1997, А.Г. Анаприенко, 2001; Г.М. Евелькина, А.П. Хилькевич, 2002; И.А. Кибак, 2003; С.И. Лебединский, 2009 и др.).

В политической психологии актуальность составления психологического портрета личности возросла после распада СССР, как ответ на запрос избирательных компаний (В.Л. Таланов, 2000; Н.М. Ракитянский, 2011 и др.).

Специальное внимание проблеме составления социально-психологического портрета личности (группы) и его эффективного практического использования было уделено в научных исследованиях белорусских ученых: А.Г. Анаприенко, В.П. Вишневской, Г.М. Евелькина, А.П. Хилькевича, И.А. Кибак, М.В. Кузнецовой, С.Г. Косаревой, С.И. Лебединского и др.

Следует отметить тот факт, что при всей широте использования социально-психологического портрета личности, вопросы, относительно его понимания, составления и дальнейшего применения в разных отраслях психологической науки имеют свою специфику рассмотрения.

В контексте изучения социально-психологического портрета личности представляют интерес публикации А.А. Леонтьева. В соответствии с мнением автора, в процессе составления социально-психологического портрета лектора, целесообразно обращать внимание на его: профессионально значимые качества; индивидуальный стиль деятельности; знания в области дифференциальной психологии и психофизиологии; на протекания психических процессов у разных категорий слушателей и др. [2]. Близкими к указанному выше подходу являются подходы, изложенные в публикациях ряда авторов: Т.А. Верняевой, М.В. Кузнецовой, С.Г. Косаревой, В.В. Марченко,

О.Н. Недосеки и др., согласно которым, социально-психологический портрет того или иного специалиста, должен отражать профессионально значимые качества представителя рассматриваемого профессионального сообщества.

В политической психологии имеет место иной подход к составлению психологического портрета личности политика. Например, по мнению В.Л. Таланова, целевое назначение социально-психологического портрета целесообразно определить как выделение «сильных»/ «слабых» сторон политика, прогнозирование выбора им стратегий поведения и окружения; определение информации, апеллируя которой можно привлечь внимание лидера; выделение его ценностных ориентаций, верований и т.д. [4].

Неоднозначность в оценке социально-психологического портрета личности продиктована многогранностью его типологизации. Результаты проведенного теоретического анализа [1, 3, 4 и др.] свидетельствуют о том, что психологические портреты могут быть классифицированы по: целевому назначению; категории специалистов; количеству описываемых людей; исходной информации; способу получения информации; методу изучения личности; структуре; способу выделения структуры и т.д.

При столь разнообразных подходах к составлению социально-психологического портрета личности, согласно Н.М. Ракитянского, современная его оценка должна базироваться, прежде всего, на достоверности представляемой информации. В этой связи в качестве особого аспекта обозначенной проблемы, требующего тщательного анализа в процессе изучения поведения и деятельности человека, автором выделяется валидизация психологического портрета, которая предполагает проведение как качественных исследований, так и точных наблюдений, логической аргументации [3]. На основании обобщения научного опыта, который имеет междисциплинарный характер, Н.М. Ракитянским введено понятие – «портреология». В соответствии с мнением автора, портреология – «наука о построении психологических портретов» [3, с. 55]. Портреологический подход, по мнению Н.М. Ракитянского, с чем нельзя не согласиться, «позволяет

рассматривать психологический портрет как междисциплинарное средство целостного изучения личности при ведущей роли психологической науки» [3, с. 55].

Исходя из анализа данных, представленных в открытой научной литературе, относительно оценки социально-психологического портрета личности, есть основания полагать целесообразным постановку ряда взаимосвязанных теоретических и практических задач, требующих научного рассмотрения, в частности:

1. Выделение доминирующих структур, составляющих основу (ядро) социально-психологического портрета личности, в ее перечень необходимо включение не только профессионально значимых и специальных качеств, но и компетенций, формированию которых они способствуют и др.

2. Освящение в научной литературе вопросов валидации социально - психологического портрета личности (различного профиля деятельности), направлений его практического использования, в том числе и при организации психологического сопровождения образовательного процесса будущих специалистов.

3. Использование социально - психологического портрета личности в процессе описания образа государственного служащего, эталонного образа профессионала, детализации его структуры и т.д. в целях, повышения эффективности психологического сопровождения образовательного процесса будущих специалистов и их профессионализации.

4. Определение долгосрочных прогностических критериев оценки социально - психологического портрета личности (группы) в интересах совершенствования психологического обеспечения ОРД.

Литература

1. Кибак, И.А. Практическая психология для руководителя: учеб.-практич. пособие / И.А. Кибак. – Минск : Тонпик, 2003. – 240 с.

2. Леонтьев, А.А. Психологический портрет лектора / А.А. Леонтьев. – М. : Всесоюз. О-во «Знание», 1981. – 43 с.
3. Ракитянский, Н.М. Личность политика: теория и методология портретирования: монография / Н.М. Ракитянский. – 2-е изд., пер. и доп. – М. : Изд-во Московского ун-та, 2011. – 264 с.
4. Таланов, В.Л. Психологический портрет Владимира Путина / В.Л.Таланов. – СПб.: Б&К, 2000. – 63 с.

Горбачев А.И.

старший преподаватель кафедры психологии Белорусского государственного университета

Ширко С.М.

старший преподаватель кафедры психологии Белорусского государственного университета

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

Выделение посттравматических стрессовых расстройств (ПТСР) в качестве самостоятельной клинической формы явилось результатом длительного изучения влияния психических травм на здоровье участников боевых действий. Многочисленными исследованиями отмечено, что ПТСР развиваются у людей, которые пережили ту или иную экстремальную ситуацию, катастрофу глобального или личного характера.

Впервые синдром, очень сходный с ПТСР, был описан у военнослужащих во время гражданской войны в США и назван «синдромом солдатского сердца». В дальнейшем психолого-психиатрические последствия оценивались применительно к одной психотравме: «синдром выживших» в катастрофах, «синдром изнасилованных», «синдром концлагерей», «пост эмоциональный синдром» и др. [4; 5]. Особое внимание уделялось исследованиям влияния стрессов военного времени на последующее социально-психологическое и психическое состояние комбатантов (т.е. участников боевых действий). Во многих странах ближнего и дальнего зарубежья активно предпринимались

многочисленные попытки адаптировать военнослужащих, участвовавших в боевых действиях, к ставшим для них непривычными реалиям мирной жизни.

В частности, в США была реализована программа психологической разгрузки во время Вьетнамской войны, которая помогла снизить потери по сравнению с потерями во время Второй мировой войны [3]. Однако выявлено, что по возвращению домой в мирные условия у участников боевых действий отмечались отсроченные во времени значительные массовые психические расстройства, по тяжести превосходящие аналогичные нарушения психики у ветеранов Второй мировой войны. Они получили неопределённое наименование «пост вьетнамский синдром». Данный синдром характеризуется следующими феноменами: вина выжившего (вина за погибших, раненых товарищей), агрессивность, вспыльчивость, повышенная раздражительность, приступы гнева, вне ситуационное негодование, неконтролируемая враждебность к окружающему и т.д., и как следствие – алкоголизм, наркомания, криминал [5]. В результате исследований, проведённых в США, у половины участников боевых действий выявили различную психопатологию, связанную с непосредственным участием в боевых действиях. Причины распространенности отсроченных пролонгированных психопатологических, психиатрических нарушений у ветеранов специалисты объясняют тем, что в ней участвовали преимущественно молодые люди около 20 лет. К этому возрасту не происходит психологической стабилизации личности. Отсюда психологические и психические травмы становятся крайне опасными для дальнейшего психосоциального психического развития комбатантов. Когда комбатанты возвращаются с войны, часть войны возвращается с ними и психические раны, зачастую, превосходят физические, что в ряде случаев, может привести к криминализации личности. К 1988 году более половины всех ветеранов войны во Вьетнаме с диагнозом ПТСР были задержаны полицией, арестованы по несколько раз (примерно 1 из 10 заключённых в тюрьмах США проходил воинскую службу) [4; 5].

Подобные психопатологические нарушения, криминализация наблюдаются и у участников боевых действий на территории СНГ. Результаты первоначального комплексного медицинского обследования военнослужащих свидетельствуют об удовлетворительном состоянии психического, физического здоровья [1]. Игнорирование аномалий личности (психопатий) исключалось, не диагностировалось. Однако, специфические особенности афганской войны обуславливали особую тяжесть её психоэмоционального прессинга для военнослужащих: отсутствие фронта и тыла, партизанский характер, внезапность обстрела, атаки, тотальная минная война, феномен «неясного врага», ненадёжность союзников и др. В итоге, постоянная опасность порождала психоэмоциональную хроническую тревожность. На эмоциональный фон наслаивались переживания, связанные с постоянной непосредственной угрозой жизни, гибелью друзей, сослуживцев, изуродованные тела, подвергшихся пыткам, подорвавшихся на минах, эмоции страха при внезапных обстрелах, засадах, отчаяниях при первых непосредственных убийствах врага, неопределённость блокирования, прочёсывания мирных и немирных кишлаков. На усугубление стрессового эффекта оказывала враждебность некоторой части населения, особенности климата, этнокультурные различия. Тяжесть психоэмоционального прессинга усугублялась практически отсутствием действенных средств психологической разгрузки, наличием бытового дискомфорта, оторванность от Родины, семьи. Все это крайне усиливало эффект психопатогенных факторов. Тем не менее, по непосредственным наблюдениям одного из авторов статьи (участник боевых действий в Афганистане 1979-1981 г., врач) в этот период боевых действий практически не отмечалось психопатологии военнослужащих. Наблюдались только изменения адаптивного характера, тревожность, настороженность, готовность к быстрой реакции на изменение обстановки. Со временем возникали изменения в мировоззрении у военнослужащих, пришло осознание, что расслабленность и крайняя доверчивость, характерные для многих молодых военнослужащих вовремя боевых действий, могли обернуться смертью,

пленом, ранением. Довоенные интересы утрачивали актуальность. Когнитивная деятельность сосредотачивалась на умении воевать, но остаться живым. Психопатологические нарушения отмечались при возвращении домой, в Союз. Согласно исследованиям, изменения по клинической картине, соответствующей ПТСР, обнаружены у 92 процентов обследованных комбатантов, у 75 процентов ветеранов диагностирована депрессивная симптоматика, высокий процент обследованных отмечали у себя суицидальные мысли [1; 2]. Следует отметить, что наиболее тяжёлая психопатология развивалась у ветеранов, непосредственно перенесших ситуацию смертельной опасности, ставших свидетелями гибели друзей.

Привычки, навыки, умения, приобретённые на войне, в обстановке мирного времени обнаружили выраженные дезадаптивные качества, криминализацию ветеранов. У многих комбатантов в значительной мере дезактуализировались деньги, у некоторых и карьерные устремления. Эти изменения личности сами по себе не являются патологией, а оцениваются как адаптационные сдвиги, связанные с пребыванием на войне и обозначаются термином «комбатантная акцентуация» [1]. Основные характеристики комбатантной акцентуации выражались наряду с вышеприведёнными изменениями психоэмоционального статуса: эмоциональной неустойчивости, вспыльчивости, раздражительности, вплоть до бурных агрессивных вспышек, обострённом чувстве справедливости, максимализме в суждениях и поступках, склонности к протестным реакциям и как следствие росту преступности. В той или иной мере комбатантная акцентуация обнаруживалась у всех обследованных. По данным ряда исследований, около 3700 ветеранов афганской войны стран СНГ находились в местах заключения [2].

В силу вышеизложенного представляется необходимым проводить социально-психологическую реадaptацию ветеранов, сущность которой составляет когнитивно-смысловая переработка травматической информации и опыта. Для этого необходимо объединить усилия для проведения исследований, направленных на уточнение психологических последствий войны, методов их

выявления и коррекции с целью организации помощи ветеранам боевых действий.

Литература

1. Алексеева, Д.А. Основные типы психической дезадаптации у бывших воинов-интернационалистов. Психологическая диагностика и психотерапия: метод. рекомендации /Д.А. Алексеева, Б.Д. Карвасарский. – Л. : Изд-воин-та неврологии и психиатрии им.В.М. Бехтерева,1990. – 128 с.
2. Демченкова, Г. З. Основные направления охраны здоровья и реабилитации воинов-интернационалистов / Г. З. Демченкова. // Воен. – мед. журн. – 1992. – №8. – С. 4 – 9.
3. Коханов, В. П. Психиатрия катастроф и чрезвычайных ситуаций / В. П. Коханов, В.Н. Краснов. – М. : Практическая медицина, 2008. – 240 с.
4. Сидоров, П. И. Психосоматическое здоровье ветеранов Афганской войны / под ред. П. И. Сидорова. – М. : АГМА, 1999. – 180 с.
5. Симоненко, В.Б. Психосоматический фактор в исходах экстремальных ситуаций / В.Б. Симоненко [и др.]. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : БИНОМ, 2013. –196 с.

Гулис И.В.

*доцент кафедры психологии Белорусского государственного университета,
кандидат психологических наук.*

АГРЕССИЯ В СЛУЖЕБНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В КОНТЕКСТЕ ПСИХОЛОГИИ ПРАВА

Мировой экономический кризис, социальная незащищенность, нестабильность на рынке труда являются факторами эмоциональной нестабильности, которая наиболее остро проявляется в служебных отношениях. Конкуренция и агрессия становятся нормами поведения для достижения значимых целей сотрудников. Агрессивное поведение сотрудников стало предметом таких наук, как психология личности, психология управления,

психология труда, индустриальная (организационная) психология. Нужно отметить, что из поля зрения выпал фокус юридической психологии.

В юридической психологии, как правило, изучается деструктивная агрессия работников правоохранительных органов, которая рассматривается как предиктор профессионального выгорания, либо черта профессиональной деформации личности [2]. Существует ряд исследований, направленных на изучение трудовой адаптации сотрудников, вернувшихся из мест заключения, агрессивное поведение которых представляется как выученная деструктивная модель поведения [3]. Правовая социализация работников, личностная безопасность, уголовная ответственность, профилактика правонарушений – являются перспективными направлениями изучения агрессии в служебных отношениях.

Служебные отношения представляют собой систему взаимосвязей сотрудников, деятельность которых направлена на выполнение должностных обязанностей. Проявление агрессии в служебных отношениях обусловлено личностными и ситуативными факторами. Под агрессией в служебных отношениях понимают поведение сотрудника (сотрудников), включающее действия, направленные на причинение ущерба и вреда (деструктивное поведение), на защиту себя и других (оборонительное поведение), на достижение значимых целей или на редукцию напряжения, возникающего в процессе выполнения работы (конструктивное поведение), которые обусловлены эмоциональной и когнитивной реакциями на ситуацию [1].

Агрессия на работе проявляется в формах враждебности, эмоциональной экспрессии и инструментальных действий. Последние две формы являются конструктивными, так как связаны с достижением целей и регуляцией психо-эмоционального состояния. Конструктивная агрессия в служебных отношениях может быть нормативной, связанной с проживанием кризисного этапа жизненного цикла организации и соответствующим типом организационной культуры. Враждебная агрессия может быть открытой, демонстративной (от вербальных оскорблений до противоправных действий связанных с физическим

насилием), а может протекать скрыто (пассивно-агрессивная) – вредительство, распространение слухов, саботаж, прокрастинация, сарказм, воровство, порча имущества и/или важной для организации информации. Во всех случаях она связана с причинением вреда сотруднику, группе, либо организации в целом.

Враждебная агрессия на работе всегда связана с нарушением норм поведения. Очень сложно провести грань между «допустимой» поведенческой враждебностью и нарушением норм права, особенно если речь идет о причинении психологического вреда. Правовая безграмотность граждан приводит к тому, что жертвы агрессии, не способные противостоять агрессии коллег, руководителей, страдают от скрытых форм психологического насилия, тем самым провоцируя повторные акты агрессии. В организации происходит феномен «иррадиация агрессии»: все большее количество сотрудников позволяют себе проявлять агрессию в различных формах.

В настоящее время в зарубежной психологии активно ведутся исследования организационного моббинга и буллинга, как разновидностей агрессии в служебных отношениях [4; 5; 6]. **Моббинг** – это агрессивное повторяющееся поведение группы по отношению к сотруднику, группе сотрудников, которое имеет место в процессе выполнения работы. **Буллинг** – это прямое или косвенное повторяющееся агрессивное поведение одного сотрудника по отношению к сотруднику, группе сотрудников, которое имеет место в процессе выполнения работы.

Было проведено исследование, в котором было установлено, что в 58% трудовых организаций агрессия проявляется как минимум 1 раз в неделю, а самыми распространенными формами проявления являются: вербальная враждебность и обструкционизм [1].

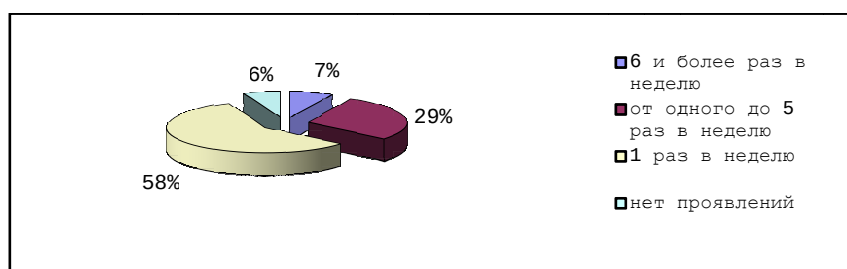

Рисунок 1 - Частота проявления агрессии в служебных отношениях

Формирование агрессивного психологического климата снижает эффективность деятельности работников, отвлекает от выполнения служебных обязанностей жертв, агрессоров и наблюдателей, наносит вред благополучию сотрудников и организации, ведет к переживанию стресса. Невозможность устранить или отреагировать агрессию длительное время приводит к формированию у жертв выученной беспомощности, которая характеризуется угнетенным состоянием работника, снижением активности, отсутствием инициативы.

Если вред причинен организации (отделу), то вся организация (отдел) становится жертвой. Можно предположить, что в данном случае имеет место смещенная агрессия, а невозможность открыто предъявить агрессию персонально, побуждает агрессора действовать деструктивно по отношению к отделу, предприятию (отделу). Жертвами в таком случае становятся все сотрудники, а со-жертвами – близкие люди работников. Примерами деструктивных действий может быть: предоставление информации конкурентам, ложные жалобы в органы контроля, распространение слухов на рынке, уничтожение важных документов. При этом агрессор имеет цели остановить деятельность организации, отомстить, получить конкурентные преимущества. Именно в этих случаях чаще всего могут нарушаться нормы права.

В заключение можно сделать вывод, что поле научных исследований агрессии в служебных отношениях постоянно расширяется. Диагностическая, просветительская, тренинговая работа организационных психологов совместно с юристами позволит предотвратить превращение деструктивной агрессии в преступление.

Литература

1. Гулис, И.В. Личностные и ситуативные индикаторы агрессии в служебных отношениях: дис...канд. психол. наук: 19.00.05 / И.В. Гулис. – Минск, 2014. – 167 с.

2. Круглова, М.А. Агрессия как предиктор профессиональной деформации личности сотрудников правоохранительных органов / М.А. Круглова // Ученые записки университета имени П.Ф.Лесгафта – 2015. – №11 – С. 274 – 278.
3. Решетников, Е.В. Проблемы социальной адаптации лиц, отбывших длительные сроки лишения свободы / Е.В. Решетников. // Следователь. – 2010. – №7 – С 53-56.
4. Davenport, N. Mobbing: emotional abuse in the American workplace / N. Davenport [et al.]. – Ames: Civil Soc. Publ., 1999. – 213 p.
5. Workplace bullying and harassment // JILPT report – 2013. – №12 – 196 p.
6. Workplace bullying: the role of psychosocial work environment factors / M. R. Tuckey [et al.] // Intern. J. of Stress Management. – 2009. – Vol. 16, № 3. – P. 215–232.

Кивайко В.Н.

доцент кафедры психологии управления Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат психологических наук, доцент

ЛИЧНОСТЬ ТЕРРОРИСТА

К сожалению, в настоящее время отсутствуют развернутые характеристики личности террориста на достаточно репрезентативном уровне. Поэтому мы можем располагать лишь отдельными, даже разрозненными сведениями по этому поводу, имеющему весьма важное значение для понимания мотивации терроризма.

Очень многие террористы – это люди, которые в свое время, выступая за какие-то права и свободы, были осуждены государством, выброшены, поставлены за черту закона, и для них терроризм становится социальной местью этому государству. Это люди, хорошо мотивированные, те же, которые борются с терроризмом, часто мотивированы хуже и подвержены фрустрациям. Фрустрация у последних связана с недостатком материальных благ и риском. По мнению Дж. Поуста, террористы не попадают в специфическую диагностико-психиатрическую категорию. Хотя был установлен некоторый ряд

от нормального типа до психопата, большая часть сравнительных исследований не обнаружила никакой явной психической ненормальности в большинстве случаев. Тем не менее, индивиды со специфической личностной предрасположенностью становятся на путь терроризма. Суэллволд наблюдал значительную долю озлобленных паранойяльных индивидов среди членов террористических групп. Общая черта многих террористов — тенденция к экстернализации, поиску вовне источников личных проблем. Хотя эта черта не является явно паранойяльной, имеет место сверхсосредоточенность на защите «Я» путем проекции. Террористы, которых он интервьюировал, обнаружили черты расщепления, характерные для индивидов с нарциссической и пограничной личностью. Он выявил, что они отщепляют низкооцениваемые части самих себя и проецируют их на истеблишмент, который является угрозой для их агрессивности. Индивиды, вошедшие в террористические группы, рекрутируются из всех профессий, из всех слоев общества. Они представляют собой самые разнообразные культуры и национальности, поддерживают широкий спектр идеологических направлений [1].

Конечно, современный политический террорист более образован, тактически и технически подготовлен, чем любой другой, особенно если он действует в группе, созданной, оснащенной и поддерживаемой тоталитарным государством. Но не каждый даже политический экстремист должен обладать названными качествами, уметь профессионально анализировать информацию, прогнозировать и планировать свои и чужие действия — он может быть и простым исполнителем. Даже руководители политических террористических групп будут существенно отличаться друг от друга в зависимости от идеологической основы своего функционирования, состава группы, масштаба и целей ее действий, технической оснащенности, конкретных целей и т.д.

Все эти характеристики лиц, склонных к насилию, верны. Действительно, примат эмоций над разумом (импульсивность), предвзятость оценок, низкий порог терпимости (раздражительность, возбудимость), отсутствие должного самоконтроля и другие достаточно точно описывают личность насильственного

преступника и вписаны в мотивацию его поведения. Однако среди перечисленных черт нет таких, или, точнее, сочетания таких, которые отличали бы именно террористов. Между тем их поиск составляет основную задачу научного объяснения мотивации террористического поведения, как, впрочем, и любого другого человеческого поведения. Указание на «извечные свойства человеческой природы, которые доминируют в психологии», здесь ничего не проясняет, поскольку непонятно, о каких свойствах в данном случае идет речь.

Описываемый тип личности — «закрытый» тип — так считают В.В. Витюк и С.А. Эфиров, видимо, забыв собственное утверждение о невозможности определения типа личности террориста. «Закрытый» он потому (с этим нельзя не согласиться), что исключает всяческую критическую мысль, свободу выбора, несмотря на то, что видит мир только в свете предустановленной «единственной истины», хотя она, быть может, не имеет никакой связи с реальностью или давно ее утратила. Логичным следствием «закрытости» и фанатизма является поразительная, подчас парадоксальная узость, односторонность, ведущая к максималистской абсолютизации частного, вырванного из общей системы связей. В силу этого мир в результате трансформации в таком сознании теряет реальные очертания, само же сознание становится мифологизированным [2].

Отметим, что терроризм представляет собой порождение деструктивных сил в обществе и человеке, отражает культ насилия и всемерно способствует его усилению и распространению, обесценивая человеческую жизнь. Терроризм резко снижает значимость законов и возможность компромиссов, которые являются непременным атрибутом цивилизации, в то же время, возводя наглую и жестокую силу в ранг едва ли не главного регулятора жизни, в том числе международной. В этой последней сфере он порождает серьезные затруднения в деле сотрудничества и взаимопонимания разных стран, иногда даже ставя под угрозу человечество.

Некоторые террористы, особенно террористы-самоубийцы, буквально зачарованы смертью, но в то же время своей добровольной гибелью пытаются

обессмертить себя и этим способом преодолеть собственный страх смерти. Дело в том, что сеяние смерти есть один из способов снятия страха перед ней, поскольку она тогда психологически максимально приближается к человеку, становится более понятной. Террорист-самоубийца – это личность с очень высоким уровнем тревожности, а поэтому он постоянно, хотя и на бессознательном уровне, ищет то, что вызывает у него тревогу, и находит это в смерти. Отнюдь не случайно те террористы, которые после совершения террористического акта остались в живых, продолжали стремиться к смерти [3].

Таким образом, террористы – это особый класс людей. В своей значительной части это своего рода подвижники с отрицательным знаком, отмеченные избранностью, и амбивалентным, двойственным отношением к жизни: с одной стороны, они хотят ее сделать справедливой и правильной, а с другой — уничтожают ее, убивая многих для достижения своих идеалов. Вместе с тем у них вполне явственно проявляется стремление выйти за рамки своего повседневного, будничного существования, наполнить его яркими красками, необычными событиями, риском, острыми переживаниями, наконец, что особенно важно, соприкоснуться со смертью, даже уйти в нее.

Соответствующий психологический эффект достигается двояким путем: когда экстремист рискует своей жизнью, ставя ее на грань небытия, и когда он убивает. Контакт со смертью представляет собой преодоление ограниченности своего бытия и выход за его пределы в бесконечное, ибо смерть и есть бесконечное. Пребывание в нем, хотя бы и путем уничтожения другого, определяет то особое, никак не сравнимое с обычным состояние психики, нахождение ее в специфическом измерении, что наблюдается практически у всех убийц, которые убивали неоднократно. В бесконечном, т.е. в смерти другого, индивид живет своей еще непрожитой жизнью и насколько эта часть собственного существования представляется наполненной негативными переживаниями, настолько вероятны деструктивные устремления.

Литература

1. Витюк, В.В. Некоторые проблемы терроризма в аспекте современных конфликтных ситуаций (соображения террологов) / В.В. Витюк // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. Вып. 4. Терроризм. – М., 1993 г. С. 53.
2. Витюк, В.В. «Левый» терроризм на Западе: история и современность / В.В. Витюк, С.А. Эфиров. – М., 1987. С. 257-259.
3. Чурков, Б.Г. Мотивационные и идейные основания современного терроризма / Б.Г. Чурков. // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. Вып. 4. Терроризм. – М., 2003 г. С. 49.

Клышевич Н.Ю.

доцент кафедры психологии Белорусского государственного университета, кандидат психологических наук, доцент

СОЦИАЛЬНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА У СТУДЕНТОВ

Проблема личности преступника – одна из центральных в юридической и криминальной психологии. Она неизменно привлекает к себе внимание исследователей (Андреенкова В.П., Антонян Ю.М., Кузнецова Н.Ф., Лунев В.В., Ратинов А.Р., Шиханцов Г.Г.). В криминологическом аспекте, по мнению Т.Г.Терещенко, необходимо сосредоточиться на тех свойствах и качествах личности, которые способствуют формированию человека как преступника. Под личностью преступника мы вслед за Н.Ф.Кузнецовой будем понимать систему свойств в виде криминогенных потребностей, интересов, эмоционально-волевых деформаций и мотивации, которые породили соответствующее преступное поведение [3]. Сходной точки зрения придерживается белорусский исследователь Г.Г. Шиханцов, связывая личность преступника с совокупностью ее социально-значимых негативных свойств, влияющих – в сочетании с внешними условиями – на преступное поведение [4].

В своем исследовании мы сосредоточились на изучении социальных репрезентаций личности преступника как носителя определенных типичных устойчивых характеристик. Социальные репрезентации характеризуют набор понятий, убеждений и объяснений, возникающих в повседневной жизни в ходе межличностных коммуникаций (С. Моковичи). По мысли Д. Жоделе, социальные репрезентации являются формой познания социальной действительности. Они относятся к житейским представлениям, обыденному сознанию человека.

Социальные репрезентации способствуют осмыслению и интерпретации социальной жизни. К их важнейшим функциям относят функцию опосредования, демаркации и консолидации групп, которые подразумевают ориентацию и регуляцию поведения личности, ее социальных отношений и коммуникаций. В связи с этим представляет интерес выявление особенностей социальных репрезентаций студентов, обучающихся журналистике, поскольку их будущая профессиональная деятельность предполагает донесение определенных идей до широких слоев населения.

В качестве респондентов выступили студенты 1 и 4 курсов факультета журналистики БГУ. Общее число участников исследования – 121 человек. Им было предложено выполнить следующие задания: закончить фразу «Преступник – это...», а также нарисовать преступника, как они его представляют.

Обратимся к анализу результатов завершения незаконченного предложения.

Наиболее типичными были следующие варианты ответов: преступник – это человек, который преступил (нарушил) закон (57% респондентов), преступник – это человек, который нарушил нормы или правила общества (11% респондентов), преступник – это человек, который совершил противоправное действие (37% респондентов). При этом первые два варианта примерно с одинаковой частотой встречались у студентов 1 и 4 курсов, то третий вариант чаще отмечался у первокурсников (50% и 20% соответственно). Обращает на

себя внимание тот факт, что каждый десятый участник исследования (12%) связывает преступление с нарушением норм морали. Это свидетельствует о недостаточно четкой дифференциации правовых и моральных норм.

Кроме того, имеются отличия в выделении определенных признаков. Характеризующих преступника с точки зрения студентов разных курсов. Так, первокурсники чаще отмечают особенности личности преступника (озлобленность, отсутствие духовных ценностей, лживость, эмоциональная неустойчивость, мотивы совершения преступления, наличие психических расстройств), тогда как студенты 4 курса больше внимания уделяют последствиям преступления (причинение вреда другим людям) и указывают на наличие негативных влияний извне (других людей или обстоятельств). Однако в целом число респондентов, выделяющих данные особенности личности или поведения, невелико и колеблется в пределах от 2% до 8%.

В большинстве случаев в предложении содержатся один или два выделенных признака. Число респондентов, отмечающих от трех до пяти признаков понятия, составило 24% первокурсников и 12% студентов 4 курса. Поэтому можно сделать вывод о чрезмерной обобщенности и недостаточной дифференцированности изучаемого понятия в представлениях студентов, как младших, так и старших курсов.

Для выявления качественных особенностей социальных репрезентаций личности преступника была использована методика «Рисунок человека». Ее достоинство, как и любого проективного теста, связано с возможностью избежать социально желательных ответов. При интерпретации рисунков мы опирались на трактовку признаков, предложенную А.Л. Венгером и К.Тейлор.

Начнем с такого признака, как величина фигуры. В нашем случае она интерпретировалась как значимость проблемы для респондента. Большая фигура, занимающая две трети листа и более, встречается у респондентов в 20 % случаев (1 курс – 14%, 4 курс – 29%). Маленькая фигура, занимающая менее одной трети листа, расценивалась как отражение малой значимости проблемы, желания ее не замечать. Подобное изображение наблюдалось на

рисунках 48% респондентов (1 курс – 49%, 4 курс – 46%). Следовательно, можно сделать вывод о том, что примерно одинаковое количество студентов попадает в эти две полярные категории. Представляет интерес тот факт, что треть студентов 4 курса в своих рисунках изобразили лицо либо верхнюю часть туловища, что означает подчеркивание интеллектуальной составляющей образа. На первом курсе число таких студентов составило лишь 12%.

Важной характеристикой образа является его цветовое решение. Отмечается единодушие респондентов в использовании черного цвета (71,5%). Серый цвет чаще использовался в рисунках студентов 4 курса (18% против 31%), синий – в рисунках первокурсников (56% против 37%). Коричневый цвет также применялся, но реже (4% против 17%). Согласно методу цветовых выборов Собчик Л.Н., психологическое значение этих цветов следующее. Черный цвет символизирует нетерпимость к мнению других, протестные реакции на сложившиеся обстоятельства, противодействие внешнему давлению, средовым воздействиям, субъективизм оценок. Серый цвет означает уход от контактов с окружающими, пассивность, ограничение сферы общения, блокировку насущных потребностей. Синий цвет отражает замкнутость, инертность в принятии решений, пассивность, конформность установок. Коричневый цвет символизирует повышенную тревожность, эмоциональную напряженность, неуверенность, проблемы с социальной адаптацией.

Яркие цвета (зеленый, оранжевый, желтый) использовались только в выделении некоторых деталей одежды или окружающей обстановки. Частота их использования – от 2% до 12%.

Следовательно, можно говорить о негативном отношении к изображаемому образу у респондентов. Об этом же свидетельствует и незначительное количество деталей в созданных образах. Чаще всего среди них встречались изображения карманов и пуговиц (1 курс – 29%, 4 курс – 23%). Необходимо отметить, что данные детали символизируют скрытность человека.

Обратимся к интерпретации признаков, связанных с изображением лица преступника. Большие глаза расцениваются как характеристика враждебности,

агрессивности и тревожности личности (1 курс – 52%, 4 курс – 29%). Маленькие глаза, изображенные в виде точек и щелочек, отражают скрытность и сосредоточенность на себе (1 курс – 30%, 4 курс – 23%). Стремление отгородиться от контактов с окружающими связывается с наличием закрытых глаз, темных очков (1 курс – 2%, 4 курс – 11%).

Холодный или презрительный взгляд отражающий равнодушие к другим, неспособность к сочувствию, чаще наблюдается в образах, созданных студентами 1 курса (48% против 20%).

Нахмуренные брови как признак агрессивности также чаще встречаются в рисунках первокурсников (36% против 14%).

О наличии внутреннего напряжения говорит изображение рта в виде прямой линии (1 курс - 66%, 4 курс - 46%). Негативизм, понимаемый как противодействие требованиям окружающих, протестные реакции, отражается через изображение перекошенной, «кривой» улыбки (по 6% в двух подгруппах).

Открытый рот, наличие зубов указывают на агрессивность человека – чаще всего вербальную – встречаются в 16% рисунков первокурсников и лишь в 6% рисунков студентов 4 курса. Следовательно, студенты 1 курса в целом чаще отмечают агрессивность в изображаемых образах, тогда как студенты 4 курса – внутреннюю напряженность.

Уши как признак символизируют подозрительность. Настороженность по отношению к окружающему миру. Данная характеристика одинаково часто отмечается студентами первого (37%) и четвертого (40%) курсов.

Расположение рук также является значимой характеристикой образа. Руки, нарисованные вдоль туловища, свидетельствуют о ригидности личности (1 курс – 10%, 4 курс – 17%). Расположение рук близко к телу говорит о наличии внутренней напряженности (1 курс – 10%, 4 курс – 11%). Уход от общения, скрытность, нежелание уступать символизируют руки, спрятанные в карманы или за спину (1 курс – 14%, 4 курс – 11%). Укороченные кисти или

пальцы, их отсутствие отражают наличие проблем в общении и, возможно, аутизацию личности (1 курс – 35%, 4 курс – 31%).

О неумелости в социальных контактах, зависимости свидетельствуют и такие признаки, как отсутствие ступней или маленькие ступни (1 курс – 24%, 4 курс – 34%). Ощущение ненадежности, потребность в опоре символизируют большие ступни. Этот признак встречается в образах студентов 1 курса в 10% случаев, в образах студентов 4 курса – в 14% случаев.

Следовательно, указание на наличие проблем в сфере коммуникации является признаком, который достаточно часто ассоциируется с личностью преступника.

Интересным представляется анализ атрибутов, сопровождающих созданные студентами образы. Наиболее часто встречается изображение шляпы (шапки, капюшона). Эта деталь отмечена в 46% рисунков первокурсников и 37% рисунков студентов 4 курса и может быть проинтерпретирована как символ защиты от окружающего мира.

Атрибутом, указывающим на агрессивность, является изображение оружия. И здесь, как и в случае с изображением лица, чаще на данный признак указывают студенты 1 курса (56% против 20%). Возможно, это связано с тем, что студенты 4 курса больше внимания уделяют интеллектуальным характеристикам личности, считая их более значимыми.

Интересно, что атрибуты, указывающие на алкогольное опьянение, встречаются крайне редко (1 курс – 2%, 4 курс – 9%).

В образах студентов 1 курса довольно часто встречается атрибут, связанный с корыстолюбием как характеристикой личности преступника. Это изображение сумки или мешка с деньгами (20%). У респондентов 4 курса данная особенность отмечается только в 6% случаев.

Еще одной отличительной особенностью является наличие сюжета в рисунках первокурсников. Это позволяет сделать заключение о том, с какими видами преступлений они чаще всего связывают нарушение закона и противоправное поведение. Так, корыстно-насильственный тип преступника

представлен в 26% рисунков. Сюжеты, связанные с насильственным типом, встречаются в 12% рисунков. Ситуативный тип преступника не нашел отражения в созданных образах.

Следует отметить, что рисунки студентов 4 курса не содержат сюжета. В них присутствует только изображение преступника. Поэтому связать их с определенным типом личности представляется затруднительным.

Возможно, отсутствие ситуативного типа, сюжетных рисунков объясняется эффектом «действующего-наблюдателя», выделенного в социальной психологии Р. Нисбеттом. В соответствии с ним человек, находящийся в позиции наблюдателя за действиями другого (а это позиция наших респондентов), склонен связывать причины поведения и поступков другого человека с особенностями его личности. В то же время тот, кто находится в позиции действующего лица, чаще объясняет причины своих действий влиянием ситуации.

Что касается социально-демографических характеристик, то они представлены указанием на половую принадлежность (женщины-преступницы изображены только в 2% рисунков) и возрастом, о котором можно косвенно судить по изображению лица человека. В нашем случае он соответствует возрастной категории от 18 до 40 лет, которая в исследованиях по юридической и криминальной психологии отмечается как возрастная группа, чаще всего совершающая преступления. Социальный статус (руководитель) отражен только в одном рисунке.

Таким образом, социальные репрезентации личности преступника у изучаемых нами респондентов включают преимущественно выделение следующих личностных характеристик: агрессивность, скрытность, подозрительность, напряженность, наличие проблем в общении, недостаточная коммуникативная компетентность. Данные особенности часто фиксируются и при изучении реальных преступников (Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Ратинов А.Р.). Недостаточно представленными оказались особенности личности, как недостаток самоконтроля, волевых качеств, дезинтеграция

мотивационной сферы, ограниченность потребностей, пренебрежение к социальным нормам, проблемы социальной адаптации. Типом личности, с которым чаще всего ассоциируется преступник, оказался корыстно-насильственный. В плане дальнейших исследований представляет интерес сравнение социальных репрезентаций студентов, осваивающих иные профессии типа «человек-человек» – социологов, психологов, педагогов.

Литература

1. Антонян, Ю.М. Личность преступника / Ю.М. Антонян [и др.]. – СПб. : Питер, 2004. – 366 с.
2. Еникеев, М.М. Юридическая психология / М.И. Еникеев. – М. : ИНФРА, 2005. – 640с.
3. Криминология: Учебник / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой, В. В. Лунеева. – М. : ИНФРА, 2004. – 629 с.
4. Шиханцов , Г. Г. Криминология / Г. Г. Шиханцов . – Минск : ТЕТРА-М, 2009. – 296 с.

Князев И.М.

профессор специальной кафедры государственного учреждения образования «Институт национальной безопасности Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент

ТАКТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ДОПРОСА ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В ХОДЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

При подготовке к допросу иностранного гражданина следователю, лицу, производящему дознание, прежде всего следует внимательно ознакомиться с материалами уголовного дела, данными оперативно-розыскной деятельности и получить такие сведения о личности допрашиваемого как его гражданство (подданство), национальность, образование, время и цель прибытия в Республику Беларусь, дата предстоящего убытия из неё, владеет ли он языком, на котором ведётся уголовный процесс Беларуси, и пользуется ли правом

дипломатической неприкосновенности. Важно также выяснить политическую и религиозную ориентацию иностранного гражданина, его социальный статус и другие необходимые сведения о нём.

Изучение личности, которую планируется допросить, является основным содержанием подготовки к допросу и важной предпосылкой к успешному его исходу. «Всестороннее изучение личности допрашиваемого способствует быстрому установлению психологического контакта с ним» [1, с. 132].

Кроме данных о личности допрашиваемого целесообразно также владеть информацией о культуре, истории, политическом и экономическом строе, основных положениях уголовного и уголовно-процессуального законодательства государства, гражданином которого является иностранец.

Многие из вышеуказанных сведений могут быть получены при общении следователя, лица, производящего дознание, с лицами, которые контактировали с иностранным гражданином (его родственниками, проживающими в Беларуси; преподавателями и студентами учебных заведений; представителями администрации организаций, фирм, банков, гостиниц, общежитий и других учреждений; гидами-переводчиками и т.д.), а также путём изучения специальной (юридической и другой) литературы, просмотра определённых телепередач, кино- и видеофильмов, сайтов в Интернете. Для выяснения вопроса о наличии (отсутствии) у иностранного гражданина права дипломатической неприкосновенности следует, при необходимости, в установленном порядке обратиться в МИД Республики Беларусь.

Готовясь к допросу иностранного гражданина, нужно определить, где его целесообразно осуществлять: в месте нахождения этого лица или в помещении органа уголовного преследования. Думается, что к допросу иностранного гражданина по месту его нахождения следователю или лицу, производящему дознание, следует прибегать тогда, когда на то есть определённые тактические соображения, либо когда имеются данные, дающие основание полагать, что иностранцу в силу тех или иных причин (нахождение в Республике Беларусь впервые, незнание языка, населённого пункта и др.) будет затруднительно

прибыть в орган уголовного преследования. При решении указанного вопроса в пользу второго варианта, в кабинете, где предполагается осуществить допрос иностранного гражданина, необходимо создать надлежащие бытовые условия.

Важно также, по возможности, принять соответствующие меры к тому, чтобы во время допроса была обеспечена тишина, а следователь (лицо, производящее дознание) и допрашиваемый иностранный гражданин оставались в кабинете наедине, без не вызываемого процессуальной необходимостью нахождения там других работников органов уголовного преследования либо участников уголовного процесса, так как «...присутствие третьих лиц, как правило, сковывает коммуникативную активность» [2, с. 18], а «...не вовремя раздавшийся телефонный звонок или открывшаяся дверь, именно тогда, когда должен был быть задан решающий вопрос, могут сорвать получение нужной информации, изменить решение допрашиваемого правдиво ответить на заданный ему вопрос» [3, с. 51].

Соблюдение следователями и лицами, производящими дознание, при подготовке к допросу иностранных граждан вышеуказанных рекомендаций будет способствовать установлению психологического контакта с ними и повышению авторитета наших правоохранительных органов в их глазах.

Если иностранный гражданин, которого предполагается допросить, не владеет русским (белорусским) языком, то необходимо заблаговременно принять меры к обеспечению участия в допросе переводчика. При этом, как правильно указывается в литературе, «...целесообразно учитывать гражданство и национальность иностранца, так как допрашиваемый может не владеть языком той страны, гражданином которой он является» [4, с. 211].

Решая вопрос о необходимости приглашения переводчика для участия в допросе иностранного гражданина, являющегося подозреваемым либо обвиняемым, надо иметь в виду, что эти лица в ряде случаев испытывают к следователю либо лицу, производящему дознание, недоверие в том, что последние могут воспользоваться их неведением языком уголовного процесса. По справедливому мнению Н.И. Порубова, для установления психологического

контакта с такой категорией допрашиваемых иностранных граждан важно, чтобы они доверяли переводчику. Для этого необходимо учитывать такие обстоятельства как: одной ли национальности допрашиваемый с переводчиком; из одной ли они местности; знали ли друг друга раньше или нет [5, с. 77]. В этой связи было бы целесообразным для участия в допросе иностранных граждан, являющихся подозреваемыми и обвиняемыми, а иногда – свидетелями и потерпевшими, приглашать, если это возможно, переводчика из числа лиц одной с ними национальности либо одного гражданства (подданства).

Представляется, что вызывать на допрос иностранных граждан, не обладающих правом дипломатической неприкосновенности, целесообразно через администрацию предприятий, учреждений и организаций Республики Беларусь, к которым они имеют непосредственное отношение (приглашены ими; работают, учатся или проживают в них и т.п.). Это обусловлено тем обстоятельством, что «...должностное лицо, пользующееся авторитетом у вызываемого, сможет более доходчиво и подробно разъяснить иностранцу причину его вызова, порядок явки, а также последствия неисполнения его обязанностей» [4, с. 210]. Лиц, обладающих дипломатическими привилегиями, необходимо приглашать на допрос через МИД Республики Беларусь.

Потерпевшие, свидетели и находящиеся на свободе подозреваемые и обвиняемые в случае их неявки без уважительных причин на допрос могут быть подвергнуты приводу. Однако к применению данной меры процессуального принуждения в отношении иностранных граждан, находящихся на территории Республики Беларусь и не обладающих дипломатическим иммунитетом, надо относиться очень осторожно. Следует учитывать, что необоснованное подвержение этих лиц приводу может существенно затруднить установление с ними психологического контакта при допросе. Нужно делать скидку на то, что в силу определённых обстоятельств (незнание языка, города, маршрутов движения общественного транспорта и т.п.) иностранцам бывает затруднительно вовремя прибыть в орган уголовного преследования или сообщить туда о причинах, препятствующих его явке.

Допрос иностранных граждан должен быть всесторонним и подробным. Вопросы к допрашиваемым должны быть чёткими и ясными. Нельзя употреблять слова и фразы в переносном значении, использовать выражения, смысл которых может быть непонятен или оскорбителен для иностранцев.

Литература

1. Андреев, И.С. Курс криминалистики / И.С. Андреев [и др.] / под ред. Н.И. Порубова. – Минск : Выш. школа, 2000. – 335 с.
2. Еникеев, М.И. Психология допроса: учеб. пособие / М.И. Еникеев, Э.А. Черных. – М.: Ин-т междунар. права и экономики, 1994. – 148 с.
3. Игнатьев, М.Е. Некоторые практические советы по тактике допроса / М.Е. Игнатьев // Российский следователь. – 1999. – № 6. – С. 50–52.
4. Басецкий, И.И. Свидетель в уголовном процессе: монография / И.И. Басецкий, Л.И. Родевич. – Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 1999. – 287 с.
5. Порубов, Н.И. Тактика допроса на предварительном следствии: учеб. пособие / Н.И. Порубов. – М.: Изд-во БЕК, 1998. – 208 с.

Ковалев В.М.

преподаватель кафедры административной деятельности факультета милиции УО «Могилевский институт МВД Республики Беларусь»

Габко А.Г.

курсант 2-го курса факультета милиции УО «Могилевский институт МВД Республики Беларусь»

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ УЧАСТКОВОГО ИНСПЕКТОРА МИЛИЦИИ

Профессиональная деятельность юриста предполагает определенную совокупность знаний, умений навыков, без которой нельзя быть специалистом-профессионалом. Сотрудники органов внутренних дел (далее ОВД) не являются в этом смысле исключением. Технология подготовки современных специалистов требует постоянного совершенствования. Она сложна,

динамична, порой противоречива и не всегда приводит к желаемой цели. На современном этапе практика нуждается в ответе на вопросы: как учесть в деятельности ОВД социальную психологию людей, каким должен быть процесс формирования человеческой личности, каковы пути решения нравственных и правовых проблем. Психология помогает сотрудникам ОВД решать задачи, возложенные на них Законом Республики Беларусь «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» [1].

Профессиональная направленность предполагает внутреннее принятие своей профессии, положительное эмоциональное отношение, преданность своему делу. Отсюда стремление к совершенствованию профессионального мастерства, высокая культура, исключительная чуткость к правовым и этическим нормам поведения, твердость в борьбе с правонарушителями, сочетающаяся, вместе с тем, с гуманностью при выполнении служебных обязанностей.

Ключевой фигурой каждого территориального органа внутренних дел является участковый инспектор милиции (далее участковый). Участковый выполняет особую социальную роль, осуществляя профилактику правонарушений, охраняя тем самым права и интересы граждан. Перед участковым всегда должна стоять задача оценки психолого-педагогических факторов противоправного поведения граждан. Для решения этой задачи необходимо особое внимание обращать на социально-психологические явления, выступающие как фон оперативной обстановки. Профессиональная направленность личности участкового, включающая особенности его поведения и действия, определяющие его облик по существенным линиям: целям, интересам, потребностям, мотивам, установкам, ценностным ориентациям имеют особое значение. Профессиональная направленность личности тесным образом связана с адаптацией участкового к своей деятельности.

Профессиональная адаптация характеризуется такими признаками, как сохранение и дальнейшее развитие интереса к деятельности, умение преодолевать трудности, совпадение общественной и личной мотивации труда

участкового. Участковому в процессе профессиональной деятельности нужно принимать важные решения. Как мыслительный процесс, принятие решений складывается из совокупности следующих элементов: оценки возникающих на практике задач и выражения соответствующих целей; сбора необходимой информации, ее обработки и анализа; формулирования выводов; определения вариантов решений и выбор наилучшего из них. Принимаемые решения должны быть законными, правомочными, компетентными, своевременными, конкретными, обоснованными, логичными и последовательными. Принятие решений в стрессовых, экстремальных, конфликтных ситуациях требует от участкового оперативности, мобилизации внимания, памяти, мышления, воли, выработки психологической устойчивости к психическим и физическим нагрузкам.

Авторитет участкового во многом складывается от внешних впечатлений, которые он производит на граждан. Следовательно, ему необходимо быть внешне опрятным, внимательным, обладать педагогическим тактом, а именно чувством меры, умением поддерживать правильные отношения с гражданами, соблюдать правила приличия.

Говоря о личностных качествах участкового, определяющих его профессиональное мастерство, необходимо отметить, что эти качества формируются на базе развития психических свойств, их определенного сочетания по отношению к требованиям деятельности. По степени обобщенности их можно сгруппировать следующим образом: социальная активность (ее уровень, направленность на длительных отрезках времени); сознание (мировоззрение, индивидуальная концепция); мотивационно-потребностная сфера, проявляющаяся в форме нужды, интереса, влечения, стремления, привычек, установки; интеллектуальные свойства (особенности восприятия, памяти, мышления, воображения); эмоционально-волевые свойства; психофизиологические свойства (особенности протекания высшей нервной деятельности, работоспособность, реакции на стресс-факторы и др.); коммуникативные свойства.

Наши исследования показывают, что общение с людьми лежит в основе всей служебной деятельности участкового. Понимание процессов общения и приобретения коммуникативных навыков – это необходимое условие профессиональной работы участкового. То есть, быть общительным, умеющим расположить к себе граждан при этом не нарушая Правила профессиональной этики сотрудников органов внутренних дел Республики Беларусь [2]. На наш взгляд актуальной необходимостью является введение обучающей программы «Коммуникативные навыки участкового инспектора милиции». Программа должна состоять из двух основных разделов: человеческое восприятие, основа любого межличностного общения и коммуникативные процессы, при этом проводится различие между вербальным и невербальным общением. Цель данной программы состоит в том, чтобы научить участковых общаться как можно эффективно, результативно и последовательно.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы: в уровне психологической подготовленности участкового скрыты значительные потенциальные возможности, оказывающие влияние на успешное выполнение оперативно-служебных задач, а в числе основных компонентов, определяющих ее сформированность, можно выделить психологическую ориентированность, профессионально-психологические умения, психологическую устойчивость, профессиональную наблюдательность и память. Психологическая подготовка участковых инспекторов милиции в учебных заведениях МВД Республики Беларусь имеет большие возможности по повышению уровня подготовленности выпускников к оперативно-служебной деятельности и требует дальнейшей научной разработки.

Литература

1. Об органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2007 г., № 263-З : принят Палатой представителей 27 июня 2007 г.: одобр. Советом Республики 29 июня 2007 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15.07.2015 г. // КонсультантПлюс. Беларусь

/ ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

2. Правила профессиональной этики сотрудников органов внутренних дел Республики Беларусь : Приказ МВД Республики Беларусь от 04.03.2013. № 67.

Колмаков А.А.

*доцент кафедры психологии Белорусского государственного университета,
кандидат психологических наук, доцент*

ПРОФИЛАКТИКА СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ СПЕЦКОНТИНГЕНТА, ОТБЫВАЮЩЕГО НАКАЗАНИЕ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Проблема суицидов является болезненной для любого общества. Суицид как феномен человеческого поведения своей противоестественной для всего живого природой уже более полутора столетий находится в ряду актуальных проблем человечества. Тем более, что причины этого явления до сих пор до конца не известны. По данным Всемирной Организации Здравоохранения ежегодно в мире уходит из жизни по причине самоубийства около миллиона человек, а совершают попытки в 10–100 раз больше. На сегодняшний день частота самоубийств и уровень темпов роста их количества являются наибольшими среди лиц трудоспособного возраста. От самоубийств в мире погибает больше людей, чем в результате военных конфликтов. В целом, самоубийства составляют 50% всех смертей от насильственных причин у мужчин и 71% у женщин.

Проблема суицидального поведения граждан продолжает оставаться одной из актуальных и для Республики Беларусь. Суициды причиняют как обществу в целом, так и отдельным гражданам огромный материальный и нравственный ущерб. Несмотря на некоторое снижение в последние годы, наше государство относится к числу стран с высоким уровнем суицидальной активности. В мировой статистике суицидов наша страна занимает 19-е место с показателем 18,3 случаев самоубийств на 100 тысяч населения. По современным критериям ВОЗ высоким считается показатель, превышающий

13 случаев суицида на 100 тыс. населения (6,5 – 13 случаев – средний, до 6,5 – низкий).

Долгое время проблема суицидального поведения принадлежала области психиатрии, а суицидальный акт относили исключительно к компетенции психиатров. Необоснованность отнесения самоубийства только к сфере психиатрии доказывалась еще на рубеже XIX-XX столетий (Бернацкий В.А., Бехтерев В.М., Корсаков С.С., Острогорский А.Н., Сикорский И.А. и др.). Данные исследователи отмечали, что самоубийство – *проблема в бо́льшей степени психологическая, социальная и нравственная*, нежели медицинская. Большое влияние на формирование суицидального намерения, по их мнению, оказывают психологические кризисы, вызванные особенностями личности. Сама же суицидальная реакция носит *ситуативный характер и не является фатально предопределенной*. Следовательно, в основе суицидального поведения лежит определенное психическое состояние, вызванное определенной жизненной ситуацией чаще всего у психически нормального человека (70-80% суицидентов – психически нормальные люди). Многочисленные последующие отечественные и зарубежные исследования убедительно подтвердили эту научную позицию.

Выводы, полученные в результате многочисленных эмпирических исследований, свидетельствуют о том, что в объяснении и профилактике суицидального поведения среди многочисленных подходов центральную позицию занимает социально-психологический аспект. В настоящее время наибольшее распространение на постсоветском пространстве имеет концепция, разработанная Амбрумовой А.Г., в которой суицид представляется как сложно детерминированное, многоплановое явление.

С точки зрения современной отечественной суицидологии:

Суицид (как сознательное лишение себя жизни) – *феномен человеческого поведения, являющийся следствием социально-психологической дезадаптации личности в условиях неразрешенного микросоциального конфликта и личностного кризиса*.

Самоубийство – защитная реакция личности в ответ на невозможность конструировать свое поведение в условиях кризиса.

К суицидальному поведению относят *завершенные суициды, суицидальные попытки, демонстрации и имитации суицида, а также суицидальные замыслы, высказывания, угрозы.* В суицидологии можно встретить и другую типологизацию суицидального поведения – *истинное, аффективное и демонстративно-шантажное.* Для профилактики все эти формы равнозначны и суицидоопасны, так как суицид имеет феноменологическую природу.

Иногда суицидальное поведение заключенных носит демонстративно-шантажный характер или выполняют функцию протеста. Между тем, *все формы суицидального поведения в условиях заключения необходимо воспринимать так же серьезно, как и в любых других условиях.* Чем раньше признаки суицидальной активности заключенного будут обнаружены и компенсированы, тем меньше вероятность суицидального поведения и рецидива суицидоопасных состояний у него в будущем. Успешность *профилактики* суицидального поведения определяется своевременностью и адекватностью предпринимаемых мер. *Иными словами, не допускать трансформацию и воплощение мыслей о нежелании жить в суицидальное намерение.*

Здесь будет уместным привести высказывание известного психиатра профессора Сикорского И.А.: *"Неожиданные "внезапности" (суициды.) являются таковыми только по недосмотру или по непривычке видеть и наблюдать психологию в лицах и событиях... Все, т.н. "глубокие тайны" подготавливаются и зреют на виду у всех; предусмотреть их возможно; научиться видеть должно".*

Суицидальное поведение как явление формирует множество различных неблагоприятных факторов. Они имеют как собственно психологическое, так и социальное содержание. Социально-психологический аспект суицидального

поведения и его профилактики включает следующие ключевые проблемы, значимые для диагностики и коррекции суицидальных тенденций:

- *личностные особенности*, обуславливающие предрасположенность к суицидоопасным психическим реакциям;
- *суицидальный риск и динамическая характеристика факторов, его формирующих*;
- *суицидогенные конфликты*;
- *поведение в кризисной ситуации*.

Риск суицидального поведения (суицидальный риск) – *это комплексная характеристика психического состояния дезадаптированной личности, сформированного индивидуально неповторимым сочетанием особенностей личности и способами ее взаимодействия с социальной средой в экстремальных для нее жизненных ситуациях (как правило, в условиях конфликта в системе значимых отношений), сопровождающегося негативно окрашенными аффективными переживаниями и отражающего степень сформированности суицидальных намерений*.

Суицидальное поведение обусловлено сложноопосредованным взаимодействием трех групп факторов, которые имеют как собственно психологическое, так и социальное содержание:

- **макросоциальные** факторы, связанные с продолжительным стрессогенным воздействием социальных процессов, в которые включен индивид и которые отражают степень интегрированности индивида в социуме и системе социальных отношений (безработица, маргинальность, субкультура и т. д.);
- **микросоциальные и ситуационные (событийные)** факторы, характеризующиеся *конфликтным* взаимодействием личности с непосредственным социальным окружением и играющие роль провоцирующего социально-психологического механизма формирования, развития и реализации суицидальной тенденции (неразрешенные конфликты со *значимым* социальным окружением, внутриличностные конфликты, утраты);

- **личностные** факторы опосредуют ограниченность адаптационных возможностей индивида и характерные особенности реагирования в ситуациях, угрожающих его благополучию и внутреннему комфорту (индивидуальные психологические особенности, особенности реагирования в трудных жизненных ситуациях, индивидуальный жизненный опыт, заболевания, психические патологии и расстройства).

Личностные факторы условно можно разделить на три группы: *психологические* и *психофизиологические*; *биографические* и *медицинские*.

Психологические и *психофизиологические факторы*: сниженная толерантность к психоэмоциональным нагрузкам; раздражительность; эмоциональная неустойчивость и выраженная тревожность; высокая конфликтность и агрессивность в отношениях с окружающими; склонность к демонстративному поведению; импульсивность; высокая чувствительность к обидам; робость и застенчивость, болезненное реагирование на грубость и бестактность; ригидность или лабильность эмоциональной сферы; недостаточно развитые коммуникативные способности; интровертированность и отчужденность, закрытость для других людей, стремление к уединению; неразвитая способность к рефлексии, неумение понимать других людей; неадекватная самооценка (завышенная либо заниженная); виктимность; чувство неполноценности и неуверенности в себе; интеллектуальная незрелость, максимализм, категоричность и поверхностность суждений, резкость оценок, преобладание формально-логического типа мышления; снижение или утрата понимания ценности жизни; эмоциональная зависимость от других людей; неразвитость психологических защит и конструктивных стратегий преодоления трудностей (копинг-стратегий); склонность к рискованным формам поведения; преобладание примитивных, гипореактивных или конфликтных моделей поведения; инфантильность (детская эгоистичность и социальная незрелость); высокие статусные притязания; низкий социальный статус; пессимистический взгляд на жизненные перспективы; высокая степень импульсивности; нарушения функционирования вегетативной системы; нарушения дыхания;

нарушения функционирования желудочно-кишечного тракта; проблемы со сном.

Биографические факторы: суицидальные попытки в прошлом (30 – 60% совершивших попытку обнаруживают склонность к рецидивам суицидального поведения, а каждый 10-й погибает от повторного суицида); ранние алкоголизация, наркомания и токсикомания; делинквентное поведение; развод, конфликт, разрыв и отсутствие связи с родными и близкими; преступление, совершенное с высокой степенью жестокости; преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности; психические отклонения у родителей, особенно, аффективные расстройства (депрессия) или другие психические заболевания; злоупотребление алкоголем, наркомания или другие виды асоциального поведения у членов семьи; суицидальные попытки и суициды среди родных и близких; недостаток внимания и заботы в детстве, конфликтные отношения между членами семьи; холодность, авторитарность или жестокость родителей; высокий уровень агрессии в семье; воспитание в неполной семье; воспитание приемными родителями или опекунами.

Медицинские факторы: заболевания с неутешительным прогнозом (онкологические заболевания, ВИЧ-инфекция и СПИД, сахарный диабет, эпилепсия, рассеянный склероз, боковой амиотрофический склероз и др.); хронические заболевания; алкоголизм и наркомания (психологические аналоги суицидального поведения); патологии и акцентуации характера; перенесенные ранее нервно-психические расстройства и нейроинфекции; черепно-мозговые травмы; психические патологии и невротические расстройства с депрессивной симптоматикой (риск суицида у депрессивных больных в 30 раз выше в сравнении с общей популяцией); физические дефекты и слабое физическое развитие; «позорные» заболевания и связанные с ними переживания; частые и необоснованные обращения за медицинской помощью, симуляция болезней; проблемы с сексуальной идентичностью.

Суицид совершается в особых, кризисных для индивида, ситуациях и предпринимается по разным мотивам и с разными целями. Несмотря на

относительную определенность в системе наиболее значимых личностных факторов риска суицидального поведения (благодаря продолжительным исследованиям суицида), они в своей статической совокупности раскрывают только большую вероятность суицидоопасного развития дезадаптивных процессов в *гипотетической ситуации*.

Исследования показали, что *люди, отбывающие наказание в местах лишения свободы составляют суицидально опасную группу риска*. Сам факт лишения свободы и помещения в ненормальную социальную среду оказывает сильное влияние на личность, являясь очень тяжелым стресс-фактором, провоцирующим состояние социально-психологической дезадаптации.

Микросоциальные факторы (как правило, конфликты) связаны с психотравмирующими событиями в жизни личности с низкими адаптационными возможностями.

1. Решающее значение в возникновении и формировании суицидального намерения имеет *конфликт*. В суицидологической практике значение придается таким типам конфликтов как *межличностный* и *внутриличностный*. В суицидальном поведении отчетливо прослеживается их взаимообуславливающая связь.

Межличностные конфликты имеют место в жизни каждого человека, но суицидоопасными они становятся тогда, когда возникают в системе *значимых* для человека отношений и приобретают для него неразрешимый характер. В свою очередь это провоцирует внутриличностный конфликт, кризисное состояние и социально-психологическую дезадаптацию. На этом фоне любой вторичный конфликт может спровоцировать суицидальную тенденцию.

2. *Социально-психологическая дезадаптация* личности возникает под влиянием различного рода личностных и психотравмирующих факторов, как правило, в результате нарушения системы отношений между человеком и его значимым социальным окружением, иными словами – конфликта. Социально-психологическая дезадаптация как *состояние* проявляется в большом разнообразии психо-эмоциональных сдвигов (тоска, тревога, страх, отчаяние,

чувство безысходности и пр.). В картине формирования суицидального поведения состояние социально-психологической дезадаптации характеризуется как пусковой и прогрессирующий процесс.

3. Большое влияние на формирование суицидального намерения оказывают *психологические кризисы*, вызванные, с одной стороны, особенностями личности и, с другой стороны, трудными жизненными ситуациями или событиями. С точки зрения психологии кризис – это *острое эмоциональное* состояние, возникающее при блокировании целенаправленной жизнедеятельности человека.

Кризисное состояние личности возникает в том случае, когда человек встречается с переживаниями, которые по силе или продолжительности превосходят его психологические регуляторные возможности, что сопровождается нарушением его психологических и социально-психологических адаптационных механизмов. Затяжной, хронический кризис приводит к глубокой социально-психологической дезадаптации, невротическим и психосоматическим реакциям, суицидальному поведению.

Роль «пусковых механизмов», провоцирующих социально-психологическую дезадаптацию и кризис, могут выполнять ***ситуационные (событийные)*** факторы. К ним относят: глубокие переживания в связи с арестом; первый арест и заключение под стражу; неопределенность своего положения; утрата связей с близкими (развод, смерть родного, любимого или другого значимого человека); ожидание суда; неожиданно суровый приговор; режим и тюремная субкультура; опасения относительно физического или сексуального насилия; издевательства и насилие со стороны других осужденных; вынужденная необходимость общаться и жить в ограниченном пространстве с незнакомыми и малопривлекательными людьми; конфликты с другими заключенными или с администрацией учреждения; содержание в одиночной камере; отрицательное решение по апелляции о пересмотре судебного приговора; совершение правонарушения в местах отбывания наказания; потеря смысла жизни, социального статуса, репутации; чувство позора; переживание

утраты жизненных перспектив, безысходности и безнадежности; пренебрежительное, осуждающее отношение со стороны других заключенных, администрации, родственников.

Выявлено, что риск суицидального поведения в следственных изоляторах намного выше, чем в исправительных учреждениях, где осужденные отбывают наказание после приговора.

В случае суицидального риска *личностные* и *ситуативные* факторы интегрируются в сложную комбинацию острых переживаний одиночества, обиды на окружающих, разочарования в себе, беспомощности, безнадежности, утраты жизненных целей и ценностей.

Состояния, в которых психически нормальные люди решаются на самоубийства, имеют свои особенности, отличающие их от оптимального диапазона человеческих переживаний. Что касается *ситуаций*, то они *не могут* напрямую обуславливать суицидальные реакции. Вид, тип, направленность и структуру реакции определяет личность человека, причем очень важна *значимость* данной ситуации для личности. Во всех случаях *суицидальное поведение* является *результатом личностного анализа конфликтной ситуации*. Прогнозировать риск суицидального поведения возможно при наличии признаков социально-психологической дезадаптации, личностного кризиса и суицидогенного конфликта *в динамике их развития*.

Развитие суицидальной тенденции (риска суицидального поведения) имеет свою динамику (С чего начинается и чем заканчивается):

конфликт в системе значимых отношений у личности с низкими адаптационными возможностями→социально-психологическая дезадаптация и личностный кризис в условиях конфликта→вторичный конфликт→суицидальное намерение (действие).

В соответствии с этим риск суицидального поведения *по степени выраженности* имеет свою градацию и стадийность (Как проявляется, а, соответственно, может достаточно точно диагностироваться):

признаки состояния социально-психологической дезадаптации и кризиса у личности с низкими адаптационными возможностями→ конфликт в системе значимых отношений у дезадаптированной личности, который оценивается ей как неразрешимый→прямые или косвенные признаки суицидального намерения.

В условиях дезадаптации и кризиса все факторы могут актуализироваться и складываться во вполне определенную систему достаточно различных признаков. Эта система по своей сути для каждого случая суицидоопасного развития кризисных состояний *неповторима* и является *индивидуально-личностной по своей факторной представленности* в картине переживаний.

Развитие суицидальной тенденции характеризуется внутренним и внешним проявлениями пресуицида (готовности к суицидальным действиям). К внутренним проявлениям пресуицида относятся: мысли, фантазии, представления, переживания, суицидальные замыслы, намерения и планы. Внутренние проявления представляют собой континуум переживаний, которые, достигая уровня решения и плана, приводят к реализации суицидального поведения. Градация этих переживаний выглядит следующим образом:

1. *пассивные суицидальные мысли* (возникновение представлений, фантазий на тему своей смерти, но не на тему окончательного ухода из жизни);
2. *суицидальные замыслы* (суицидальные желания, обдумывание способов, времени и места самоубийства, взвешивание «за» и «против» пока еще с учетом антисуицидальных факторов или размытые планы самоубийства);
3. *суицидальные намерения* (принятие решения, разработка плана реализации суицида).

Характерные внешние проявления пресуицида (или те ситуационные факторы, которые являются наиболее информативными в определении высокого суицидального риска):

- резкое изменение на прямо противоположные поведения и настроения;
- свежие шрамы, царапины либо повязки на запястьях, странгуляционная борозда на шее;

- суицидальные угрозы и высказывания (могут быть прямыми либо завуалированными, например фразы типа: «все надоело», «ненавижу всех и себя», «пора положить всему конец», «когда все это кончится», «так жить невозможно» «я не хочу умирать, я хочу не быть», «очень хочется жить на необитаемом острове», рассуждения о похоронах и т.п.);

- прощальные записки, письма;

- раздача подарков окружающим (символическое прощание);

- опрометчивые и безрассудные поступки;

- посещение врача без очевидной необходимости или настойчивые просьбы об обследовании и госпитализации;

- длительно сохраняющееся состояние подавленности, апатии, уход в себя, замкнутость, стремление к уединению вплоть до полной изоляции;

- острое переживание проблем в семье или утраты (смерти) родных и близких людей;

- признаки депрессивного состояния, характеризующееся тяжелыми, мучительными переживаниями тревоги, тоски, отчаяния;

- частые и резкие колебания настроения;

- разговоры о суициде как о легкой смерти;

- повышенный интерес к теме смерти;

- пренебрежительное отношение к своему внешнему виду, несоблюдение правил личной гигиены;

- утрата интереса к окружающему, резкое снижение активности, безволие;

- дезориентация в выборе адекватных форм поведения;

- дезорганизация социальных связей на уровне межличностных отношений;

- активная предварительная подготовка (изготовление веревки или острых режущих (колющих) предметов, собирание отравляющих веществ и лекарств, рисунки на тему смерти);

- высокая утомляемость;

- рассеянность или растерянность, неспособность сосредоточиться;
- появление вегетативных расстройств (потливость, тремор, одышка, бессонница или сонливость);
- нарушения дисциплины и режима;
- увеличение потребления табака или других психоактивных веществ.

Этот риск многократно усиливается, если в недалеком прошлом у человека имели место попытки суицида.

Профилактика самоубийств может быть достаточно результативной, однако для ее осуществления необходим ряд мер, связанных с совершенствованием оказания психологической помощи и системы взаимодействия. Лучшим из всех возможных подходов предупреждения суицидов является скоординированная системная работа, проводимая совместно психологами, командованием и медицинским персоналом.

Профилактика суицидального поведения в исправительных учреждениях должна строиться как *система* при неукоснительном соблюдении следующих *организационных* принципов:

- *выявительный* (в отличие от заявительного) – непрерывный мониторинг социально-психологического статуса, актуального психического состояния осужденных, так как прямое обращение за помощью со стороны многих из них в случае возникновения суицидальной тенденции – явление редкое;

- *ранней превенции* – сосредоточение усилий на предотвращении самой возможности появления кризисных состояний, оперативное реагирование на острое переживание неблагополучия;

- *системного (комплексного) подхода* (в узком смысле) – стремление к целостному изучению личности осужденных в структуре их отношений с окружающими, к системной организации психологического сопровождения их жизнедеятельности.

Проблема профилактики самоубийств имеет комплексный характер.

Основные направления профилактики суицидального поведения:

- 1) Работа по изучению личностных особенностей осужденных.

2) Выявление «групп риска» и установление тесных доверительных отношений.

3) Работа по выявлению у осужденных состояния социально-психологической дезадаптации, кризисных и суицидоопасных состояний.

4) Коррекционная работа с осужденными, имеющими признаки суицидоопасного развития социально-психологической дезадаптации и кризисных состояний.

5) Работа по ресоциализации осужденных.

6) Работа с осужденными, нуждающимися в экстренной психологической (психотерапевтической либо психиатрической) помощи.

7) Реадаптация осужденных, совершивших суицидальную попытку.

8) Работа по психологическому просвещению и обучению должностных лиц.

Система работы по профилактике суицидального поведения, кризисных и суицидоопасных состояний имеет 4 функциональных уровня и осуществляется согласно следующей модели:

I. *Общая профилактика*(проводится постоянно, со всеми) – изучение личностных особенностей осужденных, формирование благоприятного социально-психологического климата, формирование жизненных перспектив и установок на нормальную жизнь после освобождения, поддержание нравственного и психического здоровья, развитие и стимулирование адаптационных возможностей, соблюдение режима труда и отдыха, взаимодействие с общественными, в том числе религиозными, организациями, наблюдение и сбор оперативной информации о поведении заключенных, организованное проведение досуга.

Общая профилактика предполагает также выявление «группы риска». Желательно оценку суицидального риска проводить практически сразу при помещении в учреждение, поскольку самоубийство может произойти в первые часы пребывания. Для достижения наибольшей эффективности принимаемых мер каждый новый заключенный должен подвергаться опросу при

поступлении, а затем повторно – в форме беседы. Особое внимание сразу уделять тем, кто проявляет признаки суицидальных намерений.

Опрос можно проводить в ходе первичного медицинского осмотра, осуществляемого медицинским составом самого учреждения. Для этого можно применять специальный ранее подготовленный список утверждений и соответствующих им вопросов, указывающих на риск суицидального поведения.

При оценке суицидального риска лиц, поступающих в исправительное учреждение, положительные ответы на один или несколько из перечисленных ниже утверждений могут служить основанием для включения осужденного в «группу риска», а также свидетельствовать о повышенном риске суицида и необходимости принятия соответствующих мер:

Заключенный находится в состоянии опьянения.

Заключенный проявляет необычно высокую степень стыда, вины и волнения по поводу ареста и заключения.

Заклученный выражает безнадежность или страх перед будущим, проявляет признаки депрессии, такие, как плач, бедность эмоций или их вербального выражения.

Заклученный признает у себя мысли о самоубийстве в момент поступления.

Заклученный ранее получал лечение по поводу расстройств психического здоровья.

Заклученный в момент осмотра страдает психическим нарушением или ведет себя необычно или странно (например, не может сосредоточиться, разговаривает с собой, слышит «голоса»).

Заклученный предпринимал одну или более суицидальных попыток в прошлом, и/или признает, что самоубийство и сейчас является приемлемым вариантом решения.

Заклученный признает, что планирует самоубийство.

Опросные листы могут быть отнесены к документам, свидетельствующим, что заключенный был подвергнут оценке суицидального риска при поступлении в учреждение либо повторно, при изменении условий содержания.

На всем протяжении пребывания заключенного в учреждении они могут быть использованы для выявления этого риска и определения необходимости дальнейших мер профилактики со стороны сотрудников учреждения.

В качестве общепрофилактических мероприятий следует также рассматривать: соблюдение санитарных норм содержания, обеспечение нормальных бытовых условий, исключение психологического и физического насилия; информирование осужденных о возможностях получения психологической помощи; обеспечение недоступности опасных медикаментов, холодного оружия, отравляющих веществ и т. п.

II. Первичная профилактика (проводится систематически, индивидуально, с лицами из «группы риска») – психологическое сопровождение пребывания в учреждении осужденных из «группы риска» и оптимизация у них адаптационных процессов, более полное и глубокое изучение их психических состояний и личностных особенностей, наблюдение и сбор оперативной информации об отклонениях в поведении осужденных; профилактические индивидуальные беседы, своевременное разрешение конфликтных ситуаций, выявление лиц, нуждающихся в психологической помощи и поддержке, психологическая коррекция их состояния.

Для более глубокого изучения личности осужденных из «группы риска», применяют следующие методы: наблюдение, изучение документов, диагностическая беседа, тестирование (например: методики «Как Вы разрешаете эти трудности» Е. Хейма, адаптированная Л. И. Вассерманом, личностный опросник Г. Шмишека, тест измерения тревожности Спилбергера – Ханина, тест измерения импульсивности В. А. Лосенкова, методика «Незаконченные предложения» Д. Сакса и В. Леви, «Шкала депрессии» А. Бека, методика «СР-45» П. И. Юнацкевича).

Психологическое сопровождение и оптимизация адаптационных процессов у осужденных из «группы риска» осуществляется с помощью следующих методов: текущее наблюдение; доверительные беседы; авансированные поощрения; вовлечение в активную деятельность; повышение уровня самооценки; стимулирование конструктивной инициативы; одобрение, похвала, эмоциональная поддержка и внушение уверенности; постепенное повышение уровня требовательности; привлечение, по возможности, членов семьи и близких, посещающих заключенного, для получения информации и осуществления психологической поддержки.

III. Вторичная профилактика(проводится при обнаружении признаков высокого суицидального риска, индивидуально) – при обнаружении перечисленных выше признаков высокого суицидального риска осуществляется в виде психологической коррекции (интервенции) суицидальных намерений (индивидуальная коррекционная беседа), обеспечения безопасности осужденного, по возможности изменения условий жизни и деятельности, а при необходимости, оказания экстренной психотерапевтической (психиатрической) помощи с привлечением специалистов в этой области.

В случае обнаружения явных признаков суицидального намерения (следов самоповреждений, опасных для здоровья и жизни, открытых заявлений о желании покончить с собой, острых эмоциональных реакций и т.д.) такого осужденного следует незамедлительно поместить в медицинский стационар и организовать постоянное наблюдение. Ни в коем случае не оставлять без надзора!!!

Индивидуальная беседа с потенциальным суицидентом имеет свою специфику:

1. Демонстрировать уверенность, что в состоянии помочь. Люди в состоянии суицидоопасного кризиса, являются особенно чувствительными не только к тому, что говориться, но и как это говориться.

2. Мягко выяснить причины переживаний.

3. Направлять разговор в сторону душевной боли, а не от неё, стимулировать «проговаривание» переживаний.

4. Сохранять спокойствие, проявлять терпение и не осуждать, не зависимо от того, что говорит потенциальный суицидент.

5. Организатор беседы может столкнуться с тем, что осужденный отвергает его помощь. На самом деле он одновременно и желает, и не хочет её, поэтому мягкость и настойчивость, *внимание и желание понять*, максимальное проявление сочувствия необходимы для достижения положительного результата в беседе. Между тем ненавязчиво следует проявлять твердость в собственной жизнеутверждающей позиции.

6. Совместно обсудить имевшиеся в жизни осужденного схожие жизненные ситуации.

8. Дать возможность осужденному найти свои собственные ответы, даже если организатор беседы считает, что знает очевидное решение или выход.

9. Предлагать только ту помощь, которую реально можно оказать.

10. Если организатор беседы чувствует, что его слова не нашли отклика у собеседника, то необходимо найти возможность продолжения этой беседы с другим специалистом-профессионалом.

Структура коррекционной беседы:

1. *Начальный этап беседы.* Главная задача этого этапа заключается в установлении эмоционального контакта, установлении взаимоотношений «сопереживающего партнерства» и доверительности.

2. *Второй этап беседы.* В ходе второго этапа устанавливается последовательность событий, в результате которых сложилась кризисная ситуация, выясняется причина. Одна из наиболее существенных задач этого этапа – снятие у осужденного ощущения безвыходности его ситуации. Убедить в том, что подобные ситуации возникают и у других людей, что положение дел вполне поправимо и причины могут быть устранены. При этом необходимо применять золотое правило психотерапии: «Если не можешь изменить обстоятельства, измени отношение к ним». Помочь вспомнить успехи и

достижения собеседника в преодолении жизненных трудностей, всячески повышать самооценку. В завершение второго этапа беседы целесообразно совместно дать четкую формулировку ситуации, переживаемой потенциальным суицидентом.

3. *Третий этап беседы.* Этот этап представляет собой совместное планирование деятельности по преодолению кризисной ситуации. Основываясь на знании личности осужденного, его отношениях с окружающими в настоящей неблагоприятной ситуации, необходимо осторожно предложить несколько вариантов поведения, возможных способов разрешения ситуации, которые могут привести к выходу из психологического кризиса. Однако при этом стимулировать активность собеседника в выработке собственных вариантов. Преодоление психотравмирующей ситуации разбивается на более мелкие, принципиально разрешимые задачи, и для ближайших задач предполагается несколько предварительных решений. Совместный поиск способов решения проблемы должен придать потенциальному суициденту уверенность в собственных силах.

4. *Четвертый (завершающий) этап беседы.* Это этап окончательного формулирования решения, активной психологической поддержки и придания осужденному уверенности в своих силах и возможностях.

В индивидуальной беседе необходимо гибко использовать *антисуицидальные факторы (!!!)* либо стимулировать их появление в сознании потенциального суицидента. Как правило, такими факторами являются:

- нереализованные жизненные планы, представление о неиспользованных возможностях;
- внимание к собственному здоровью;
- религиозность, религиозные и социальные табу, связанные с проблемой самоубийства;
- боязнь причинить душевную боль родным и близким;
- родственные обязанности;
- чувство долга, понятие чести;

- зависимость от общественного мнения;
- эмоциональная привязанность к значимым близким;
- боязнь физического страдания и причинения себе физического ущерба (например, вероятность стать инвалидом после попытки самоубийства выше, чем вероятность умереть);
- негативная проекция своего внешнего вида после самоубийства;
- неуверенность в надёжности выбранного способа самоубийства.

Об успешности коррекционной работы и активизации адаптационных процессов можно судить при наличии у осужденного таких устойчивых признаков, как:

- наличие целей и жизненных перспектив;
- уверенность в себе, своих силах, убежденность в способности достижения собственных целей;
- преобладание адекватных положительных эмоций;
- заинтересованность в трудовой деятельности;
- расширение круга общения;
- участие в общественной жизни;
- ровные отношения с окружающими.

Между тем, даже при видимых положительных результатах коррекционной работы, наблюдение за такими осужденными и систематические индивидуальные беседы *должны продолжаться* еще достаточно продолжительное время. Не следует забывать о высокой вероятности рецидива кризисных и суицидоопасных состояний у таких людей.

IV. *Третичная профилактика* (проводится систематически, индивидуально) – реадаптация и ресоциализация осужденного, совершившего суицидальную попытку, снижение последствий и уменьшение вероятности рецидива.

Первая помощь при суициде

Если Вы стали свидетелем попытки самоубийства, нужно предпринять следующие действия:

1) вызвать скорую медицинскую помощь;

2) оказать первую доврачебную помощь:

- остановить кровотечение – на вены наложить давящую повязку, на артерии (пульсирующая алая струя) – жгут выше раны;
- при повешении часто травмируются шейные позвонки, поэтому, после того как пострадавшего вынули из петли, надо избегать резких движений;
- если нет пульса, проводить непрямой массаж сердца и искусственное дыхание до прибытия бригады скорой помощи;
- при отравлении – вызвать рвоту (если человек в сознании!);
- при бессознательном состоянии следить за проходимость дыхательных путей и повернуть голову на бок, чтобы не запал язык;
- в случае отравления, если пострадавший может глотать, принять 10 таблеток активированного угля;
- если пострадавший в сознании – необходимо поддерживать с ним постоянный (!!!) коммуникативный контакт, не оставляя его одного (!!!) со своими мыслями.

Тюрьмы представляют собой место, где могут происходить *кластерные («серийные»)* суицидальные действия. Исследования кластерных самоубийств в тюрьмах показали, что повышенный риск последующих самоубийств ограничивается периодом в четыре недели после первоначального самоубийства и снижается с течением времени. Стратегии снижения риска «заразительности» суицидального поведения включают:

- обеспечение должного психиатрического обследования и лечения для заключенных с психическими патологиями;
- перемещение из данного учреждения, изоляция или лечение лиц, особо подверженных суицидальному риску;

- внимательное отношение к формам преподнесения информации о суициде, совершенном другим заключенным;
- осуществление особого контроля (изоляция) за эмоционально неуравновешенными и склонными к подстрекательству лицами.

Таким образом, акцент в профилактике необходимо делать на недопущении суицидоопасного развития дезадаптационных процессов в условиях личностного кризиса, на своевременном выявлении и компенсировании факторов, несущих потенциальную угрозу суицида, изменении условий их порождающих. Значимым исходным моментом в этой работе является *установление доверительных отношений, наличие сведений о личностных особенностях осужденного и биографических данных.*

Необходимым условием успеха суицидальной превенции также является постоянное повышение образовательного уровня лиц, профессионально вовлеченных в этот процесс, обучение их навыкам оказания первой медицинской помощи.

Наверное, и в будущем определенные обстоятельства будут приводить некоторых людей к желанию покончить с собой. Между тем это не означает, что человеку в современном цивилизованном обществе нельзя оказать реальную – социальную, психологическую или иную, – помощь, даже если это нужно делать неоднократно.

Литература

1. Амбрумова, А.Г. Психология самоубийства / А.Г. Амбрумова // Медицинская помощь : М., 1994. – № 3. – С. 15–19.
2. Амбрумова, А.Г. Суицид как феномен социально-психологической дезадаптации личности / А.Г. Амбрумова, В.А. Тихоненко // Актуальные проблемы суицидологии. / Тр. Моск. НИИ психиатрии. – М. : 1978. – Т. 82. – С. 6–28.

3. Бутрим, Г.А. Неадаптивность копинг-стратегии как фактор суицидального риска у молодых людей / Г.А. Бутрим, А. А. Колмаков // Вышэйшая школа. – Минск, 2012. – № 6. – С. 49 – 53.
4. Василевский, В.Г. Оценка суицидального риска и профилактика суицидального поведения / В.Г. Василевский, Е.В. Ласый. – bsmu.by/files/vm/2-2010/8.pdf
5. Вассерман, Д. Напрасная смерть: причины и профилактика самоубийств / под ред. Д. Вассерман; пер. Е. Ройне. – М. : Смысл, 2005. – 310 с.
6. Колмаков, А.А. Выявление и первичная профилактика суицидоопасных состояний в деятельности специалиста по социальной работе / А.А. Колмаков // Социальная работа. – 2010. – №6. – С.6-11.
7. Колмаков, А.А. Профилактика суицидального поведения военнослужащих / Информационно-методическое пособие «Военно-психологический вестник» для офицеров социально-психологической структуры ВС РБ. – Минск, УО ВА РБ, 2009, – С. 80-119.
8. Крукович, Е.,И. Кризисное вмешательство: Учеб.-метод. пособие / Е. И. Крукович, В. Г. Ромек. – Минск : ЕГУ, 2003. – 92 с.
9. Осипова, А. А. Справочник психолога по работе в кризисных ситуациях / А.А. Осипова. – Ростов н/Д: Феникс, 2005. – 315 с.
10. Профилактика юношеского суицида: пособие для педагогов-психологов и педагогов социал. учреждений общего сред., профессионально-техн., сред. специал. образования, социально-педагог. учреждений / Г.А. Бутрим [и др.] – Минск: Пачатковая школа, 2013. – 400 с.
11. Старшенбаум, Г.В. Суицидология и кризисная психотерапия / Г. В. Старшенбаум. – М. : «Когито-Центр», 2005. – 376 с.

Ксенда О.Г.

*доцент кафедры психологии Белорусского государственного университета,
кандидат психологических наук, доцент*

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ФАКТОР КРИМИНАЛИЗАЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ

Образовательное пространство – это не только физическое пространство любого образовательного учреждения. Сюда относится и психологическое пространство: межличностные отношения между субъектами воспитательно-образовательного процесса, их статусные отношения, весь спектр поведенческих реакций учащихся и педагогов не только в школах, гимназиях, лицеях, колледжах, но и за их пределами. Дети и подростки, контактирующие в школе и вне ее, могут являться одноклассниками, учащимися одной школы.

Мы будем говорить о сложной проблеме, существующей в образовательном пространстве – о школьной травле (буллинге), которая наличествует во всех без исключения учреждениях в том или ином виде. Школьная травля как проявление детской жестокости приводит к насилию в детских группах, соответственно является определенным фактором криминализации.

В детской субкультуре за последние десятилетия буллинг распространился достаточно широко, проник в социальные сети, стал неким показателем силы, проявлением бравлады. Последствия школьной травли печальны. Ученые-психологи говорят о комплексных расстройствах и отдаленных последствиях, которые ведут человека к преступлениям. Исследователи пишут: «буллинг – в основном латентный для окружающих процесс, но дети, которые подверглись травле, получают психологическую травму различной степени тяжести, что приводит к тяжёлым последствиям вплоть до самоубийства. И не имеет значения, имел место физический буллинг или психологический. Предотвращение случаев школьного насилия является важнейшей задачей государства, поскольку жестокое отношение к ребёнку неминуемо приводит к негативным последствиям» [5].

Сегодня буллингу посвящены статьи в Интернете, предлагаются данные исследований, существуют программы помощи детям, есть результаты социальных опросов школьников в Америке, Европе, России. Они показывают, что страх стать жертвой школьного насилия у подростков стоит на третьем месте в ряду социальных опасений, а почти половина участвовавших в опросе либо подвергались буллингу, либо сами являлись агрессорами.

Психологическое сообщество также занимается проблемой буллинга. Интернет-ресурсы предлагают ознакомиться с проблемой, выделить признаки травли детей, понять скрытые реакции, соотнести детско-родительские отношения, отношения с педагогами, особенности детей с возможностями проявления буллинга [2; 3].

Одним из первых начал писать о нем еще в прошлом десятилетии И.С. Кон: «...слово буллинг (bullying, от bully – хулиган, драчун, задира, грубиян, насильник) обозначает запугивание, физический или психологический террор, направленный на то, чтобы вызвать у другого страх и тем самым подчинить его себе. Раньше это было просто житейское понятие, но в последние 20 лет оно стало международным социально-психологическим и педагогическим термином, за которым стоит целая совокупность социальных, психологических и педагогических проблем... Буллинг – явление глобальное и массовое. По словам 1 200 детей, ответивших на вопросы Интернет-сайта KidsPoll, буллингу подвергались 48 % , в том числе 15% - неоднократно, а сами занимались им 42%, причем 20% – многократно... Практически во всех странах и возрастах буллинг больше распространен среди мальчиков, чем среди девочек, и его жертвами также чаще становятся мальчики. Это не просто озорство или грубость, а особая форма взаимоотношений» [4].

С тех пор ситуация изменилась не в лучшую сторону. Причем поспособствовало этому мировое информационное пространство. Среди детей и подростков стало «круто» выкладывать в Интернет видеоролики со сценами их издевательств над другими людьми (тоже детьми, стариками или учителями). Популярность буллинг набрал и среди девочек. Женская

жестокость стала достаточно популярной, она олицетворяет «сильную женщину», образ которой рекламируется в СМИ через телевидение и Интернет. Сильное влияние этого образа способствует криминализации девчачьей среды.

Сегодня школьная среда, являясь важным фактором развития личности ребенка, «предлагает» ему возможность таким образом проявить себя и самоутвердиться. Ученые пишут о том, что педагоги не только стараются не замечать детской травли, но иногда используют ее в собственных интересах (влияние на детский коллектив) [1].

Мы попытались провести несколько бесед о школьной травле с детьми, педагогами и родителями в одной из школ. Последние относятся к проблеме школьного буллинга аналогично проблеме наркотизации: «Это может случиться с другими, но не с моим ребенком». Ни один из принимавших участие в беседе 14 родителей ничего не читал о проблеме. При этом все взрослые наблюдали буллинг в свои школьные годы и единогласно соотносят его с особенностями школьной среды.

Беседы с детьми 5-7 классов показали, что они знают про травлю (особенно про травлю в Интернете), знают тех, кого обижают в школе, многие и сами участвовали в ней. Подростки понимают, что это неправильно, так нельзя, но другие проявляют такое поведение и это «заразительно».

Общение с педагогами не получилось информативным. Учителя не хотели рассматривать проблему, мотивируя это тем, что в собственной школе они таких случаев не наблюдали, а все дети конфликтуют, обзываются и дерутся. При этом в целом школьную травлю и обстановку в школьной среде педагоги признают как фактор криминализации. Вот некоторые высказывания: «из обидчиков вырастут преступники...», «дети, над которыми издеваются, могут потом жестоко отомстить...», «травля может привести ребенка в плохую компанию, где его поддержат...».

Как видим, эти предварительные результаты показывают совершенно разное отношение к проблеме буллинга у всех участников образовательного

процесса и определенную неграмотность взрослых. Между тем как проблема нарастает и требует вмешательства специалистов, особенно психологов.

Литература

1. Бочавер, А.А. Школьная травля и позиция учителей / А.А. Бочавер, А.В. Жилинская, К.Д. Хломов // Социальная психология и общество. – 2015. – №1. – С. 103–116.
2. Воликова, С.В. Детско-родительские отношения как фактор школьного буллинга / С.В. Воликова, Е.А. Калинкина // Консультативная психология и психотерапия. – 2015. – Т. 23. – № 4. – С. 138–161.
3. Журавлева, Н. Как понять, что ребенок подвергается преследованиям. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.edustandart.ru/kak-ponyat-chto-rebenok-podvergaetsya-presledovaniyam/> – дата доступа 22.09.2016.
4. Кон, И.С. Школьное насилие: буллинг и хейзинг / И.С. Кон // Мальчик – отец мужчины // Bookap.info: [сайт]. [2015]. URL: http://bookap.info/vozrast/kon_malchik_otets_muzhchiny/gl52.shtm. – дата доступа 22.09.2016.
5. Ожиева, Е.Н. Буллинг как разновидность насилия. Школьный буллинг / Е.Н. Ожиева // Психология и социология. Психолого-воспитательные проблемы развития личности в современных условиях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/33_NIEK_2008/Psihologia/37294.doc.htm. – дата доступа 22.09.2016.

Куликович Т.О.

преподаватель кафедры психологии Белорусского государственного университета

ФЕНОМЕН «ПРЕСТУПНОГО ПОДЧИНЕНИЯ» ВЛАСТИ В СТРУКТУРЕ ПРОТИВОПРАВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ИНДИВИДА

Активно исследуемая в последние годы проблема «преступного подчинения» власти («Crimes of obedience») берет начало в исследованиях «подчинения авторитету» С. Милгрэма, которые показали, что под влиянием лица, наделенного властью, люди способны совершать несвойственные им в обычных условиях поступки, даже если их не принуждают напрямую к такому поведению [1]. Термин «преступное подчинение» означает осознанное совершение преступлений (уголовных, экономических и др.) или аморальных поступков по причине безоговорочного подчинения лицу, наделенному формальной властью.

Исследователи преступного подчинения, начав с изучения преступлений в военной среде [2], со временем стали изучать сферу бизнеса и финансовых преступлений, совершенных под давлением руководства [3; 4; 5; 6], в которых десятилетиями сотрудники покрывают противоправные действия своих руководителей и коллег и сами совершают аморальные и противоправные поступки в соответствии с распоряжениями вышестоящих лиц.

В то же время, С. Хаслам (S. Haslam) и С. Райхер (S. Reicher) подвергли критике традиционное представление о преступном подчинении как о действиях «аморальных автоматов». Они показали, что люди, совершая преступления под воздействием власти, действуют обдуманно, креативно и с осознанием последствий. Согласно исследователям, эти люди не теряют своей индивидуальности, но ведут себя в соответствии с ценностями сообщества, к которому принадлежат [7].

Хотя в большинстве работ такие действия изучаются с целью предотвращения ситуаций преступного сговора и молчаливого согласия, тем не менее, высказываются также идеи об адаптивной функции преступного

подчинения и лояльности сотрудников для успешного функционирования всей организации [8]. В частности, для описания противоправных или неэтичных поступков, совершенных ради успеха организации, используется понятие «неэтичное проорганизационное поведение» (unethical pro-organizational behaviors, UPBs). Хотя такие действия сотрудников не направлены на причинение вреда организации, они могут опосредованно навредить ее репутации или повлечь судебные преследования в адрес организации. В американской правоохранительной системе такие действия получили название «коррупции из благородных причин», примером которой может служить использование полицейским лжесвидетельствований с целью осудить предполагаемого преступника.

В то же время, случаи преступного подчинения в медицинской практике или в деятельности пилотов пассажирских самолетов могут повлечь причинение серьезного вреда здоровью и угрозу жизни других людей. Так, по мнению Е. Тарно (E. Tarnow) [9], 20% авиакатастроф можно было бы избежать, улучшив мониторинг и проверку приказов капитана его первым помощником, в том числе, сопротивление подчиниться капитану, находящемуся в состоянии алкогольного опьянения.

Среди предпосылок преступного подчинения выделяются следующие [10]:

- 1) Определенные представления о лидерстве, особенно, представление о себе как способном к лидерству (лидерская самооффективность); степень, в которой индивид сам желает быть лидером (мотивация лидерства); степень, в которой индивид приписывает успех организации заслугам ее лидеров. В исследовании было установлено, что люди, которые высоко оценивают лидеров и считают себя «лидерским материалом», склонны считать лидеров более ответственными за принятие моральных решений и действий, чем рядовые сотрудники. Такие люди, если попадают в позицию подчиненного, более вероятно будут совершать преступное подчинение посредством моральной невовлеченности и переноса ответственности за свое поведение на лидеров.

2) Самомониторинг (лица с высоким самомониторингом постоянно отслеживают реакции окружения на свое поведение, они будут более склонны к изменению своего поведения в сторону конформности, чем люди с низким самомониторингом, которым, в сущности, не важно, что о них скажут другие).

3) Культурные различия (у людей из коллективистических культур подчинение неэтичным приказам будет сильнее из-за большего давления, оказываемого обществом на не подчиняющегося индивида, чем в индивидуалистических странах).

4) Дистанция власти (это культурное измерение «степень неравенства между людьми, которое население страны принимает как нормальное: от относительно равного (малая дистанция власти) до экстремально неравного (большая дистанция власти)).

Литература

1. Kelman, H.C. Compliance, identification, and internalization: three processes of attitude change / H.C. Kelman // Journal of Conflict Resolution. — 1958. — Vol. 2, № 1. — P. 51—60.
2. Minow, M. What the Rule of Law Should Mean in Civics Education: From the "Following Orders" Defence to the Classroom / M. Minow // Journal of Moral Education— 2006. — Vol. 35, № 2. — P. 137—162.
3. Lord, A.T. The impact of commitment and moral reasoning on auditors' responses to social influence pressure / A.T. Lord, F.T. DeZoort // Accounting, Organizations and Society. — 2001. — Vol. 26, № 3. — P. 215—235.
4. Tourish, D. Charismatic Leadership and Corporate Cultism at Enron: The Elimination of Dissent, the Promotion of Conformity and Organizational Collapse / D. Tourish, N. Vatcha // Leadership — 2005. — Vol. 1. — P. 455—480.
5. Smith, N.C. Why managers fail to do the right thing: an empirical study of unethical and illegal conduct / N.C. Smith, S.S. Simpson, H. Chun-yao // Business Ethics Quarterly. — 2007. — Vol. 17, № 4. — P. 633—667.

6. Beu, D.S. This is war: How the politically astute achieve crimes of obedience through the use of moral disengagement / D.S. Beu, M.R. Buckley // The Leadership Quarterly. — 2004. — Vol. 15. — P. 551—568.
7. Haslam, S.A. Beyond the banality of evil: three dynamics of an interactionist social psychology of tyranny / S.A. Haslam, S. Reicher // Personality and Social Psychology Bulletin. — 2007. — № 33, Vol. 5. — P. 615—622.
8. Caprio, L. “How can we help independent directors to escape the “obedience bias?””Comments on: Randall Morck (2008) “Behavioral finance in corporate governance—Independent Directors, Non-Executive Chairs, and the importance of the Devil’s Advocate” / L. Caprio // Journal of Management and Governance. — 2008. Vol. 12. — P. 201—204.
9. Tarnow, E. Towards the zero accident goal: assisting the first officer monitor and challenge captain errors / E. Tarnow // Journal of Aviation /Aerospace Education and Research. — 2000. — Vol. 10, № 1. — P. 29—38.
10. Kim T. Hinrichs Follower Propensity to Commit Crimes of Obedience: The Role of Leadership Beliefs // Journal of Leadership &Organizational Studies. – Vol. 14, №1. – 2007. – P. 69-76.

Купченко В.Е.

доцент кафедры социальной психологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, кандидат психологических наук, доцент

Мытник А.Н.

студентка факультета психологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского

НАСИЛИЕ РОДИТЕЛЕЙ КАК ФАКТОР АГРЕССИВНОСТИ ПОДРОСТКОВ С ДЕЛИНКВЕНТНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ

Изучение природы возникновения и проявления делинквентного поведения среди несовершеннолетних подросткового возраста на сегодняшний день является одной из наиболее важных и актуальных проблем современного общества. Нарушение системы отношений, норм и ценностей в семье приводит

к ее неблагополучию, является основным источником применения насилия в отношении детей, формируя нередко делинквентное поведения у подростков [1]. В контексте нашего исследования мы основываемся на идее о том, что насилие со стороны родителей в отношении ребенка откладывает отпечаток не только на поведение подростков, но и, в целом, на формировании личности. Такие дети обладают как правило повышенной тревожностью, низким уровнем самоконтроля, проявляют агрессию и враждебность, в целом создавая «готовность» к делинквентному поведению.

Таким образом, целью исследования, описываемого в данной статье, является исследование агрессии родителей в качестве фактора агрессивности подростков с делинквентным поведением. В качестве гипотез нами выдвинуто предположение о том, что для несовершеннолетних подростков, подвергшихся насилию в семье характерна высокая агрессивность с выраженностью физической, косвенной, вербальной агрессией, а также негативизмом и раздражительностью.

В исследовании приняли участие 30 подростков мужского и женского пола 13–17 лет, проживающих в неблагополучных семьях («группы риска»). Для данных подростков характерны различные формы делинквентного поведения: злоупотребление алкоголем и наркотическими веществами, хулиганство, бродяжничество, кражи, сквернословие, уходы из дома и др., состоящие на учете в ОВД, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, и отделении профилактики правонарушений и семейного неблагополучия (данная группа представлены как n_1). Выборка исследования также включает родителей данных подростков – 30 матерей, состоящих на учетах в ОВД, КДНиЗП, ОППиСМ за ненадлежащее исполнение родительских прав в отношении несовершеннолетних детей, отрицательно влияющих на их развитие (в исследовании представлены как n_2).

В качестве методов исследования мы использовали методику А. Басса – А. Дарки для диагностики агрессивных и враждебных реакций [2], авторский экспресс – опросник на выраженность делинквентного поведения среди

подростков, воспитывающихся в неблагополучных семьях авторский экспресс – опросник, направленный на изучение выраженности семейного насилия. Опишем результаты исследования (табл.1)

Таблица 1

Средне групповые значения видов агрессии у подростков
и родителей испытуемой выборки

Названия шкал	Подростки (n_1)			Родители (n_2)		
	M_1	σ_1	As_1	M_2	σ_2	As_2
Физическая агрессия	69	18,3	0,152	56	26	0,048
Косвенная Агрессия	39,4	18,3	0,152	53,7	13,8	-0,3
Вербальная агрессия	65	13	-0,585	71	17,8	-0,875
Раздражимость	57,6	16,2	-1,117	41,4	19,8	-0,062
Негативизм	80	16,2	-0,495	81,3	22	-1,635
Подозрительность	59,4	19,4	-0,709	54,3	27,8	0,04
Обидчивость	54,6	24	- 0,028	43,3	17,5	0,308
Аутоагрессия	45,4	37,4	0,309	49	24	-0,32

Примечание: М - средние значения, σ - стандартное отклонение, As–асимметрия

При сравнении двух групп испытуемых было обнаружено, что уровни проявления признаков агрессивных и враждебных реакций различаются. Данные показатели свидетельствуют о том, что подростки и их родители имеют определенные особенности проявления агрессивных и враждебных реакций. Исключение составляет проявление негативизма ($M_1=80$, $M_2=81,3$), однако при этом $\sigma_1=16,2$ и $\sigma_2=22$, т.е. стандартное отклонение во второй группе больше. Таким образом, правомерен вывод о том, что значения признака во второй группе более разнородны, чем в первой. Из представленных данных также можно увидеть, что показатели вербальной агрессии, раздражительности, негативизма среди выборки подростков и их матерей находятся в области больших значений (As_1 : -0,585, -1,117, -0,495; As_2 : -0,875, -0,062, -1,635). Также для подростков характерны высокие показатели подозрительности и обидчивости (As_1 : -0,709, -0,028). Для матерей отличительной характеристикой

является преобладание косвенной агрессии и аутоагрессии (As_2 : -0,3, -0,32) (см. табл. 1). Подростки и родители (56,7 %) обладают выраженным проявлением вербальной агрессии, что является выражением негативных чувств как через такие формы как: ссора, крик, также и через содержание словесных ответов: угрозы, ругань. Также подростки чаще прибегают к использованию физической силы против других лиц, что в свою очередь сопряжено раздражимостью, проявляющейся в резкости, грубости. Данные показатели связаны как с особенностями подросткового периода, так и с неспособностью подростков к проявлению конструктивных форм поведения в силу влияния неблагоприятных средовых факторов. Преобладающие показатели негативизма у родителей являются проявлением оппозиционной меры поведения как правило против норм, правил и законов, что связано с предъявлением к ним требований со стороны общественных и государственных структур.

Также по данным исследования можно утверждать о том, что существует взаимосвязь определенных видов агрессивных реакций родителей и агрессивности детей (табл. 2).

Таблица 2

Взаимосвязь видов агрессии и враждебности у подростков и родителей

(sr-критерий Спирмена)

Виды агрессии								
Подростки	Родители							
	ФА	КА	ВА	Р	Н	О	П	АА
Физическая	0,510**	0,463**	0,385*	0,457*	-	-	-	-
Вербальная	-	0,318	-	-	-0,359	0,349	-	-
Раздражимость	-	0,349	0,316	-	-	-	-	-
Негативизм	0,382*	0,434*	-	-	0,342	-	-	-
Обида	0,316	0,344	-	-	-	-	-	-
Аутоагрессия	-	0,433*	-	-	-	-	-	0,481**

*Примечание:** - взаимосвязь значима при $p \leq 0,05$, ** - взаимосвязь значима при $p \leq 0,01$.

ФА – физическая агрессия, КА – косвенная агрессия, ВА – вербальная агрессия, Р – раздражительность, Н – негативизм, П – подозрительность, О – обидчивость, АА – аутоагрессия

Физическая агрессия подростков зависит от уровня физической, косвенной, вербальной агрессии и раздражимости родителей, т.е. чем выше проявляют агрессию родители, тем агрессивнее становится реакция ребенка. Родители проявляя физическую и косвенную агрессию вызывают рост негативизма со стороны детей. Также косвенная агрессия и аутоагрессия со стороны родителей является причиной возникновения аутоагрессии у детей.

Литература

1. Фурманов И.А. Психология депривированного ребенка: пособие для психологов и педагогов. – М. : Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2009 г. –319 с.
2. Агрессия: понятие, подходы, диагностика: Учебно-методическое пособие / Сост.: Л.И. Дементий, В.Е. Купченко. — Омск : Изд-во ОмГУ, 2001. — 28 с.

Малкова Т.Н.

заведующая кафедрой социологии Государственного университета телекоммуникаций, доктор психологических наук, старший научный сотрудник (Украина)

ПСИХОЛОГО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПОСОБОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Деятельность юриста, безусловно, является психологически насыщенной, а вопрос о допустимости использования в ней различных способов психологического воздействия (далее ПВ) актуальным. ПВ в широком смысле слова можно определить как поведение человека, которое, будучи воспринятым другим человеком, может изменить его психику и поведение. Разумеется, ПВ

может быть неумышленным. Но в тех случаях, когда оно используется намеренно, принято различать инициатора ПВ и его реципиента. В дальнейшем мы будем иметь в виду использование ПВ для достижения определённой цели.

Приемлемость/неприемлемость способов ПВ можно рассматривать в рамках предлагаемой нами классификации:

1. Психологическое насилие или открытое принуждение. Приёмы: запугивание, угрозы, шантаж. Цель – психологическая капитуляция личности. Психологический механизм – страх. Законом психологическое насилие запрещено. Однако в процессе предварительного расследования может иметь место «сговор» следователя, например, со свидетелем (а фактически шантаж со стороны первого): если свидетель не даст показаний по делу, то в отношении него также может быть возбуждено уголовное дело по определённой статье. Практическая целесообразность такого приёма очевидна, этическая – сомнительна, правовая... на совести юриста. Запугивание граничит с манипулированием, если в результате установления доверительных отношений выясняются страхи и опасения реципиента, которые затем подтверждаются якобы из лучших побуждений.

2. Манипулирование – способ ПВ, в основе которого лежит искусственное создание инициатором ситуаций, провоцирующих актуализацию у реципиента нужных (выгодных) для манипулятора стереотипов мышления, привычек или эмоций, обуславливающих изменение поведения реципиента в желательном для манипулятора направлении без ведома реципиента. Психологический механизм – эксплуатация недостаточно осознаваемых человеком его собственных привычек, качеств и переживаний, как отрицательных (зависть, ревность, алчность, тщеславие), так положительных (сострадание, жалость, щедрость, исполнительность) или нейтральных (любопытство). Манипулирование по определению аморально (за исключением случаев, когда манипулятор не преследует своекорыстных целей, как, например, в воспитании детей). Что касается деятельности следователя, то оно допустимо (так, при использовании приёма «допущение легенды» в ловушку не попадёт

непричастный). Хотя манипулирование определяют как скрытое психологическое насилие, у реципиента всё же остаётся свобода выбора (может противодействовать).

3. Нейролингвистическое программирование, как и манипулирование – замаскированное ПВ. Механизм – воздействие на подсознание путем блокирования сознания при помощи различных приёмов («разрыв шаблона», «речевое забалтывание», «постановка якоря» и др.).

4. Обман – умышленное введение в заблуждение посредством предоставления ложной информации, что, как известно, в деятельности юриста не является правомерным. Но есть не прямые способы обмана, как-то умалчивание, полуправда, невербальное комментирование вербальных сообщений. Обман такого рода практически недоказуем.

5. Убеждение – способ ПВ, основанный на логической аргументированности точки зрения инициатора. Механизм – апелляция к сознанию. Имеет свои «плюсы» (убеждённые не нуждаются во внешнем контроле и нацелены на достижение максимального результата) и «минусы» (необходимо иметь представление о внутренней логике убеждаемого, т. е. о том, что для него является «аргументом»; нельзя быть полностью уверенным в том, что человек принял точку зрения инициатора).

6. Внушение – способ ПВ, рассчитанный на некритическое восприятие информации, т.е. неаргументированное воздействие. Эффективность внушения зависит от ряда обстоятельств: авторитетности внушающего в глазах внушаемого, психологического состояния последнего, уровня владения инициатором техникой внушающего воздействия.

7. Вовлечение реципиента в деятельность инициатора: человек, выполнивший определенные просьбы (требования) инициатора, попадает под его влияние. Механизм – устранение реципиентом когнитивного диссонанса (внутреннего конфликта) путём приведения в соответствие своих взглядов и поступков (как правило, корректируются именно взгляды).

8. ПВ с помощью харизмы. Эффективный способ влияния, основанный на личностных особенностях инициатора. Харизма – это такое обаяние личности, которое, как писал Г. Лебон, сродни гипнозу. Можно говорить о суггестивном воздействии красоты, популярности, власти и т.п., но харизматическое воздействие – сугубо личностное и напрямую от качеств, перечисленных выше, не зависит. Харизматическая личность именно очаровывает и благодаря своим чарам оказывает сильное воздействие внушающего характера. Видимо, это воздействие комплексного характера, в котором трудно выделить качества основные и второстепенные (возможно, именно поэтому харизматические личности – редкость).

Такие способы ПВ как заражение (бессознательная подверженность людей эмоциям других) и подражание (более-менее осознанное следование образцам поведения другого человека) также могут быть использованы, но требуют создания специальных условий. Таким образом, большинство из перечисленных способов ПВ апеллируют к подсознанию, используются без согласия реципиента на их использование (и часто – не в его интересах) и с точки зрения общечеловеческих ценностей являются аморальными. Однако в контексте профессиональной деятельности данные способы ПВ являются допустимыми (кроме прямо запрещённых законом), поскольку морально-психологическую ответственность за их применение берет на себя государство. К сожалению, юристы-практики вряд ли смогут реализовать социальное предназначение своей профессии без их использования.

Литература

1. Горин С. А вы пробовали гипноз? / С. Горин. – М., 1994. – 192 с.
2. Лебон Г. Психология народов и масс / Г. Лебон. – Пер. с франц. – СПб. : Издание Ф. Павленкова, 1896. – С. 259-261.
3. Мескон М.Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. – Пер. с англ. – М.: Дело, 1998. – С. 460-484.

4. Harre Rom. Persuasion and manipulation. – In: Discourse and Communication / Teun A.vanDijk. – Berlin. New York, 1985. – P. 126-142.

5. Ekman P. Telling Lies. Clues to deceit in the marketplace, politics, and marriage. – New York: Berkly books, 1985. – 320 p.

Метлицкий И.Е.

доцент кафедры психологии Белорусского государственного университета, кандидат психологических наук, доцент

Володько С.А.

студентка 2 курса отделения психологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ ПРОФАЙЛИНГ ПЕДОФИЛОВ: ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

В настоящее время педофилия признана одной из самых распространенных в триаде криминальных сексуальных девиаций. Она составляет 48,8 % от всех расстройств влечения и занимает четвертое место в рейтинге международной преступности, уступая лишь торговле оружием, незаконному обороту наркотических веществ и торговле людьми [1; 4]. По данным Совет Европы в развитых западных странах примерно каждый 10-й ребенок становится жертвой сексуального насилия. Первое место в мире по количеству насильников и сексуальных извращенцев занимают США. По мнению авторитетных сексопатологов и психологов-криминалистов этой страны, реальное число педофилов в Америке превышает два миллиона человек. По данным Следственного комитета Российской Федерации, ежедневно в России подвергаются насилию 11-12 детей. В Республике Беларусь усилиями сотрудников подразделений по противодействию торговле людьми в 2015 выявлено почти в два раза больше преступлений сексуального характера, совершенных в отношении детей, по сравнению с 2014 годом [7].

Анализ подходов к составлению профиля педофила, позволяет сделать вывод о том, что единой типологии педофила ни в криминальной сексологии, ни в юридической психологии пока не выработано [2; 3; 5; 6; 8; 9; 10; 11; 12].

Это позволяет нам с позиции типологического подхода выделить их основные типы и подтипы:

I Тип Организованный (активно осуществляет поиск жертвы в местах скопления детей или устраивается на работу, которая позволяет иметь максимальный контакт с детьми). Похищает и скрывает жертву в скрытом помещении. Избавляется от жертвы в случаях потери интереса или угрозы задержания сотрудниками правоохранительных органов. Способы избавления от жертвы: убийство с последующим сокрытием трупа; продажа с порноаукциона.

Подтипы:

- фиксированный: А – гетеро-гомо-бисексуал; В – эксклюзивный (испытывает влечение к детям допубертатного возраста); гебефильный (испытывает влечение к детям раннего пубертатного возраста); сожитель (совершает преступления в отношении своих или приемных детей);
- нефиксированный: А – неэксклюзивный (испытывает влечение к детям и взрослым); В – педогебефильный (испытывает влечение к детям допубертатного и раннего пубертатного возраста);
- гедонист (стремится получить максимум удовольствия для себя при минимальном причинении боли жертве)
- преференционал (извращенный фантазер, привередливый в своих пристрастиях: выбирает жертву по цвету волос, глаз, росту, возрасту и т.п.);
- мизопед (садист, деспот).

II Тип Неорганизованный (совершает преступление только в том случае, если уверен в безопасности криминальной ситуации).

Подтипы:

- регрессивный (удовлетворяют свои сексуальные потребности с детьми по причине легкой доступности жертвы);

- ситуативный (сам редко отслеживает жертву, пользуется случаем минимального социального контроля);
- импульсивный (может совершить преступление под воздействием сиюминутного желания, как правило, – фетишист).

Литература

1. Аномальное сексуальное поведение / под ред. д-ра мед. наук, проф. А.А. Ткаченко и д-ра мед. наук Г. Е. Введенского. – СПб. : Изд-во «Юрид. Центр-Пресс», 2003. – 657 с.
2. Антонян, Ю. М. Сексуальные преступления / Ю.М. Антонян, А.А. Ткаченко. – М. : Амальтея, 1993. – 49 с.
3. Дерягин, Г.Б. Криминальная сексология / Г.Б. Дерягин. – М. : Моск. ун-т МВД России, Щит-М, 2009. – 552 с.
4. Дмитриева, Т.Б. Судебная психиатрия / Т.Б. Дмитриева, А.А. Ткаченко. – М. : ООО «Мед. информ. агенство», 2008. – 752 с.
5. Ковтун, В.А. Некоторые вопросы оперативно-розыскной характеристики насильственных действий сексуального характера, совершаемых в отношении несовершеннолетних / В.А. Ковтун, А.Б. Светильников // Вестник Белгородского юр. ин-та МВД России. – 2014. – №1. – С. 48-51.
6. Кришталеv, В.В. Сексология / В.В. Кришталеv, С.Р. Григорян. – М. : ПЕР СЭ, 2002. – 879 с.
7. Метлицкий, И.Е. Судебная медицина и психиатрия / И.Е. Метлицкий. – LAP LAMBERT Academic Publishing, 2016. – 160 с.
8. Методы выявления педофилов // Борьба с преступностью за рубежом. – 2003. – №5. – С. 37-38.
9. Нагаев, В.В. Сексологическая экспертиза / В.В. Нагаев. – М. : ЮРКНИГА, 2006. – 624 с.
10. Образцов, В.А. Психологический профиль на службе полиции США / В.А. Образцов, С.Н. Богомоллова – М. : ЮРЛИТ, 1994. – С. 295-296.

11. Селпагарова, С.Р. Актуальные проблемы выявления педофилов в зарубежной практике правоохранительных органов (психологический аспект) / С.Р. Селпагарова // Законодательство и экономика. – 2008. – №12. – С. 97.
12. Шостакович, Б.В. Половые преступления против детей и подростков / Б.В. Шостаков [и др.]. – Ростов н/Д : Харвест, 1993. – 32 с.

Семёнов В.Н.

государственный медицинский судебный эксперт-психолог Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь

ПРЕДИКТОРЫ КРИМИНАЛЬНОЙ АГРЕССИИ У ЛИЦ С ДИССОЦИАЛЬНЫМ РАССТРОЙСТВОМ ЛИЧНОСТИ

Диссоциальное расстройство личности (далее – ДРЛ) наряду с истерическим и эмоционально-неустойчивым относят к формам расстройств личности (далее – РЛ), характеризующимся высоким риском криминального поведения [1; 2; 3; 4]. Основными свойствами личности у лиц с ДРЛ являются: пренебрежительное отношение к социальным нормам, черствое и равнодушное отношение к чувствам окружающих, неспособность извлекать положительные уроки из собственного негативного опыта, низкая переносимость фрустрационных воздействий и готовность к незамедлительному агрессивному поведению в ответ на незначительные фрустрации. В своих неудачах и проблемах такие лица обвиняют окружающих, а своему антисоциальному поведению находят благовидные объяснения.

В реальной жизни поведение индивидов с ДРЛ представляет собой континуум, на одном конце которого находятся лица, ведущие пассивный и эксплуатирующий образ жизни, а на другом – жестокие убийцы [3; 4]. Наиболее обширную группу в поведенческом континууме образуют лица с ДРЛ, которые наряду с асоциальным поведением совершают криминальные действия различного характера. Объективным подтверждением этого факта могут служить данные о предельно высокой частоте встречаемости лиц с ДРЛ среди контингента пенитенциарных учреждений.

Оценка характера и структуры криминального поведения при ДРЛ, по данным различных исследований, является неоднозначной. Часть исследователей сходится во мнении о том, что при ДРЛ в основном совершаются ненасильственные преступления [1; 2; 3; 4]. Другая часть исследователей указывает на факты, свидетельствующие о высокой частоте насильственных преступлений среди лиц с ДРЛ [5; 6]. Подобная вариативность криминального поведения, наблюдаемая у лиц с ДРЛ, может маскировать различия в проявлении их личностных свойств и соответствующую им специфичность криминального поведения. При этом вопрос о специфических психологических факторах риска совершения преступниками с ДРЛ насильственных (далее – НП) и ненасильственных (далее – ННП) правонарушений до сих пор является недостаточно исследованным в зарубежной и отечественной литературе. Данное обстоятельство определило выбор объекта (ДРЛ), предмета (личностные свойства лиц с ДРЛ) и цели (выявление в структуре ДРЛ, тех личностных свойств, которые могут являться предикторами риска НП либо ННП) проведенного эмпирического исследования.

В результате операционализации диагностических критериев ДРЛ было выделено 30 психодиагностических показателей, разделенных на 8-мь групп: 1. *Нравственные чувства*: совестливость (СВ), чувство вины (ЧВ) и эмпатия (ЭМП); 2. *Общительность* (ОБЩ); 3. *Асоциальные и антисоциальные эмоциональные переживания*: негативизм (НГ), подозрительность (ПОД), обида (ОБ) и индекс враждебности (ИВ); 4. *Асоциальность* (АС); 5. *Общий и частные показатели интернальности*: общая интернальность (ОИ), интернальность в области достижений (ИД), неудач (ИН), семейных отношений (ИСО), производственных отношений (ИПО), межличностных отношений (ИМО) и здоровья (ИЗ); 6. *Формы агрессивного поведения и показатель общей агрессивности*: физическая (ФА), вербальная (ВА) и косвенная (КА) агрессия, агрессивная мотивация (АМ) и индекс агрессивности (ИА); 7. *Варианты фрустрационных эмоциональных реакций*: раздражение (РЗДР), гнев (ГН),

страх (СТР) и бессилие (БС); 8. *Варианты поведенческих реакций в ситуации фрустрации*: активная агрессия (АА), ассертивная реакция (АР), пассивная агрессия (ПА), подавленная агрессия (ПДА) и бегство-уход (БУ).

В дальнейшем в соответствии с целью исследования были сформированы три выборки, общая численность которых составила 174 человека мужского пола. Все испытуемые были разделены на три группы: основную (группа 1) и две контрастные (группа 2 и группа 3). Группа 1 ($n=56$) состояла из испытуемых с ДРЛ, совершивших НП. Средний возраст испытуемых в этой группе составил $29,5 \pm 7,4$ лет (от 17 до 48 лет). Во вторую группу ($n=58$) вошли испытуемые с ДРЛ, совершившие ННП. Средний возраст испытуемых в этой группе составил $27,1 \pm 6,5$ лет (от 17 до 48 лет). Группа 3 ($n=60$) состояла из испытуемых, не имеющих психических расстройств, и не привлекавшихся к уголовной ответственности. Средний возраст испытуемых в этой группе составил $26,6 \pm 7,1$ (от 17 до 43). Способ формирования выборок являлся случайным.

В результате использования статистической процедуры дискриминантного анализа среди измеренных в группах испытуемых с ДРЛ и без ДРЛ психодиагностических показателей были выделены переменные-предикторы для построения дискриминантных функций.

Так, для испытуемых из групп 2 и 3 была построена дискриминантная функция ($d = -2,094 + 0,567 \times \text{ИБ} - 0,109 \times \text{СТР}$), описывающая риск совершения ННП. В соответствии с этой функцией высокий уровень враждебного отношения к окружающим в сочетании с дефицитом переживания чувства страха в ситуации фрустрации увеличивают риск совершения ННП и позволяют корректно классифицировать 77,1% испытуемых из групп 2 и 3.

Для испытуемых из групп 1 и 3 была построена дискриминантная функция ($d = -1,028 + 0,518 \times \text{ИБ} - 0,060 \times \text{БС} + 0,089 \times \text{ПА} - 0,126 \times \text{ПДА}$), описывающая риск совершения НП. В соответствии с этой функцией высокий уровень враждебного отношения к окружающим, сопровождающийся выраженным переживанием чувства гнева в сочетании с дефицитом чувства беспомощности

в ситуации фрустрации и недостаточной способностью к сдерживанию, подавлению агрессии и злости, к их косвенному и отсроченному выражению в ситуации фрустрации увеличивает вероятность НП позволяют корректно классифицировать 81,0% испытуемых по двум группам.

Дискриминантная функция ($d=0,536+0,061\times\text{ГН}-0,112\times\text{ПДА}$), построенная для испытуемых из групп 1 и 2 описывает вероятность совершения НП у лиц с ДРЛ. Исходя из данной функции высокий уровень переживания гнева в сочетании с дефицитом способности к сдерживанию, подавлению агрессии и злости, к их косвенному и отсроченному выражению в ситуации фрустрации повышают риск НП и позволяют корректно классифицировать 64,0% испытуемых по двум группам.

Таким образом, в результате эмпирического исследования в структуре личности лиц с ДРЛ были выделены психологические свойства, позволяющие дать прогностическую оценку риска совершения НП и ННП. Кроме того, полученные данные свидетельствуют о клинической неоднородности ДРЛ и соответствующей ей криминальной специализации.

Литература

1. Агрессия и психические расстройства: в 2 т. / Т.Б. Дмитриева [и др.]. / под ред. Т.Б. Дмитриевой [и др.]. – М.: РИО ФГУ «ГНЦ ССП им. В.П. Сербского, 2006. – Т. 1. – 374 с.
2. Обросов, И.Ф. Расстройства личности у осужденных в местах лишения свободы (клинико-динамический и медико-социальные аспекты): дис. ... докт. мед. наук: 14.00.18 / И.Ф. Обросов. – М. : Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В.П.Сербского, 2004. – 356 с.
3. Хаэр, Р.Д. Лишенные совести / Р.Д. Хаэр. – М. : ООО И.Д. Вильямс, 2007. – 288 с.
4. Cleckley, H.M. The Mask of Sanity / H.M. Cleckley. – St. Louis : C.V. Mosby Co., 1976. – 469 p.

5. Dolan, M. Violence risk prediction / M. Dolan, M. Doyle // British Journal of Psychiatry. – 2000. – Vol. 177, №. 4. – P. 303-311.
6. Stone, M.H. Violent crimes and their relationship to personality disorders / M.H. Stone // Personality and Mental Health. – 2007. – Vol. 1, №. 2. – P. 138–153.

Смирнова Ю.С.

*доцент кафедры психологии Белорусского государственного университета,
кандидат психологических наук, доцент*

ОБРАЗ «ПРЕСТУПНИКА» КАК ФАКТОР ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Социально-психологический анализ проблемы профилактики преступлений и правонарушений должен включать изучение распространенных в обществе по отношению к нарушителям закона аттитюдов, а также социально-познавательных процессов, участвующих в их формировании (социальной категоризации, прототипизации, стереотипизации и др.). Ранее мы уже останавливались на результатах проведенного нами эмпирического исследования, отражающих содержание социальных установок студентов в отношении представителей социальной категории «преступники» [3]. Напомним, что по отношению к представителям данной категории доминирует враждебная установка (87,5% респондентов). Она характеризуется негативной «конвенциональной оценкой» представителей группы, положение которых воспринимается как благополучное: это сильные, уверенные в себе, удачливые, наслаждающиеся жизнью люди, способные причинить вред другим, опасные, аморальные и безнравственные, они ищут легкой жизни за счет других. Причем для объяснения их поведения используется интернальная атрибуция; преступниками становятся «по своей воле» [3]. Здесь следует заметить, что людям как «наивным» познающим субъектам свойственна тенденция к формированию целостных непротиворечивых образов социальных объектов (самого себя, другого человека, группы людей) по принципу: «плохие поступки

совершают плохие люди, хорошие люди ведут себя хорошо». В основе лежит восприятие единства личности и действия и его результата, что позволяет поддерживать чувство контроля. Иными словами, распространенный в обществе негативный образ «преступника» отражает соответствующую оценку как собственно преступного поведения, так и личностей, его демонстрирующих. Как следствие, причины преступления люди увидят скорее в личностных особенностях нарушителя закона, его внутренних установках и мотивах, нежели в сложившихся обстоятельствах.

Такая картина, на наш взгляд, предполагает два основных ракурса анализа. С одной стороны, выявленный негативный образ «преступника» отражает значимость правовых норм, нарушение которых вызывает отрицательное отношение. Весьма оптимистично эти результаты выглядят с позиции решения проблемы профилактики преступлений и правонарушений, поскольку свидетельствуют в пользу высокого статуса норм закона, что является важным условием его соблюдения. Но есть и второй ракурс анализа, так сказать, «обратная сторона медали», сопряженная с возможностью неблагоприятных последствий для общества. К таким последствиям можно отнести вторичную девиацию, представляющую собой «не качество поступка, который совершает человек, а скорее следствие применения другими людьми правил и санкций против "нарушителя"» [2, с. 213]. Совершенное однажды преступление может оставить на его субъекте «антизаконную, аморальную печать», становясь источником феномена «запятнанной репутации» и стигматизации экс-преступников [1, с. 98]. Стигма – это атрибут, свидетельствующий о нежелательном отклонении его обладателя от большинства и вызывающий непринятие «заклейменного» человека. В частности, морально-правовая стигма сопряжена с представлениями о потенциальной опасности индивидов, когда-то совершивших противозаконное действие, сужением круга социальных контактов, поскольку окружающие, осведомленные о прошлом человека, перестают ему доверять и начинают его бояться [1, с. 98].

Таким образом, негативное содержание образа «преступника», распространенное в общественном сознании, может выступать как фактор профилактики преступлений и правонарушений двояким образом: с одной стороны, поддерживая высокий статус норм закона и обеспечивая их соблюдение, а с другой стороны, становясь возможным источником феноменов морально-правовой стигматизации и вторичной девиации.

Литература

1. Оганесян, М.Р. Феномен «запятнанной репутации» у несовершеннолетних правонарушителей / М.Р. Оганесян // Социс. – 1992. – № 8. – С. 97 – 100.
2. Смелзер, Н. Девиация и социальный контроль / Н. Смелзер // Социология / Н. Смелзер, - М., 1994. – С. 197 – 242.
3. Смирнова, Ю.С. Отношение к лицам с морально-правовой стигмой / Ю.С. Смирнова // Психология XXI века: Материалы международной научно-практической конференции молодых ученых «Психология XXI века» 24 – 26 апреля 2008 года, Санкт-Петербург / С.-Петербургский гос. ун-т; под научной ред. Н.В. Гришиной. – СПб., 2008. – С. 182 – 184.

Сорока А.В.

доцент кафедры прикладной психологии факультету психологии, Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина, кандидат психологических наук, доцент

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАДАПТАЦИИ ЛИЦ, ОСВОБОЖДЕННЫХ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Актуальность проблемы социализации личности после освобождения из мест лишения свободы, а особенно оказания психологической помощи бездомным после освобождения из мест лишения свободы (период первых шести месяцев после освобождения), есть не что иное, как *профилактика совершения ими возможных преступлений*. Поэтому главной целью психологов

соответствующих учреждений является определение психологических условий для успешной реадaptации личности в современном обществе. Составляющими этого процесса является психологическая поддержка стимулирования испытуемых к развитию конструктивных взаимосвязей ценностно-нормативной сферы и волевой саморегуляции личности.

Цель исследования: определить психологические особенности социальной реадaptации лиц, освобождённых из мест лишения свободы на основе взаимосвязи ценностно-нормативной сферы и динамической сторон волевой саморегуляции личности.

Исследования проводились на базе трех соответствующих центров социальной реабилитации бездомных лиц (различных форм собственности) Харьковской области. Выборка исследования составляет общим количеством 100 исследуемых мужского пола (первые шесть месяцев после освобождения с мест лишения свободы).

Результаты корреляционного анализа между отдельными показателями ценностно-нормативной сферы и системы волевой саморегуляции личности размещены в таблице 1 (значимый коэффициент корреляции Кенделла, при $p < 0,05$ и $p < 0,01$).

Таблица 1

**Общие взаимосвязи ценностно-нормативной сферы
и системы волевой саморегуляции личности**

		СИСТЕМА ВОЛЕВОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ				
		Волевая саморе- гуляция	Настой- чивость	Само- облада- ние	Ориен- тация на действие	Само- управ- ления
ЦЕННОСТНО-НОР- МАТИВНАЯ СФЕРА	Ценность собственного «Я»	0,043	0,286**	-0,037	0,171*	0,282**
	Способность управлять	-0,019	-0,100	-0,007	-0,011	-0,093

случай- ностью событий					
Степень удачи	-0,008	0,125	-0,067	0,142	0,182*
Контроли- руемость мира	-0,046	0,033	-0,058	-0,043	0,138
Справедли- вость мира	-0,032	-0,108	0,000	-0,082	-0,081
Стремление подогнать партнера под себя	-0,002	0,170*	-0,042	-0,050	0,135
Стремление перевоспитать партнера	-0,133	0,025	-0,151	-0,020	0,094
Неумение приспосо- биться к другим	-0,006	0,200*	-0,054	0,049	0,240**
Неумение прощать	-0,135	-0,107	-0,098	-0,226**	0,078
Исполни- вание себя в качестве эталона	0,052	-0,058	0,089	-0,063	-0,084
Агрессив- ность	-0,125	-0,213**	-0,089	-0,148	-0,085

Примечание: * – значимый коэффициент корреляции Кенделла, при $p < 0,05$,

** – значимый коэффициент корреляции Кенделла, при $p < 0,01$.

Анализируя выявленные нами взаимосвязи, можно выделить два их типа: *конструктивные связи*, такие, где высокие показатели компонентов ценностно-нормативной сферы и волевой саморегуляции личности образуют связи, способствующие лучшей ресоциализации личности в современном обществе. Такие связи способствуют как улучшению ценностно-нормативной сферы, правосознания личности так и проявлениям самоконтроля, умению регулировать свои состояния, чувства и действия и вообще волевой саморегуляции личности. И *деструктивные связи*, такие, где отдельные высокие показатели компонентов системы волевой саморегуляции личности выступают поддержкой негативных аспектов ценностно-нормативной сферы личности.

К *конструктивным* связям можно отнести следующие: значимая положительная связь переменных системы ценностно-нормативной сферы личности как «ценность собственного «Я» с такими переменными системы волевой саморегуляции личности как «настойчивость» ($p < 0,01$), «ориентации на действие» ($p < 0,05$) и «самоуправление» ($p < 0,01$).

К *деструктивным* типам связей нашего системо-комплекса можно отнести такие отдельные высокие показатели компонентов положительных связей субшкал как «стремление подогнать партнера под себя» и «неумение приспособливаться к другим» и «настойчивость» ($p < 0,05$), субшкал «неумение приспособливаться к другим» и «самоуправление» ($p < 0,01$). Это говорит о том, что в данных исследуемых достаточно развиты деструктивные показатели по данным субшкалами и их взаимосвязи. Что в свою очередь является еще одной личностной характеристикой, которая играет ключевую роль в проблеме осуществления криминального поведения и служит препятствием для дальнейшей реадaptации личности после отбытия срока наказания это черта нетерпимости, интолерантности к социуму. В своей дальнейшей психокоррекционной работе необходимо будет приложить максимум усилий, чтобы эти взаимосвязи скорректировать к конструктивным связям, а именно

улучшить прогноз рессоциализации и дальнейшей реабилитации личности в социуме.

Выводы. До психологических особенностей социальной реадaptации лиц, освобождённых из мест лишения свободы относится взаимосвязь ценностно-нормативной сферы и системы волевой саморегуляции личности. Эта взаимосвязь образует единый системо-комплекс, воздействуя на который с помощью психокоррекционной программы, мы можем способствовать результативной реадaptации личности в современном обществе. Но необходимо помнить о том, что волевая саморегуляция личности которая находится в соответствующих центрах социальной реабилитации после освобождения от отбывания срока наказания является по своей сути девиантной. Так, например, их высокий уровень сформированности такого волевого качества как «настойчивость» с одной стороны, может способствовать блокированию негативного свойства личности как «склонность к агрессии», а с другой стороны имеет обратное свойство с такими субшкалами как «стремление подогнать партнера под себя» и «неумение приспосабливаться к другим». Присуще волевой сфере испытуемых, обратное свойство с такими субшкалами как «ориентация на действие» и «неумение прощать», а это адаптивно к данной социальной ситуации, способствует умению прощать и не накапливать злобу. Исследуемым, в данном случае, отпадает необходимость строить систему действия, планов на будущее, ставить стратегические цели и согласовывать свое поведение. Поддержка и формирование конструктивных взаимосвязей между переменными, может способствовать позитивным изменениям нашего системо-комплекса с целью результативной реадaptации личности в современном обществе.

Фабрикант М.С.

старший преподаватель кафедры психологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета

ГОРДОСТЬ СПРАВЕДЛИВОСТЬЮ И РАВЕНСТВОМ ВСЕХ ПЕРЕД ЗАКОНОМ В СВОЕЙ СТРАНЕ: КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ КРОССКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ

Гордость страной представляет собой одну из составляющих национально идентичности и отражает ее позитивную сторону. Исследования показали, что гордость различными достижениями страны может существенно различаться не только между странами, но и внутри одной страны [1; 2; 3]. Гордость различными достижениями обусловлена различными факторами на индивидуальном и страновом уровне и по-разному связана с другими компонентами национальной идентичности. В данном исследовании предпринимается попытка кросс-культурного анализа гордости достижениями страны в правовой сфере – справедливостью и равенством всех перед законом – на материалах опросных данных. Гипотеза исследования: гордость справедливостью и равенством всех перед законом значимо связана с рядом индивидуальных и страновых факторов, которые отражают не характеристики правовой систем, а общую позицию страны по отношению к другим странам и индивидуальную позицию внутри страны.

Данные и методы. В работе использованы находящиеся в открытом доступе данные третьей волны Международной программы социальных опросов – Национальная идентичность, собранные в 2012–2014 году в 34 странах и регионах. База данных содержит блок переменных о гордости страной, в том числе гордости справедливостью и равенством всех перед законом («варианты ответа: «очень горжусь», «скорее горжусь», «не очень горжусь», «совсем не горжусь»). Для проверки этой гипотезы была построена многоуровневая ординальная логистическая регрессионная модель, в которой данная переменная выступила в качестве зависимой, ряд социально-демографических характеристик (см. Таблицу 1) – в качестве независимых переменных индивидуального уровня, а ВВП на душу населения по паритету

покупательской способности (по данным Всемирного Банка) и дихотомическая переменная, отражающая наличие либо отсутствие у страны социалистического прошлого) – в качестве независимых переменных странового уровня.

Результаты. Получившаяся регрессионная модель приведена в таблице 1. Из нее видно, что на гордость справедливостью и равенством всех перед законом в своей стране значимо влияют все включенные в модель социально-демографические индивидуальные характеристики (кроме формы занятости). Возраст респондента связан с гордостью отрицательно; иными словами, чем старше человек, тем меньше он гордится достижениями и страны именно в этой сфере, что может быть связано как с возрастным (по мере взросления гордость уменьшается), так и с когортным (современная молодежь в большей степени гордится достижениями страны в правовой сфере, чем более ранние когорты в связи с какими-либо особенностями социализации) эффектом. Такая связь довольно нетипична, поскольку для гордости остальными достижениями страны (спорта) эта связь положительная, и может быть обусловлена тем, что во многих охваченных исследованием странах формулировка «справедливость и равенство» ассоциируется с идеалами дистрибутивной социальной справедливости популярность которых росла в последние десятилетия. Различия между мужчинами и женщинами, напротив, такие же, как для большинства других изменений гордости: мужчины гордятся сильнее. На наш взгляд, это связано с относительно более привилегированным положением мужчин в обществе, которое проявляется в возможности как вносить больший вклад в достижения страны, так и в большей мере пользоваться их плодами. Аналогичный эффект демонстрирует субъективный социальный статус: чем выше людям представляется их положение в социальной иерархии, тем сильнее они гордятся справедливостью и равенством всех перед законом в своей стране. Уровень образования и религиозность (операционализированная как частота посещения религиозных служб) влияют на гордость противоположным образом. Более религиозные люди сильнее гордятся достижениями страны в правовой сфере, что может быть обусловлено относительно более низким

уровнем притязаний, поскольку в большинстве религий, включая мировые, земная жизнь изначально трактуется как неидеальная. Люди с высшим образованием демонстрируют относительно меньшую гордость, предположительно в силу большей критичности и требовательности.

Таблица 1

Многоуровневая логистическая модель гордости справедливостью и равенством всех перед законом в своей стране

	Гордость справедливостью и равенством всех перед законом в своей стране
Возраст (полных лет)	-0.002 (0.000)***
Пол – женский (опорная категория - мужской)	-0.083 (0.020)***
Занятость – полный рабочий день (опорная категория – другое)	0.003(0.021)
Образование – высшее (опорная категория - без высшего образования)	-0.046(0.007)***
Частота посещения религиозных служб (от 1 – никогда до 8 – несколько раз в неделю)	0.047(0.005)***
Субъективный социальный статус (от 1 – очень низкий до 10 – очень высокий)	0.086(0.006)***
ВВП на душу населения (натуральный логарифм)	-0.173 (0.260)
Постсоциалистическая страна (опорная категория – не постсоциалистическая страна)	-0.730 (0.208)***
<i>AIC</i>	90056
<i>мера наибольшего правдоподобия</i>	-45016
<i>N1</i>	36279
<i>N2</i>	34

*** – значимо на уровне 0,001

На страновом уровне интересно, что уровень экономического развития страны (операционализированный как ВВП на душу населения) не оказывает значимого влияния на гордость справедливостью и равенством всех перед законом, хотя, по данным ранее проведенных исследований, значимо положительно связан с гордостью другими достижениями в сферах, непосредственно связанных с повседневной жизнью. Вместе с тем, постсоциалистические страны отличаются значимо: гордость в них ниже, что отражает в целом более низкую коллективную самооценку этой категории стран по многим параметрам.

Выводы. Полученные результаты указывают на то, что для включенных в модель независимых переменных гипотеза подтверждается. На гордость справедливостью и равенством всех перед законом в своей стране действительно влияют факторы, не связанные напрямую содержательно с состоянием правовой системы. На индивидуальном уровне основную роль играют социально-демографические параметры, связанные с социальным статусом и уровнем притязаний, а на страновом – не столько актуальные экономические достижения стран, сколько ее обобщенный исторический опыт.

Литература

1. Blank, T., National identity in a united Germany: Nationalism or patriotism? An empirical test with representative data / T. Blank, P. Schmidt // *Political Psychology*. – 2003. – Т. 24. – №. 2. – С. 289-312.
2. Davidov, E. Measurement equivalence of nationalism and constructive patriotism in the ISSP: 34 countries in a comparative perspective / E. Davidov // *Political Analysis*. – 2009. – Т. 17. – №. 1. – P. 64-82.
3. Fabrykant, M. Grounded and Normative Dimensions of National Pride in Comparative Perspective / M. Fabrykant, V. Magun // *Dynamics of National Identity: Media and Societal Factors of What We Are* / Eds.: P. Schmidt, J. Grimm, L. Huddy, J. Seethaler. – L. : Routledge, 2016. – P. 109-138.

Фурманов И.А.

заведующий кафедрой психологии Белорусского государственного университета, доктор психологических наук, профессор

АГРЕССИВНЫЕ ЧЕРТЫ ЛИЧНОСТИ БЕЛОРУССКИХ ОСУЖДЕННЫХ С РАЗЛИЧНЫМ СОСТАВОМ СОВЕРШЁННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Рассматривается структура агрессивности как личностной черты преступников, которая состоит из четырех субчерт: физической агрессивности, вербальной агрессивности, гнева, враждебности. Отмечается, что у преступников, совершивших убийство, показатели физической и вербальной агрессивности значимо выше, чем у осужденных за другие насильственные преступления, насильственные преступления сексуального характера и ненасильственные преступления. Указывается, что в структуре агрессивности показатели вербальной агрессивности статистически значимо выше других показателей субчерт у осужденных, совершивших убийство, насильственные преступления сексуального характера и ненасильственные преступления. Насильственная направленность преступлений в большей степени обуславливается взаимосвязью физической агрессивности, гнева и враждебности при посредничестве склонности к вербальной агрессии. Описываются отличительные особенности агрессивности у осужденных с различным составом совершенного преступления.

Согласно концепции А. Басса и М. Перри, агрессия как личностная черта, то есть агрессивность, состоит из четырех подчерт [1]. Физическая агрессивность, которая рассматривается как использование физической силы против другого лица. Вербальная агрессивность – выражение негативных чувств как через форму (ссора, крик, визг), так и через содержание словесных ответов (угроза, проклятия, ругань). Проявление и той и другой предполагает причинение вреда или нанесение ущерба другим людям и представляет инструментальный или моторный компонент поведения. Гнев, который включает физиологическое возбуждение и готовность к агрессии, вспыльчивость, резкость, грубость при малейшем раздражении и представляет

эмоциональный или аффективный компонент поведения. И, наконец, враждебность, в основе которой лежат чувства обиды, зависти, неприязни и ненависти к окружающим и ощущение несправедливости, обусловленные злостью на весь мир за действительные или мнимые страдания, а также подозрительность – недоверие и осторожность по отношению к людям, основанные на убеждении, что окружающие намерены причинить вред. Враждебность представляет когнитивный компонент поведения. Это разделение поведения на инструментальную, эмоциональную и когнитивную сферы не является новым для психологии, но впервые используется для описания агрессивности.

В небольшом количестве исследований отмечается, что преступники имеют более высокие показатели агрессивности, чем лица, не совершавшие противоправных действий. Вместе с тем отмечается и то, что преступники различаются по показателям агрессивности в зависимости от возраста и состава совершенного преступления.

Возраст значимо влияет на показатели физической агрессивности, гнева и враждебности. Пол не влияет ни на один из показателей агрессивности преступников. У преступников со стажем только показатели гнева значимо выше у женщин, чем у мужчин, а у молодых преступников половых различий в показателях агрессивности выявлено не было [2].

В исследованиях Дж. Ганна и Л. Гриввуда обнаружено, что у преступников, осужденных за насильственные преступления, более высокие показатели агрессии, чем у совершивших ненасильственные [3]. Дж. Арчер и А. Хейг определили, что преступники, осужденные за насильственные преступления, имели более высокие показатели физической агрессивности и гнева, чем совершившие ненасильственные правонарушения [2].

В исследовании П. Смита и М. Уотермана показатели агрессивности изучались на шести группах преступников, совершивших насильственные преступления (грабеж), кражи, сексуальные преступления, преступления,

связанные с наркотиками, угоном автомобиля и другие [4]. В результате были получены данные, проиллюстрированные в таблице 1.

Таблица 1

Показатели агрессивности у преступников различных категорий

Измерение	Мужчины		Женщины	
	Насиль- ственные преступ- ления (n=57)	Ненасиль- ственные преступ- ления (n=58)	Насиль- ственные преступле- ния (n=66)	Ненасиль- ственные преступле- ния (n=67)
Физическая агрессивность	30.6± 7.9	26.0± 8.3	29.9± 8.5	23.8± 8.5
Вербальная агрессивность	17.1± 4.3	15.2 ± 4.0	16.5 ± 4.3	14.6 ± 4.1
Гнев	22.8± 5.4	18.8 ± 6.2	21.3 ± 6.1	18.3 ± 5.6
Враждебность	24.5± 6.2	23.3 ± 6.2	24.7 ± 6.3	21.2 ± 6.4
Общий индекс агрессивности	95.0± 19.5	83.2 ± 20.4	92.3 ± 21.9	77.9 ± 19.5

Как и предполагали авторы в начале указанного исследования, преступники, совершившие насильственные преступления, имели значительно более высокие показатели по всем подшкалам (физическая агрессивность, вербальная агрессивность, гнев и враждебность). Анализ литературы показал, что подобных исследований среди осужденных в Республике Беларусь не проводилось. Вместе с тем, не последнее место Беларуси в рейтинге «криминогенных» стран показывает, что такие исследования необходимы не только для разработки социальных и психологических мероприятий снижения уровня рецидивной преступности, ее профилактики, но и для реабилитации бывших осужденных.

В исследовании использовалась русскоязычная версия разработанного А. Бассом и М. Перри [5] опросника агрессивности, адаптированная и валидизированная И.А. Фурмановым [6]. Предназначается для определения

общего уровня агрессивности. Состоит из 29 суждений, которые разбиты на четыре подшкалы: физическая агрессивность (9 пунктов), вербальная агрессивность (5 пунктов), гнев (7 пунктов), враждебность (8 пунктов). Оценка утверждений опросника производилась по семибалльной шкале от 1 – абсолютно не характерно для меня до 7 – абсолютно характерно для меня.

Исследование проводилось среди осужденных мужчин ряда исправительных учреждений РБ, которые были разбиты на 4 когорты в соответствии со статьей отбывания наказания:

- **Убийство** (n= 60). *Статья 139.* Умышленное противоправное лишение жизни другого человека (убийство).

- **Насильственные преступления** (n=35). *Статья 147.* Умышленное причинение тяжкого телесного повреждения, то есть повреждения, опасного для жизни, либо повлекшего за собой потерю зрения, речи, слуха, какого-либо органа или утрату органом его функций, прерывание беременности, психическую болезнь, иное расстройство здоровья, соединенное со стойкой утратой общей трудоспособности не менее чем на одну треть, либо вызвавшее расстройство здоровья, связанное с травмой костей скелета, на срок свыше четырех месяцев, либо выразившееся в неизгладимом обезображении лица или шеи, совершенное в отношении взрослого, лица, заведомо малолетнего, престарелого или находящегося в беспомощном состоянии или способом, носящим характер мучения или истязания. *Статья 207.* Разбой с применением насилия, опасного для жизни или здоровья потерпевшего, либо угроза применения такого насилия с целью непосредственного завладения имуществом (разбой).

- **Насильственные преступления сексуального характера** (n= 65). *Статья 166.* Изнасилование – половое сношение вопреки воле потерпевшей с применением насилия или с угрозой его применения к женщине или ее близким либо с использованием беспомощного состояния потерпевшей лично либо группой лиц, либо лицом, ранее совершившим подобного рода преступления, а также изнасилование заведомо малолетней или изнасилование, повлекшее по

неосторожности смерть потерпевшей, либо причинение тяжких телесных повреждений, либо заражение ВИЧ-инфекцией, либо иные тяжкие последствия. *Статья 167.* Насильственные действия сексуального характера – мужеложство, лесбиянство или иные действия сексуального характера, совершенные вопреки воле потерпевшего (потерпевшей) с применением насилия или с угрозой его применения либо с использованием беспомощного состояния потерпевшего (потерпевшей), а также те же действия, совершенные повторно, либо лицом, ранее совершившим изнасилование, либо группой лиц, либо в отношении заведомо несовершеннолетнего (несовершеннолетней) или совершенные в отношении заведомо малолетнего (малолетней), либо повлекшие по неосторожности смерть потерпевшего (потерпевшей), либо причинение тяжких телесных повреждений, либо заражение ВИЧ-инфекцией, либо иные тяжкие последствия.

• **Ненасильственные преступления** (n=95). *Статья 205.* Кража – тайное похищение имущества либо совершенное повторно, либо группой лиц, либо с проникновением в жилище, либо совершенное в крупном размере, либо, совершенное организованной группой, либо в особо крупном размере. *Статья 209.* Мошенничество – завладение имуществом либо приобретение права на имущество путем обмана или злоупотребления доверием либо совершенное повторно, либо группой лиц.

Полученные данные обрабатывались с помощью статистического пакета SPSS 13.0 (рассчитывались средние и стандартное отклонение, сравнение выборок осуществлялось с помощью расчета Т–критерия Стьюдента, а также анализ оценок суждений опросника методом максимального правдоподобия с Varimax–вращением).

Проведенное исследование позволило определить различия в показателях агрессивности как личностной черты у осужденных за разного рода преступления, отличающиеся степенью насильственности действий.

Сравнительный анализ данных полученных в британском и белорусском исследованиях позволил установить, что вне зависимости от тяжести

совершенного преступления белорусские осужденные имеют существенно более высокие показатели общего индекса агрессивности как личностной черты (рис. 1). Особенно отчетливо эти различия заметны по категории «насильственные преступления».

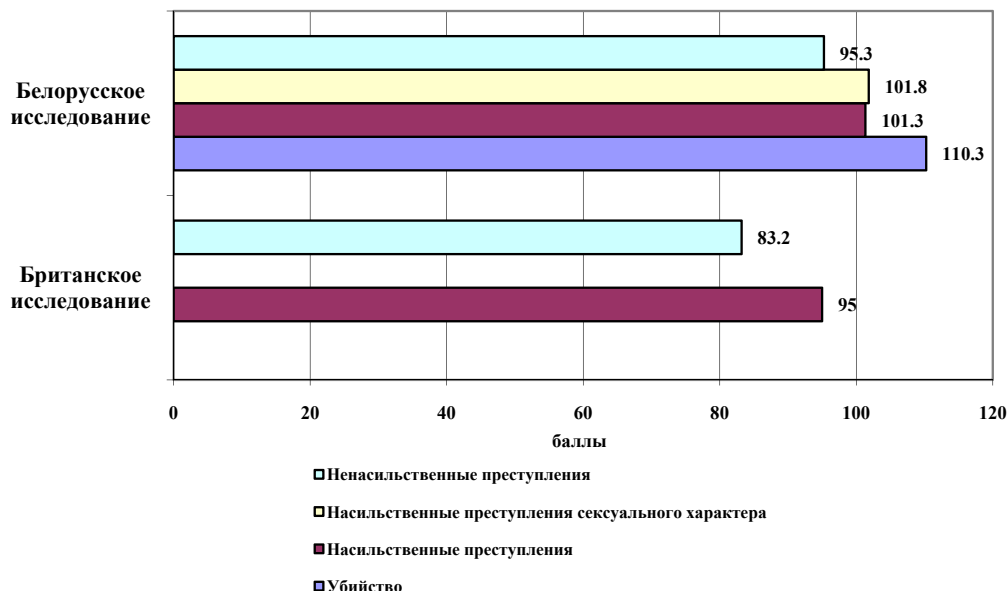

Рис. 1. Сравнение общих индексов агрессивности преступников в британском и белорусском исследованиях

Анализ суммарных показателей по субчертам агрессивности позволил сравнить различные когорты белорусских преступников (рис. 2).

Физическая агрессивность. Было установлено, что у преступников, совершивших убийство, показатели физической агрессивности значимо выше, чем у осужденных за другие насильственные преступления ($p=0.05$), насильственные преступления сексуального характера ($p=0.034$) и ненасильственные преступления ($p=0.001$). Достоверных различий между другими когортами преступников обнаружено не было.

Вербальная агрессивность. Показатели вербальной агрессивности у преступников, совершивших убийство, значимо выше чем у осужденных за другие насильственные преступления ($p=0.025$), насильственные преступления сексуального характера ($p=0.031$) и ненасильственные преступления ($p=0.009$). Достоверных различий по этому показателю между другими когортами преступников обнаружено не было.

Гнев. Статистически значимых различий по этому показателю между всеми когортами преступников обнаружено не было.

Враждебность. Достоверных различий по этому показателю между изучаемыми когортами преступников также обнаружено не было.

Полученные данные позволяют выдвинуть предположение, что чрезмерно выраженная склонность использовать физическую силу против других людей может мотивировать к совершению убийства, но не всегда к совершению других насильственных и особенно ненасильственных преступлений.

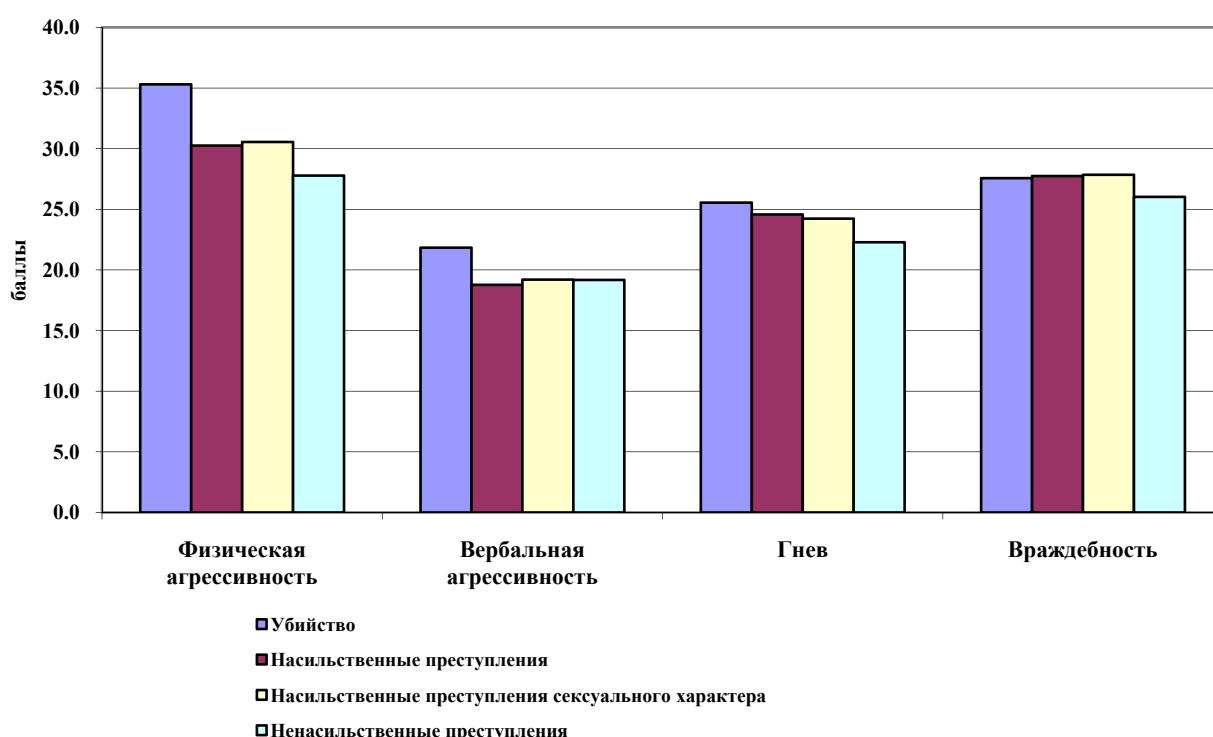

Рис. 2. Абсолютные показатели агрессивности

Выдвинутое предположение частично подтверждается результатами анализа относительных показателей субчерт агрессивности у различных когорт преступников. Так в структуре агрессивности показатели вербальной агрессивности статистически значимо выше других показателей субчерт у осужденных, совершивших убийство, насильственные преступления сексуального характера и ненасильственные преступления. У осужденных, совершивших насильственные преступления, значимого доминирования показателей вербальной агрессивности не обнаружено (рис. 3).

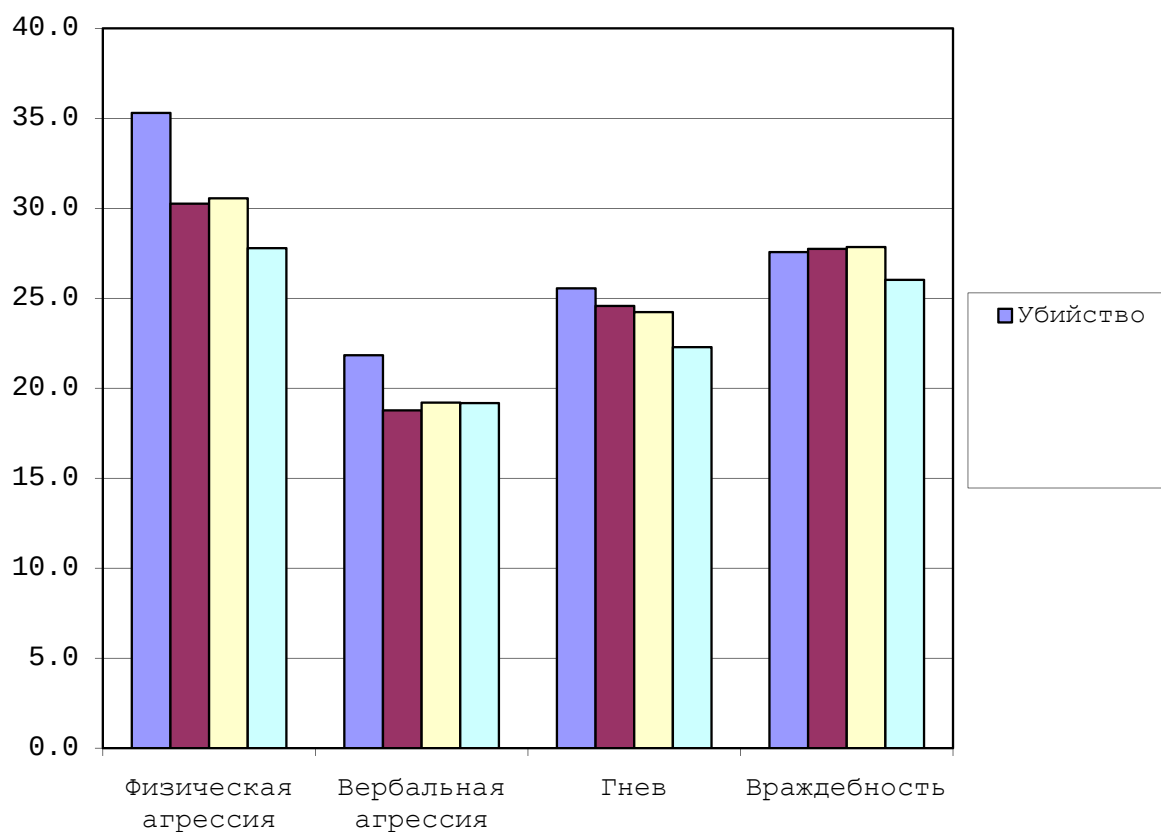
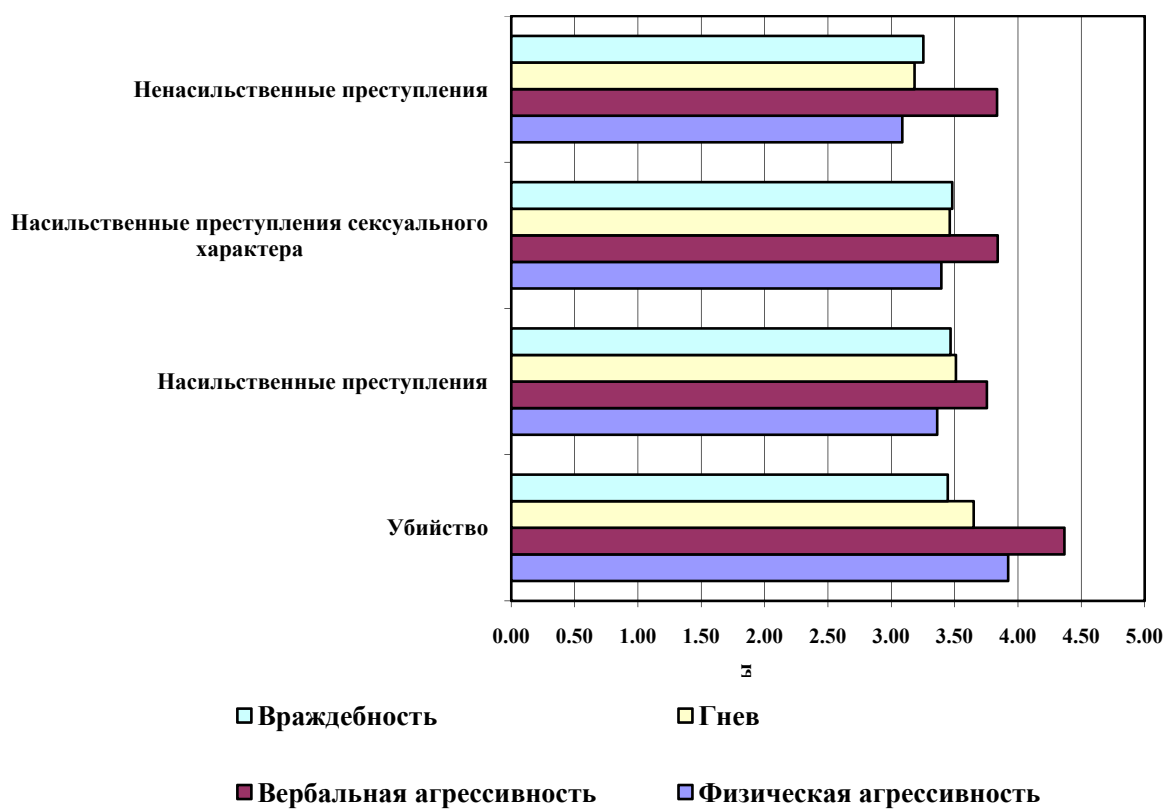

Рис.3. Относительные показатели агрессивности.

Кроме того, было установлено, что у преступников, совершивших убийство, показатели физической агрессивности существенно выше показателей других субчерт. Во всех других когортах преступников значимых различий между показателями физической агрессивности, гнева и враждебности не обнаружено.

Вероятно, в личностной детерминации совершения преступления важным является не столько преобладание тех или иных субчерт агрессивности, сколько их взаимосвязанное влияние на поведение преступника. Анализ корреляций между структурными элементами агрессивности у разных когорт преступников позволил установить, что все они положительно и значимо связаны друг с другом. Однако сила этих связей в зависимости от состава преступлений различна. Проанализировав значительные и сильные связи, было установлено следующее:

- у преступников, совершивших убийство, показатели физической и вербальной агрессивности взаимосвязаны друг с другом ($r=0.623$, $p=0.001$) и с показателями враждебности (соответственно, $r=0.618$, $p=0.001$; $r=0.625$, $p=0.001$);

- у преступников, совершивших насильственные преступления, показатели физической агрессивности взаимосвязаны с показателями гнева и враждебности (соответственно, $r=0.773$, $p=0.001$; $r=0.584$, $p=0.001$), вербальной агрессивности с враждебностью ($r=0.593$, $p=0.001$), гнева и враждебности ($r=0.584$, $p=0.001$);

- у преступников, совершивших насильственные преступления сексуального характера, показатели физической агрессивности взаимосвязаны с показателями гнева ($r=0.623$, $p=0.001$), а вербальной агрессивности с враждебностью ($r=0.529$, $p=0.001$);

- у преступников, совершивших ненасильственные преступления, показатели физической агрессивности взаимосвязаны с показателями гнева и враждебности (соответственно $r=0.628$, $p=0.001$; $r=0.512$, $p=0.001$), гнева и враждебности ($r=0.631$, $p=0.001$).

Представленные данные показывают, что насильственная направленность преступлений в большей степени обуславливается взаимосвязью физической агрессивности, гнева и враждебности при посредничестве склонности к вербальной агрессии. Этот тезис подтверждается сильными коэффициентами корреляции общего индекса агрессивности с показателями физической агрессивности, гнева и враждебности у осужденных, совершивших убийство (соответственно, $r=0.810$, $r=0.734$, $r=0.761$), насильственные преступления (соответственно, $r=0.862$, $r=0.842$, $r=0.840$) и насильственные преступления сексуального характера (соответственно, $r=0.780$, $r=0.762$, $r=0.765$), а также общего индекса агрессивности с показателями гнева и враждебности у осужденных, совершивших ненасильственные преступления (соответственно, $r=0.846$, $r=0.840$).

Результаты корреляционного анализа представляют определенную информацию о взаимосвязях среди подчерт. Не вызывает удивления связь физической и вербальной агрессивности, которая определяет инструментальное поведение преступников. Существенным является факт корреляции гнева с другими тремя подчертами. Как уже отмечалось, гнев выполняет своеобразную роль психологического мостика между инструментальными и когнитивным компонентами. Несмотря на то, что гнев часто выступает предшественником агрессии и повышает готовность к ней [6; 7], нельзя только по его высоким показателям утверждать, что агрессия неминуемо возникнет. Однако связь гнева с физической и вербальной агрессивностью делает проявление агрессии в поведении более вероятным. Кроме того, гнев, является еще и состоянием высокого возбуждения, которое может уменьшаться с течением времени. И здесь важной представляется связь между гневом и враждебностью. По-видимому, после того, как интенсивность гнева снизилась, мотиватором агрессии может стать «остаточный» когнитивный компонент, включающий в себя неприязнь, негодование, и подозрительность.

Обращают на себя внимание некоторые исследования, которые рассматривают гнев как один из модераторов преступного поведения.

В исследованиях М.Т. Бэйкера и коллег [8] отмечается, что, когда уровни гнева высоки, это может стать неадекватным и вызвать агрессивное поведение, которое является несоответствующим ситуации. Гнев также связан с различными формами негативного поведения, включая нападения, межличностный конфликт и причинение материального ущерба. Подтверждение взаимосвязи между гневом и негативным поведением было получено и в исследованиях преступников. Как показали эти исследования, высокий уровень гнева до совершения преступления отличал «насильников» от других преступников, и, кроме того, гнев был связан с рецидивизмом среди сексуальных преступников [9]. Вместе с тем дальнейшие исследования показали, что гнев только один из многих признаков личности, которые определяют насильственную направленность преступления [10].

Детальный анализ суждений опросника позволил установить различия в установках осужденных, совершивших преступления различной насильственной тяжести (табл. 2).

Установлено, что наиболее сильной установкой, которая отличает преступников–убийц от других осужденных, является убеждение, что «люди, которые задираются и пристают ко мне, напрашиваются на драку». Не меньшей силой обладает и установка «когда человек меня раздражает, я готов сказать ему все, что о нем думаю». Такая высокая готовность к агрессии может косвенно свидетельствовать о наличии у преступников–убийц пониженного порога восприятия агрессии и модели «оборонительного поведения», т.е. постоянного обостренного ощущения угрозы и склонности реагировать агрессивно на любые стимулы [6]. Вероятно, следствием этого является и повышенная их подозрительность и мнительность по сравнению с осужденными за ненасильственные преступления, которая проявляется в убеждении, что «люди за моей спиной смеются надо мной».

Кроме того, убийц и осужденных за сексуальные и ненасильственные преступления отличает эмоциональная неуравновешенность, они легко раздражаются, но быстро успокаиваются. С одной стороны, это может

свидетельствовать о склонности к аффективному реагированию состоянии гнева. С другой стороны, что требует дополнительной проверки – о самообладании и способности к саморегуляции своего эмоционального состояния.

Таблица 2

Сравнительный анализ агрессивных суждений осужденных с различным составом совершенного преступления

№ воп- роса	Утверждения опросника	Показатель уровня значимости					
		1-2	1-3	1-4	2-3	2-4	3-4
1.	Временами я не могу справиться с желанием причинить вред другому	0.490	0.228	0.094	0.730	0.515	0.759
2.	Если я разозлюсь, то могу ударить кого-нибудь	0.495	0.485	0.173	0.959	0.673	0.572
3.	Если кто-то меня ударит, я дам сдачи	0.006	0.119	0.017	0.168	0.341	0.500
4.	Я дерусь чаще, чем другие	0.724	0.874	0.068	0.624	0.259	0.041
5.	Если для защиты своих прав мне необходимо применить физическую силу, я применю ее	0.165	0.006	0.030	0.359	0.743	0.411

6.	Люди, которые задираются и пристают ко мне, напрашиваются на драку	0.048	0.004	0.001	0.598	0.174	0.339
7.	Я считаю, что бить человека нельзя ни при каких условиях *	0.598	0.381	0.170	0.846	0.563	0.629
8.	Бывало, что я угрожал людям, которых я знаю	0.037	0.437	0.001	0.174	0.638	0.016
9.	Я иногда настолько сильно раздражаюсь, что бросаюсь предметами	0.853	0.439	0.084	0.402	0.095	0.403
10.	Когда я в чем-то не согласен с моими друзьями, я говорю об этом открыто	0.055	0.531	0.299	0.188	0.287	0.705
11.	Я часто бываю не согласен с людьми	0.222	0.369	0.143	0.681	0.936	0.652
12.	Когда человек меня раздражает, я готов сказать ему все, что о нем думаю	0.024	0.026	0.093	0.736	0.301	0.423

13.	Я не могу удержаться от спора, если люди не согласны со мной	0.275	0.227	0.086	0.967	0.827	0.750
14.	Мои друзья называют меня спорщиком	0.851	0.108	0.107	0.218	0.235	0.846
15.	Я легко раздражаюсь, но быстро успокаиваюсь	0.005	0.435	0.692	0.034	0.007	0.634
16.	Когда я недоволен кем-то или чем-то, я не скрываю своего раздражения	0.966	0.599	0.572	0.690	0.675	0.999
17.	Я часто чувствую себя пороховой бочкой, готовой взорваться	0.327	0.935	0.382	0.319	0.082	0.443
18.	Я - уравновешенный человек*	0.514	0.802	0.240	0.684	0.115	0.159
19.	Некоторые мои друзей считают, что я – горячая голова.	0.554	0.258	0.087	0.406	0.066	0.289

20.	Иногда я выхожу из себя без всякой причины	0.966	0.777	0.120	0.774	0.155	0.237
21.	Когда я злюсь, мне трудно контролировать свое поведение	0.138	0.069	0.488	0.877	0.372	0.210
22.	Иногда у меня появляется чувство ревности	0.615	0.050	0.050	0.289	0.287	0.868
23.	Временами я чувствую, что жизнь обошлась со мной несправедливо	0.096	0.646	0.240	0.219	0.412	0.513
24.	Часто другие люди кажутся мне слишком враждебными	0.807	0.758	0.395	0.630	0.342	0.626
25.	Иногда мне не понятно, почему некоторые вещи меня так разочаровывают и злят	0.482	0.737	0.849	0.692	0.357	0.571
26.	Я знаю, что «мои друзья» злословят обо мне за моей спиной	0.373	0.748	0.299	0.591	0.066	0.176

27.	Я с подозрением отношусь к чрезмерно дружественно настроенным ко мне незнакомцам	0.710	0.705	0.801	0.504	0.553	0.867
28.	Иногда мне кажется, что люди за моей спиной смеются надо мной	0.630	0.091	0.002	0.337	0.032	0.219
29.	Когда люди слишком дружелюбны, я настораживаюсь и задумываюсь, чего они от меня хотят	0.470	0.772	0.870	0.654	0.535	0.876

Прим.

1 – убийство,

2 – насильственные преступления,

3 – насильственные преступления сексуального характера,

4 – ненасильственные преступления.

«*» – вопрос с аверсивным счетом

Значимой отличительной чертой личности осужденных за сексуальные и ненасильственные преступления является ревность. По мнению Э. Фромма ревность является специфическим видом фрустрации [11]. С одной стороны, основу ревности может составлять конфликт обладания, когда один человек владеет чем-то таким, что хотел бы иметь другой. Или, в другом случае – межличностный конфликт, яркой иллюстрацией которого является «любовный треугольник». И в том, и в другом случае у человека может возникнуть ненависть и враждебность по отношению к другому человеку, который имеет

то, что хотел бы, но не может получить первый. Ревность может обостряться еще и тем, что он не только не получает желаемого, но при этом осознает, что кто-то другой пользуется этим вместо него [6].

Вместе с тем, для осужденных за ненасильственные преступления в меньшей степени характерны такие черты как драчливость и запугивание окружающих.

Полученные данные подтверждаются результатами факторного анализа оценок суждений опросника (табл. 3). Они свидетельствуют о том, что отличительной особенностью преступников–убийц являются физическая и вербальная агрессивность в сочетании с враждебностью; осужденных, совершивших насильственные преступления – физическая агрессивность в сочетании с низким контролем гнева; осужденных, совершивших сексуальные преступления – физическая агрессивность в сочетании с чрезмерной возбудимостью; осужденных за ненасильственные преступления – враждебность.

Таким образом, проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

1. У преступников, совершивших убийство, показатели физической и вербальной агрессивности значимо выше, чем у осужденных за другие насильственные преступления, насильственные преступления сексуального характера и ненасильственные преступления. Достоверных различий по этим показателям между другими когортами преступников обнаружено не было.

2. По показателям гнева и враждебности статистически значимых различий между всеми когортами преступников обнаружено не было.

3. В структуре агрессивности показатели вербальной агрессивности статистически значимо выше других показателей субчерт у осужденных, совершивших убийство, насильственные преступления сексуального характера и ненасильственные преступления.

4. У преступников, совершивших убийство, показатели физической агрессивности существенно выше показателей других субчерт. Во всех других

когортах преступников значимых различий между показателями физической агрессивности, гнева и враждебности не обнаружено.

Таблица 3

**Значения нагрузок суждений первого фактора у осужденных
с различным составом совершенного преступления**

№ вопроса	Утверждения опросника	Факторные нагрузки			
		1	2	3	4
1.	Временами я не могу справиться с желанием причинить вред другому	0.651		0.539	
2.	Если я разозлюсь, то могу ударить кого–нибудь	0.490		0.671	
4.	Я дерусь чаще, чем другие	0.534		0.395	
6.	Люди, которые задираются и пристают ко мне, напрашиваются на драку		0.566		
7.	Я считаю, что бить человека нельзя ни при каких условиях *	0.413	0.523		
8.	Бывало, что я угрожал людям, которых я знаю	0.485	0.774	0.595	0,433
9.	Я иногда настолько сильно раздражаюсь, что бросаюсь предметами	0.444	0.527	0.476	
11.	Я часто бываю не согласен с людьми				0,475
13.	Я не могу удержаться от спора, если люди не согласны со мной	0.672			0,355
14.	Мои друзья называют меня спорщиком	0.846			
16.	Когда я недоволен кем-то или чем-то, я не скрываю своего раздражения			0.462	
17.	Я часто чувствую себя пороховой бочкой, готовой взорваться	0.433	0.584	0.819	

19.	Некоторые мои друзей считают, что я – горячая голова.		0.573	0.602	
20.	Иногда я выхожу из себя без всякой причины		0.724		0,417
21.	Когда я злюсь, мне трудно контролировать свое поведение		0.862	0.485	
22.	Иногда у меня появляется чувство ревности				0,359
23.	Временами я чувствую, что жизнь обошлась со мной несправедливо				0,336
24.	Часто другие люди кажутся мне слишком враждебными				0,537
26.	Я знаю, что "мои друзья" злословят обо мне за моей спиной	0.391			0,770
27.	Я с подозрением отношусь к чрезмерно дружелюбно настроенным ко мне незнакомцам	0.458			
28.	Иногда мне кажется, что люди за моей спиной смеются надо мной	0.635			0,811
29.	Когда люди слишком дружелюбны, я настораживаюсь и задумываюсь, чего они от меня хотят	0.697	0.607		
% от общей дисперсии		17,68	16.40	13.09	11.53

Прим.

1– убийство, 2– насильственные преступления, 3– насильственные преступления сексуального характера, 4– ненасильственные преступления.

«*» – вопрос с аверсивным счетом

5. Насильственная направленность преступлений в большей степени обуславливается взаимосвязью физической агрессивности, гнева и враждебности при посредничестве склонности к вербальной агрессии.

6. Преступников–убийц от других осужденных отличают физическая и вербальная агрессивность в сочетании с враждебностью, эмоциональная неуравновешенность, пониженный порог восприятия агрессии и модель «оборонительного поведения».

7. Осужденных, совершивших насильственные преступления, отличает физическая агрессивность в сочетании с низким контролем гнева и эмоциональной неуравновешенностью; осужденных, совершивших сексуальные преступления – физическая агрессивность в сочетании с чрезмерной возбудимостью и эмоциональной неуравновешенностью; осужденных за ненасильственные преступления – враждебность, мотивируемая ревностью.

Литература

1. Buss A. H., Perry M. The Aggression Questionnaire // Journ. of Personality and Social Psychology. 1992. Vol. 63. № 3.
2. Archer J., Haigh A. Beliefs about aggression among male and female prisoners // Aggressive Behavior. 1997. № 23.
3. Gunn J., Gristwood L. Use of the Buss-Durkee Hostility Inventory among British prisoners // Journ. of Consulting and Clinical Psychology. 1975. № 43.
4. Smith P., Waterman M. Levels of aggression and impulsivity in prisoners using self-report questionnaires // The bulletin of the international society for research on aggression. 2004. Vol. 26. № 2.
5. Buss A. H., Durkee A. An inventory for assessing different kinds of hostility // Journ. of Consulting Psychology. 1957. № 21.
6. Фурманов И.А. Агрессия и насилие: диагностика, профилактика и коррекция. СПб., 2007.
7. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб., 2001.

8. Baker M. T., Van Hasselt V. B., Sellers A. H. Validation of the Novaco Anger Scale in an Incarcerated Offender Population // Criminal Justice and Behavior. 2008. Vol. 35.
9. Mills J. F., Kroner D. G. Anger as a Predictor of Institutional Misconduct and Recidivism in a Sample of Violent Offenders // Journ. of Interpersonal Violence. 2003. Vol. 18.
10. Loza W., Loza-Fanous A. Anger and prediction of violent and nonviolent offenders' recidivism // Journ. of Interpersonal Violence. 1999. №14.
11. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994.

Шатило В.А.

доцент кафедры права факультета экономики и права Киевского национального лингвистического университета, кандидат юридических наук, доцент

ВЗГЛЯДЫ НА ПРИРОДУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ НЕКОТОРЫМИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ ПРАВА

Общеизвестно, что власть как природное и социальное явление требует глубокого научного анализа. К теме о государственной власти, к знаниям о государственной власти веками обращалось множество мыслителей, властителей, учёных, простых людей. В данных тезисах наше внимание будет сосредоточено на взглядах некоторых представителей психологической теории права на природу государственной власти.

Известно, что основоположником психологической теории права выступил Л.И. Петражицкий (1867-1931). Хотя следует признать, что на психологическую природу права обращали внимание и до Л.И. Петражицкого, например, такие авторы, как Г. Еллинек (1851-1911), Н.М. Коркунов (1853-1904), К.Д. Кавелин (1818-1885) и Э. Бирлинг (1841-1899). Однако лишь в учении Л.И. Петражицкого понимание права в качестве психологической реальности приобретает полноту и логическую завершённость. Также

Л.И. Петражицкий заложил фундамент социологии права, которая, в свою очередь, стала лидирующей школой в мировой науке права и социологии, а её представители являлись ведущими социологами США и Франции (Г.Д. Гурвич, П.А. Сорокин, Н.С. Тимашев).

Итак, влияние психологической теории права заметно в социально-психологическом учении старшего современника Л.И. Петражицкого, профессора Казанского университета В.В. Ивановского (1854-1926). Государство, государственная власть и право, отмечал этот учёный, – явления социальные и имеющие психологическую природу, «представляя собою определённый вид человеческих отношений, характеризующихся психической связью и психическими взаимовлияниями» [1].

На основе методологии психологической теории права другой русский юрист К.Н. Соколов (1882-1927) создал теорию парламентаризма. Соколов писал: «Правильная юридическая конструкция парламентаризма оказывается в конце концов достижимой на почве психологической теории права...» [2].

В произведениях П.И. Люблинского (1882-1938) мы также находим заметное влияние учения Л.И. Петражицкого. В докладе «Теория публичного строя» П.И. Люблинский определил государство как форму общения, характеризующуюся централизацией властвования. Власть же, с его точки зрения, - это возможность изменять поведение людей в различных областях деятельности. На основе такого определения государства и власти П.И. Люблинский пытался создать теорию правового государства [3].

Наибольшую известность среди сторонников исторического материализма, предпринявших попытку творческого синтеза марксизма и учения Л.И. Петражицкого в науке права получил М.А. Рейснер (1868-1928). В 1911-1912 годах М.А. Рейснер публикует двухтомный результат своего исследования идеологической природы государства и права под названием «Государство». В этой фундаментальной работе М.А. Рейснер довольно успешно и последовательно применил психологический метод к учению о государстве. Он заявил о необходимости изучать государство «только как

социально-психологическое явление, как идеологию и организованное при его содействии массовое поведение людей» [4].

Также к числу учеников Л.И. Петражицкого, которые в своей научной и практической деятельности придерживались психологической теории права в контексте взаимосвязи государства и власти следует вспомнить В.С. Войтинского (1885-1960), А.Ф. Керенского (1881-1970), Я.М. Магазинера (1882-1961) и др.

Таким образом, учения представителей психологической теории права сыграло огромную роль в развитии правовой науки в целом и науки конституционного права в частности. Они продолжают оставаться одними из наиболее плодотворных методов анализа не только правовых, но и экономических, политических и других социальных явлений.

Также следует сказать о том, что ещё одним важным достижением психологической школы Петражицкого, которое, к сожалению, до сих пор не получило практической реализации и по-прежнему ждёт своего часа, стало создание теоретических основ политики права.

Литература

1. Ивановский В.В. О государстве, власти и праве с социолого-психологической точки зрения // Журнал Министерства юстиции. – Год двадцать второй. – №3, Март 1916. – Петроград: Сенатская типография, 1916. – С.27.; Ивановский В.В. О государстве, власти и праве с социолого-психологической точки зрения (Окончание) // Журнал Министерства юстиции. – Год двадцать второй. – №4, Апрель 1916. – Петроград: Сенатская типография, 1916. – С.95.
2. Соколов К.Н. Теория парламентаризма (речь перед диспутом в Спб. Университете) // Право. Еженедельная юридическая газета. – 1913. – №6. – Воскресенье 10 Февраля. – С.324.
3. Шульговский Н.Н. Кругок философии права профессора Л.И. Петражицкого при СПб Университете за десять лет существования. – СПб, 1910. – С.31-32.

4. Рейснер М.А. Государство. Ч.1. Культурно-исторические основы. – Спб., 1911. – С.18.

Яковенко С.И.

проректор Киевского института современной психологии и психотерапии, доктор психологических наук, профессор.

ДОСТОВЕРНОСТЬ ИНФОРМАЦИИ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

В структуре личности доминирующими становятся те черты, которые наиболее полезны для адаптации в конкретных социокультурных условиях, воспринимаемые окружающими как должное. К их числу в наше время не относятся не искренность, не открытость, не доброжелательность. Правдолюбие не поощряется, ложь не осуждается, нормой становится неправдивость. которая формируется под влиянием ближайшего социального окружения (родственников, друзей, школьного окружения) и совершенствуется благодаря семейной жизни и влиянию СМИ.

Термины *фейк* (от англ. *Fake*, произносится как «фэйк» и означает «поддельный, фальшивый»), *мем* (от англ. *теме*, известный как медиа-вирус¹ – идея, образ или любой другой объект нематериального мира, который передаётся от человека к человеку вербально или не вербально, через Интернет или как угодно ещё, воспринимается как нечто безусловно правильное, не требующее доказательства), кажутся чем-то новым, хотя используются уже давно для манипулирования индивидуальным и массовым сознанием [4].

Людей мало интересует истина, а правдой считается то, с чем согласно большинство. Люди мало заботятся о точности собственных высказываний и не проверяют достоверность информационных сообщений; если слухи яркие и правдоподобные, их охотно передают – как вирусную рекламу (кроме редких случаев, когда приходится принимать действительно важные решения).

¹ Ричард Докинз, Бог как иллюзия. – СПб, «Азбука», 2013, С. 252.

Слово «information» в английском языке употребляется с XIV века. С середины XX века термин «информация» становится общенаучным понятием, но общепринятого определения этого термина до сих пор не существует. В этой публикации мы опираемся на определение, изложенное в Законе Украины «Об информации»: «Информация – любые сведения и / или данные, которые могут быть сохранены на материальных носителях или отражены в электронном виде» [1].

Информация считается значимой, если без ее учета невозможно принимать правильные решения. Она должна быть достоверной, поступать своевременно полученной, точной, необходимой и достаточной для принятия взвешенных решений, полной, но не избыточной. Недостаток информации или перегрузка малозначимыми сведениями, ее умышленное искажение или не оперативное поступление может иметь негативные последствия.

Информация может быть использована во вред лицу или государству, поэтому ее необходимо правильно хранить и оберегать от разглашения, особенно когда речь идет об информации ограниченного доступа: конфиденциальной, предназначенной для служебного использования, секретной. Согласно ст. 6 Закона Украины «Об информации», право на информацию может быть ограничено законом [2].

Для успешного противодействия преступности чрезвычайно важное значение имеет оперативно-розыскная деятельность, главной целью которой является, согласно ст. 1 Закона Украины «Об оперативно-розыскной деятельности», «... получение информации в интересах безопасности граждан, общества и государства». Некоторые ученые отмечают, что речь идет не просто об информации, а информацию, которая сознательно скрывается [4], хотя это не всегда так (человек может случайно стать носителем оперативно важной информации но не осознавать этого).

Понятие о значимости информации является субъективным. Выявление только самого факта умалчивания или дезинформации может способствовать пониманию того, что именно пытаются скрыть от заинтересованной стороны.

То, что было не значимым ранее, в дальнейшем может приобрести большое значение, как «вновь открывшиеся обстоятельства». К содержанию понятия оперативно-розыскной информации отнесены сведения о задуманных, готовящихся или совершенных преступлениях, о лицах, представляющих оперативный интерес, а также о причинах и условиях, способствующих совершению преступлений.

Е.Д. Коваленко [6] предлагает всю оперативно-розыскную информацию делить на три вида по источнику происхождения: а) гласную, то есть полученную из источников, с помощью гласных оперативно-розыскных мероприятий, которая будет называться – оперативно-розыскная информация; б) негласную, то есть полученную оперативными подразделениями с помощью негласных оперативно-розыскных мероприятий - оперативно-разведывательная информация; в) оперативно-технической информации, которая получена с помощью технических средств при проведении оперативно-розыскных мероприятий и негласных следственных действий.

Необходимость получать информацию, значимую для противодействия преступлениям, актуализирует вопрос выявления лиц, являющихся носителями соответствующей информации, заставляет работников оперативных подразделений вступать в контакт с представителями криминального мира, которые находятся на связи в качестве информаторов, доверенных лиц, агентов, собирать и сознательно предоставлять полезную информацию. Ее качество зависит от доступа информатора к важной информации, правильности, в частности готовности рисковать для получения информации и ее передачи работникам оперативных подразделений.

Важная информация может быть снята негласно, например, с каналов связи, прослушивания помещений с помощью специальных технических средств или получена от ее носителей при непосредственном контакте, когда удастся подслушать конфиденциальный разговор между преступниками, вывести ее от лица с помощью психологически обоснованных тактических приемов в специально созданных ситуациях общения, когда источник выдает

информацию не осторожно – в состоянии опьянения, демонстрируя свою информированность, ошибочно считая собеседника «своим» человеком. Для сотрудников правоохранительных органов важно умение добывать информацию и оценивать её достоверность логически и аудиовизуально.

Надежды, связанные с применением для этого полиграфа (детектора лжи / правды – используют оба определения) вызывает определенные сомнения в его надежности (при том, что сторонники этого метода говорят об уровне точности экспертной оценки около 97%). Можно ли этому верить? Вряд ли. Дело в том, что адаптационные способности живых существ, в том числе и людей, постоянно совершенствуются. Животные маскируются, охотники и военные – тоже. Люди научились врать, учатся этому с детства, прежде всего от родителей и родных. Врут политики, свидетели, СМИ. Детей учат не доверять незнакомцам, уклоняться от ответов на вопросы и говорить им неправду или не всю правду. Говорить правду трудно и не привычно (это стресс, который не редко регистрирует полиграф и не верно толкуют полиграфологи), её обычно заменяет полуправда, не совсем правда. Далеко не все хотят знать правду. Поиск истины – сложная задача даже для профессионалов, следователей, судей, о которых идет речь будет идти дальше.

Российский психолог В.В.Знаков анализирует различия понятий правды и истины в контексте ментальности россиян: «Истина это категория логики и теории познания, характеризующее соответствие наших знаний о мире самому миру. Правда – категория психологии взаимопонимания, которая отражает только соответствие знаний окружающей среде, но и степень адекватности наших оценок социальной действительности ... отношение человека к истинному знанию» [3]. Он также употребляет такое словосочетание, как «не истинная правда²» [5; 174-175], которую толкует как преступление. Теперь

² В скандально известной докторской диссертации министра культуры РФ В. Мединского отмечается, что «историческая правда – не та, что соответствует фактам, а та, что отвечает интересам государства».

в России суды решают, какая правда может быть вредной и как ее наказывать (как наказывали когда-то «за антисоветскую агитацию»).

В условиях информационной войны со стороны РФ и лжи в самой Украине, стоит напомнить, что формирование объективной, достоверной картины мира – задача самого человека. Верить или не верить, говорить правду, только правду и одну только правду, что-то скрывать или не договаривать, повторять за другими то, в чем не уверен или даже сознательно врать – каждый решает сам. Задача же психологии – дать объяснение феноменам правдивости, «множественности правд», самообмана и лжи, сомнения и доверия [7 – 9].

Тот, кто владеет информацией, владеет миром – говорил У.Черчилль. Тот, кто хочет познать истину, должен осознавать сложность этой задачи: никто просто так истину сообщать не будет, особенно в современном *дезинформационном* обществе. Придется «включать» собственное критическое мышление, жизненный опыт, проявлять волю, чтобы получить точную и достоверную информацию.

Литература

1. «Про інформацію» <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/2657-12>.
2. «Про державну таємницю» <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/3855-12>
3. Знаков В. В. Неправда, ложь и обман как проблемы психологии понимания // *Вопр. психол.* –1993. – № 2. – С.9 - 16.
4. Знаков В.В. Категории правды и лжи в русской духовной традиции и современной психологии понимания // *Вопр. психол.* –1994. – № 2. – С.55-63.
5. Знаков В.В. Психология понимания правды [Текст]/ В.В. Знаков. – СПб.: Алетейя, 1999. – 282 с.
6. Коваленко Е.Д. Використання оперативної інформації як підстави для застосування заходів процесуального примусу у кримінальному судочинстві : Автореф. дис. ...к.ю.н. – К.: КНУВС, 2007. – 24 с.
7. Почепцов Г. Г. Информация и дезинформация. – К.: Ника-Центр, Эльга, 2001. – 256 с.

8. Почепцов Г.Г. Сегодняшний мир столкнулся с новой технологией – «множественностью правд» // <http://nabat.in.ua/stat/georgij-pochepcov-segodnyashnij-mir-stolknulsya-s-novoj-texnologiej-mnozhestvennostyu-pravd/>

9. Соловей В. Абсолютное оружие. Основы психологической войны и медиаманипулирования [Текст] / Валерий Соловей. – М., 2016. – 250 с.

Янчук В.А.

декан факультета психологии Академии последипломного образования Республики Беларусь, доктор психологических наук, профессор

СОЦИОКУЛЬТУРНО-ИНТЕРДЕТЕРМИНИСТСКАЯ ДИАЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Формулируя перечень психологических проблем, определяющих основные направления совершенствования правоохранительной деятельности, с определенной долей условности, можно свести их следующим:

- рефлексия современного состояния психологического знания в области феноменологии правоохранительной деятельности;
- определение направлений, механизмов и средств углубления понимания качественной специфичности психологической феноменологии правоохранительной деятельности;
- нахождение метатеоретических оснований интеграции психологического знания в области феноменологии правоохранительной деятельности;
- диалогическая интердетерминация психологической феноменологии правоохранительной деятельности.

Обозначенный спектр психологических проблем правоохранительной деятельности требует серьезного переосмысления их методолого-теоретических оснований, определяющих отношение, прежде всего, к коррекционной работе с правонарушителями по их ресоциализации, трансформации в социально полезных членов общества. Причем, эта работа

предполагает выход за рамки традиционной персонцентрической ориентации, исходно предполагающей ориентацию на коррекцию личностных особенностей правонарушителя без учета средовых и активностных факторов, оказывающих не менее значимое влияние на осуществление профилактико-коррекционной деятельности. В этой связи полезно ознакомление с проблемным полем американской юридической психологии, представленное в фундаментальной аналитической статье R.K. Otto и K. Neilbrun [6]. Авторы отмечают резкое возрастание клинко-терапевтической помощи правонарушителям, предполагающую комплексную работу в био-психо-социальном измерениях. Это и работа с состоянием здоровья, психопатологиями, общекультурным развитием, правовой компетентностью и многим другим, в совокупности определяющим успешность социальной реабилитации и интеграции правонарушителей. По существу, речь идет о существенном расширении горизонтов видения правоохранительного поведения, выходящем далеко за рамки традиционной системы представлений, сформировавшихся в юридической психологии.

В обозначенном контексте представляется полезным использование возможностей развиваемого мною на протяжении ряда последних лет социокультурно-интердетерминистского диалогического метаподхода к анализу психологической феноменологии, артикулированного в рамках одноимённой метатеории интеграции психологического знания. В соответствии с предлагаемым подходом, разнокачественное, многомерное и мультипарадигмальное психологическое знание (в том числе и в отношении правоохранительной деятельности) может быть отображено в рамках следующих четырехмерных континуумов, каждый из компонентов которых находится в состоянии опосредованной культурой интердетерминации: биологическое ↔ психическое ↔ социальное ↔ культурно обусловленное; осознаваемое ↔ бессознательное ↔ экзистенциальное ↔ культурно-обусловленное; личность ↔ окружение ↔ активность ↔ культурно-обусловленное. Визуализация этих пространств представлена на рис. 1.

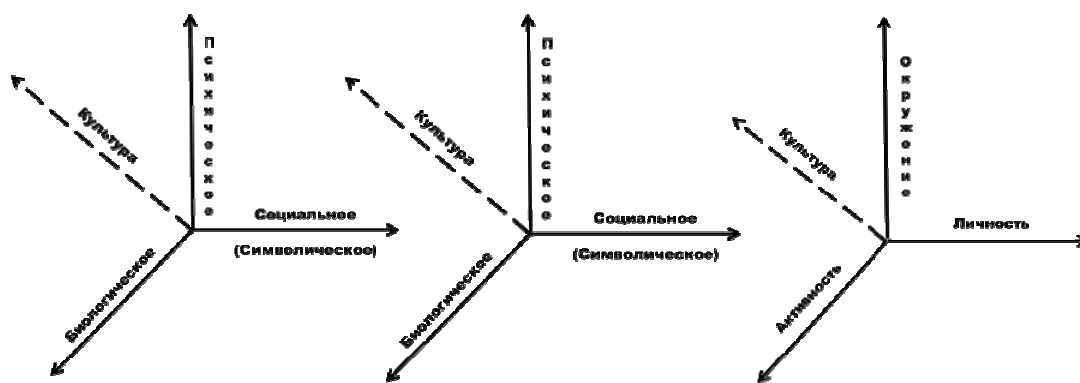

Рис. 1. Четырехмерные континуумы репрезентации разнокачественных природ (биологическое–психическое–социальное), сфер отражаемой реальности (осознаваемое–бессознательное–экзистенциальное) и областей исследований (личность–окружение–активность) психологической феноменологии в контексте их культурной обусловленности.

Применительно к психологической проблематике правоохранительной деятельности представленное поле континуумов конкретизируется в необходимости рассмотрения биологического – психического – социального аспектов правоохранительной деятельности в контексте их культурной обусловленности. Речь идет о том, что у правонарушителей формируется специфическая культура, определяющая своеобразие мировосприятия и мироотношения, которую необходимо учитывать в практике работы с правонарушителями. Точно также как надо учитывать и своеобразие биологического, связанного с образом жизни и условиями пребывания в местах ограничения свободы, формирующихся психических особенностей и социального окружения специфического характера. Это же касается лиц с наркотической зависимостью и других. По отношению к континууму культурно обусловленное – осознаваемое – бессознательное – экзистенциальное можно говорить все о том же культурном своеобразии и особенностях правосознания, бессознательных автоматизмах, нормах и ценностях и т.п. Наконец, это всегда экзистенциальные проблемы, связанные как с ограничением свободы, так и переживанием собственной ненужности социальному окружению. Континуум

культурно обусловленное – личность – окружение активность подразумевает не только формирование культуры просоциальности и коррекцию личностных свойств и качеств, но и формирование поддерживающей просоциальное поведение среды, вооружение активностями, способствующими этому процессу.

Особое значение в метатеории имеет вопрос взаимодействия выделенных измерений представленных континуумов. В отличие от традиционного однонаправленного воздействия того или иного фактора детерминистского толка, ситуация их взаимодействия рассматривается мною в контексте комплексного интердетерминационного взаимодействия био-психосоциального или природного, психического и социального. Подтверждением чему является подход «исторической экологии», развиваемый C.L. Crumley [3], подчеркивающий зависимый от обстоятельств и обладающий потенциально широким спектром возможностей характер человеческого приспособления к ограничениям окружающей среды. В нем утверждается, что не только человек адаптируется и регулирует свое поведение по отношению к внешней среде, но, одновременно, он прилагает усилия к изменению этой среды в целях достижения состояния устраивающего равновесия. Причем интердетерминистский характер такого рода взаимодействия сопровождается постоянным изменением условий достижения найденного компромисса, что и выступает одним из ведущих условий развития.

В развитие представленных подходов в рамках авторской социокультурно-интердетерминистской диалогической метатеории интеграции психологического знания мною предложен принцип диалогического интердетерминизма [1]. Он дополняет принцип реципрокности интердетерминантой культурной обусловленностью, носящей универсальный характер, включив ее также в континуумы биологическое–психическое–социальное и осознаваемое–бессознательное–экзистенциальное. Этим преодолевается косвенно присутствующее в представленных формализациях К. Левина, описывающего поведение как функцию от личности и внешнего

окружения $B=f(P, E)$, и А. Бандуры предложившего частично двунаправленную трансформацию этой формулы в виде $B=f(P \rightleftharpoons E)$, артикулированную в принципе реципрокного детерминизма. Как подчеркивает А. Бандура, «в процессе реципрокного детерминизма поведение, внутренние личностные факторы и влияние окружения – это взаимозависимые детерминанты друг друга... поведение и внешние условия функционируют как реципрокно взаимодействующие детерминанты» [2, с. 346].

Отличительные особенности анализируемых подходов наглядно представлены на рис. 2

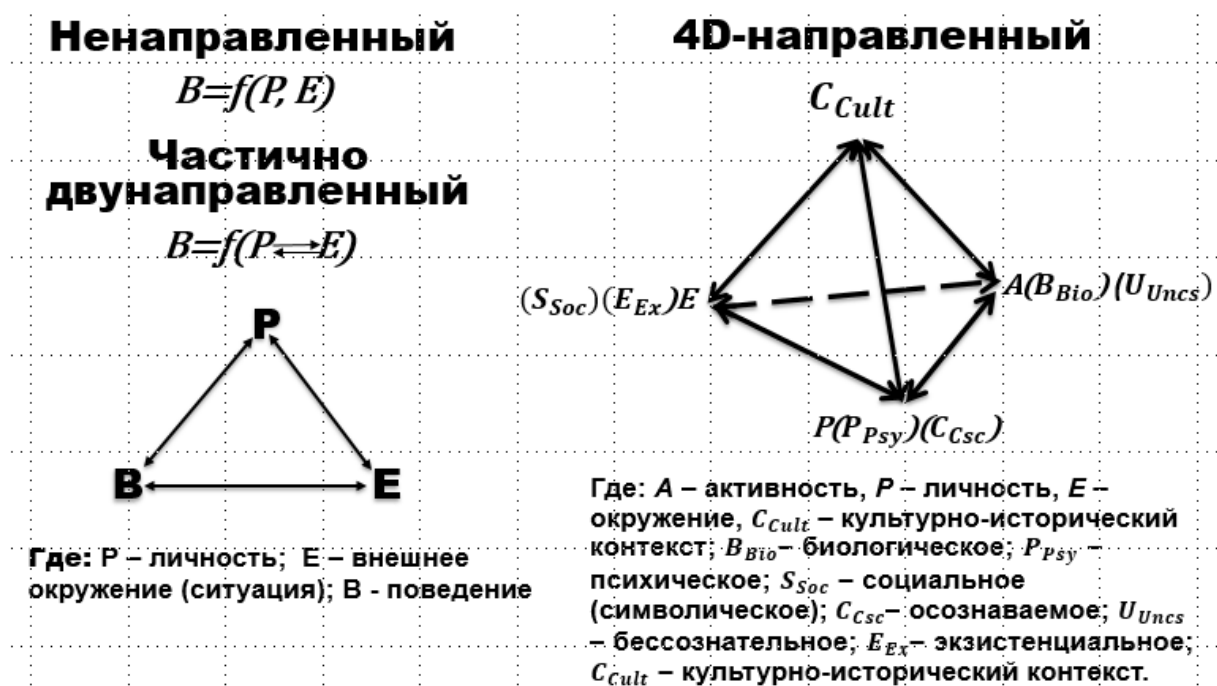

Рис. 2. Сравнение ненаправленного (К. Левин), частично двунаправленного (А. Бандура) и полинаправленного (В. Янчук) взаимодействия детерминант (интердетерминант) поведения.

В предлагаемом подходе это пространство скорее отражает внешнее описание, не претендуя на более глубокие пласты понимания специфики психологической феноменологии. Включение пространства биологическое – психическое – социальное – культурно обусловленное расширяет горизонты видения проблемного поля психологической феноменологии на их комплексность. Здесь речь идет не о состоянии однонаправленной или

частично двунаправленной детерминации, а качественно отличным характере взаимодействия диалогического свойства, предполагающего исходную равнозначность, взаимообусловленность и взаимовлияние, приводящего к формированию нового качественного состояния, не представленного в отдельно взятых детерминантах. Можно говорить о некоторой аналогии с Вертгеймеровским гештальтом, представляющим обретение целым нового качества, не сводимого к простой сумме составляющих его частей. Я не говорю уже о проблеме этического аспекта подобного рода открытий.

Отношение диалогической интердетерминации подчеркивает элемент взаимовлияющего и взаимоизменяющего его характера. Любое изменение одного из элементов неизбежно приводит и к изменению во всех взаимосвязанных элементах. Причем, происшедшие изменения приводят к изменению качества самой гетерогенной системы, получающей новообразования в виде расширения, переосмысления и перепереживания обретенного опыта. Эти элементы одновременно являются и автономными и взаимообуславливающими друг друга и последнее акцентирует внимание на том, что каждый из элементов не существует в качестве самодостаточного, а только во взаимоотношении с другими.

Приставка «интер» показывает способ, посредством которого мы можем преодолеть корневую метафору психологического понимания как на общедоступном, так и научном уровнях, сохранив их в исходном состоянии. Метафора такого рода представляет различие внутреннего и внешнего связанного с осмыслением пространства. Значение находится ни «внутри» ни «вовне»: оно находится «между». Тем не менее, то, что является «внутренним» предполагает наличие идентичности, которая также конструируется. Созидание и управление значениями являются процессами, организующими взаимодействие в соответствии с моделью взаимодействия. [5, с. 24-25]. Диалог представляет собой специфические коммуникативные обязательства «внутреннего диалога», которые он берет на себя для того, чтобы трансформироваться в «собеседников. Когда люди находятся в диалоге, они

взаимодействуют посредством взаимно активной динамики прояснения дискурсов подобно формированию значений и договариваются в сфере потребностей, интересов и желаний, которые будут достигнуты в случае достижения взаимного согласия [5, с. 28].

Пример комплексного характера диалогического интердетерминизма представляет проблема социальной реабилитации лиц, отбывших наказание. После отбывания срока наказания перед ними возникает проблема возвращения в социальную среду, во многом благодаря которой они и избрали направление асоциального поведения. Более того, эта среда не готова к изменению отношения к ним как избравшим социально ответственное поведение. Условно, освободившийся из мест лишения свободы человек вынужден постоянно доказывать свою не индивидуальную, а социальную полноценность. Именно по этой причине в качестве поддерживающей правопослушный образ жизни среды возникают такие неформальные объединения, как общества бывших заключенных и т.п., выполняющих функцию социальной поддержки измененного состояния и поведения. Т.е. исходно процесс социальной реабилитации включает и личностную и средовую компоненты. Адаптация к измененной среде предполагает и наличие новых типов активности, человека, приобретшего новое качество – человека правопослушного, т.е., по существу, сформированности культуры правопослушного образа жизни. Именно ограниченность такого рода активностей часто приводит бывшего заключенного в свое исходное состояние – совершения караемых законом действий. Таким образом, все элементы континуум личность – окружение – активность – культурно обусловленное находятся в состоянии диалогической интердетерминации, приводя к обретению нового качества личности.

Можно предположить, что не менее значим и второй пространственный континуум биологическое – психическое – социальное культурно обусловленное. Социальная реабилитация предполагает и освобождение от биологической зависимости, что наглядно демонстрируется и физиологическими изменениями, происходящие в организме заключенных. Это

и психокоррекционная работа, предполагающая, как это показывается в рамках того же биопсихосоциального подхода, соответствующего обращения с ним со стороны персонала колоний. Это и вооружение его необходимым набором копинг-стратегий и многого многого другого. И здесь существенна роль уже биопсихосоциальной культуры, которую следует формировать и у пациента и его социального окружения. Наконец, преодоление правонарушающего поведения это и оказание ему помощи в разрешении бессознательно-экзистенциального конфликта, связанного с подавлением осознания собственной ущербности, неполноценности, отверженности обществом.

Применительно к правоохранительной деятельности обозначенный выше контекст диалогической интердетерминации ставит вопрос правового обеспечения формирования культуры правопослушного поведения. Примером первых попыток решения такого рода задачи является появление терапевтической юриспруденции, представляющей инновационную междисциплинарную область исследований, интегрирующей право и социальные науки в изучении роли законов в качестве терапевтических агентов [4]. Закон в данном контексте рассматривается как «социальная сила, неизбежно влияющая на психическое здоровье и функционирование людей, на которых она воздействует» [там же, с. 561]. Терапевтическая юриспруденция признает, что нормы закона, процедуры и действия являются социальными силами, интенционально или неинтенционально приводящими к терапевтическим или антитерапевтическим последствиям. Ее эксплицитной целью является максимизация этих терапевтических воздействий и минимизация антитерапевтических следствий. Таким образом она фокусируется на психологическом благополучии и здоровье индивида. Сегодня терапевтическая юриспруденция начинает рассматриваться как наиболее перспективная и гуманистическая форма правотворчества, получившая развития в США, Канаде, Великобритании, Австралии, Австрии, Новой Зеландии.

Приведенный пример демонстрирует своеобразие диалогической интердетерминации, проявляющееся, во-первых, в обретении элементами

гетерогенной системы нового качества, требующего и учета обладания ими соответствующими био-психо-социо-культурными новообразованиями, экзистенциальной гармонией не только в контексте настоящего, а также ожидаемого будущего.

Комплексность природы феноменологии правоохранительной деятельности в контексте диалогической интердетерминации находит свое выражение в ряде требований к ее изучению:

1. Субкультурные особенности правонарушителей.
2. Био-психо-социальные интердетерминанты правонарушений.
3. Осознаваемо-бессознательно-экзистенциальные интердетерминанты правонарушений.
4. Средовые и активностные интердетерминанты социальной реабилитации осужденных.
5. Развитие практики терапевтической юриспруденции.

Литература

1. Янчук В.А. К построению социокультурно-интердетерминистской диалогической метатеории интеграции психологического знания / От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете. Сборник материалов юбилейной конференции: В 5 томах. Том 1 / отв. ред. Богоявленская Д.Б. – М.: Когито-центр, 2015, с. 136-138.
2. Bandura A. (1978) The Self-System in Reciprocal Determinism. *American Psychologist*. 33(4), 345-358.
3. Crumley C.L. (1994) Historical ecology : a multidimensional ecological rientation. In C.L. Crumley, ed., *Historical Ecology: Cultural Knowledge and Changing Landscapes*. Santa Fe, NM: School of American Research Press, pp. 1-16.
4. Daicoff S., Wexler D.B. Therapeutic Jurisprudence. In Goldstein A.M. (Ed.) (2003) *Handbook of psychology. Vol. 11. Forensic Psychology*. John Wiley & Sons, Inc., Hoboken, New Jersey.

5. Mininni G. (2010). The Method of Dialogue: Transaction Through Interaction
IPBS: Integrative Psychological & Behavioral Science, 44(1), 23-29.
6. Otto R.K., Heilbrun K. (2002) The Practice of Forensic Psychology:A Look
Toward the Future in Light of the Past. *American Psychologist*. 57(1), 5-18.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Агейко О.В.

Стратегии развития профайлинговой компетентности при подготовке юристов	3
--	---

Адаськова С.Б. Психологическое сопровождение осужденных

женщин на этапе адаптации к условиям отбывания наказания	7
--	---

Amit Uri

The Efficacy of Wedding Cognitive Behavior and Psychoanalytic

Psychotherapies in Group Psychotherapy for Incarcerated Male Population.....	11
--	----

Астрейко Н.С.

Агрессия водителя на дороге как преступное поведение	15
--	----

Бардова М.А., Яковенко С.И.

Особенности психологического отбора и подготовки переговорщиков для подразделений полиции	19
--	----

Вишневская В.П., Сутович Е.И.

Современные подходы к составлению социально-психологического портрета личности	23
---	----

Горбачев А.И., Ширко С.М.

Социально-психологические аспекты криминализации участников боевых действий	28
--	----

Гулис И.В.

Агрессия в служебных отношениях в контексте психологии права.....	32
---	----

Кивайко В.Н.

Личность террориста	36
---------------------------	----

Клышевич Н.Ю.

Социальные репрезентации личности преступника у студентов.....	40
--	----

Князев И.М.

Тактико-психологические и организационные аспекты допроса иностранцев граждан в ходе предварительного расследования	47
--	----

Ковалев В.М., Грабко А.Г.

Психологические составляющие профессиональной подготовки участкового инспектора милиции	51
--	----

Колмаков А.А.

Профилактика суицидального поведения спецконтингента, отбывающего наказание в местах лишения свободы	55
---	----

Ксенда О.Г.

Образовательное пространство как фактор криминализации обучающихся.....	77
--	----

Куликович Т.О.

Феномен «преступного подчинения» власти в структуре противоправного поведения индивида	81
---	----

Купченко В.Е., Мытник А.Н.

Насилие родителей как фактор агрессивности подростков с делинквентным поведением.....	84
--	----

Малкова Т.Н.

Психолого-правовые аспекты использования способов психологического воздействия в юридической практике.....	88
---	----

Метлицкий И.Е., Володько С.А.

Криминалистический профайлинг педофилов: типологический подход.....	92
--	----

Семёнов В.Н.

Предикторы криминальной агрессии у лиц с диссоциальным расстройством личности.....	95
---	----

Смирнова Ю.С.

Образ «преступника» как фактор профилактики преступлений	99
--	----

Сорока А.В.

Психологические особенности социальной реадaptации лиц, освобожденных из мест лишения свободы	101
--	-----

Фабрикант М.С.

Гордость справедливостью и равенством всех перед законом в своей стране: количественный кросскультурный анализ.....	106
--	-----

Фурманов И.А.

Агрессивные черты личности белорусских осужденных с различным составом совершённого преступления.....	110
--	-----

Шатило В.А.

Взгляды на природу государственной власти некоторыми представителями психологической школы права.....	130
--	-----

Яковенко С.И.

Достоверность информации в юридической психологии	133
---	-----

Янчук В.А.

Социокультурно-интердетерминистская диалогическая перспектива психологической феноменологии совершенствования правоохранительной деятельности	138
---	-----

Электронное научное издание

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИКЛАДНОЙ
ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ**

Материалы

I Республиканской научно-практической конференции

Минск, 23 ноября 2016 г.

На русском и английском языках

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *Н. Г. Щербакова*
Компьютерная верстка *И. Е. Метлицкого*

Электронный ресурс 17,1 Мб.

Тираж 100 экз. Заказ 707.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского государственного университета».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/159 от 27.01.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.